

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2024

№ 2

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный лингвистический университет, Россия

Редакционная коллегия:

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:

Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:

Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвеша, Венгрия

де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Россия

Лбова Людмила Валентиновна, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия

Миськова Елена Вячеславовна, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Секретарь: *Альбина Глуценко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия

Переводчик: *Даниил Уигет*, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru. Сайт журнала: www.journals.tsu.ru/siberia

Издательство: Издательство Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief

Funk, Dmitriy, Moscow State Linguistic University, Russia

Editorial Board:

Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor

Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor

Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA

Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia

Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria

Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:

Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:

Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA

Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden

Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary

de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands

Grant, Bruce, University of New York, USA

Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia

Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia

Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia

Zavyalov, Vladimir, Institute of Archaeology RAS, Russia

Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia

Kradin, Nikolay, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the RAS, Russia

Lbova, Lyudmila, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia

Miskova, Elena, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia

Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France

Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia

Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK,
Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia

Translator *Daniel Wiget*, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

(отв. ред. спец. темы номера С.Ю. Белоруссова)

Белоруссова С.Ю. Репрезентация этничности коренных малочисленных народов. Введение к специальной теме номера	6
Черняева Н.А. «Как живут и чем промышляют» северные народы: стратегии репрезентации коренных народов Севера в изданиях для детей 1920–1930-х гг.	15
Белоруссова С.Ю. Взлеты и падения: как меняется численность коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.)	46
Сулейманова О.А. Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве	71
Белоруссова С.Ю., Сюзюмов А.А. Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов)	93

MISCELLANEA

Pavlov V.V., Arapova E.Y. Human Capital Development in a Long-Term Governmental Planning: OECD Case-Study.....	120
Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Емельянов А.В., Зинурова Р.И., Калининченко О.В., Рымаренко Н.В., Симак Н.Ю., Сподина В.И. Эмпатия: динамика поведения на фоне глобального стресса пандемии COVID-19 в России	144
Васильева В.В. «Контейнер же почти резиновый»: роль материальности в предпринимательской деятельности на Севере	164
Любимова Н.С., Мочалова М.А. Наследие и культурное производство как факторы депериферизации малого города на примере Тарусы (Калужская область)	192

РЕЦЕНЗИИ

Громов Д.В. От чалдонов до интернет-мемов о Сибири	218
---	-----

CONTENTS

REPRESENTATION OF THE ETHNICITY OF SMALL INDIGENOUS PEOPLES

(Guest Editor S.Yu. Belorussova)

Belorussova S.Yu. Representation of the Ethnicity of Small Indigenous Peoples. Introduction to the Special Topic of the Issue	6
Chernyaeva N.A. “How Northern Peoples Live and What They Do”: Representation Strategies of Indigenous Peoples of the North and Siberia in Children’s Literature, 1920s–1930s	15
Belorussova S.Yu. Ups and Downs: How the Number of Indigenous Minorities is Changing (According to the Results of the 2021 Census)	46
Suleymanova O.A. Representation of the Ethnicity of the Kola Sami In Cyberspace	71
Belorussova S.Yu., Siuziumov A.A. Cartography in Cyberethnography (Using the Example of the Indigenous Peoples of Russia)	93

MISCELLANEA

Pavlov V.V., Arapova E.Y. Human Capital Development in a Long-Term Governmental Planning: OECD Case-Study.....	120
Burkova V.N., Butovskaya M.L., Ermakov A.M., Galimkhanov A.B., Emelyanov A.V., Zinurova R.I., Kalinichenko O.V., Rymarenko N.V., Simakov N.Yu., Spodina V.I. Empathy: Behavioral Dynamics During the Global Stress of the COVID-19 Pandemic in Russia	144
Vasilyeva V.V. “The Container is almost Infinitely Expandable”: The Role of Materiality in Entrepreneurship in the North	164
Liubimova N.S., Mochalova M.A. Heritage and cultural production as factors of deperipheralization of a small town on the example of Tarusa (Kaluga Region)	192

REVIEWS

Gromov D.V. From Chaldons to Internet Memes about Siberia	218
--	-----

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ

(отв. ред. спец. темы номера С.Ю. Белоруссова)

Научная статья

УДК 394

doi: 10.17223/2312461X/44/1

Репрезентация этничности коренных малочисленных народов. Введение к специальной теме номера

Светлана Юрьевна Белоруссова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, svetlana-90@yandex.ru*

Аннотация. Коренные малочисленные народы России существуют как отдельная категория согласно официальному перечню, включающему 47 этнических групп. Коренной народ небольшой численности сохраняется не только благодаря унаследованной от предков традиционной культуре и связи с исконной территорией своего формирования, но и благодаря сложившимся отношениям с окружающими народами. Данная тематическая рубрика включает исследование процессов и стратегий трансформации жизни коренных малочисленных народов. Как меняется образ коренных народов с течением времени? Как киберреальность сливается с реальностью, а киберэтничность становится неотъемлемой частью современной этничности? Как меняются привычные модели поведения и активности, а локальность соединяется с глобальностью? Подборка статей имеет широкий тематический и временной охват – от исследования восприятия этничности 1920-х гг. до современных реалий. Авторы изучали стратегии репрезентации этничности 1920–1930-х гг., а также современные этнические процессы, включая виртуальное взаимодействие. В статьях применяются различные инструменты для анализа современных форм этничности, в том числе картография и киберэтнография. В рубрике затрагивается тема недавно опубликованных результатов Всероссийской переписи населения среди коренных малочисленных народов, которая актуализирует и объединяет опыты позиционирования идентичности среди этнических сообществ. Надеемся, что данная подборка поможет увидеть новые ракурсы этнической идентичности коренных малочисленных народов, а новые методы и широкие тематические и временные рамки дадут возможность комплексного анализа. Результаты исследований станут подспорьем для расширения тематики, ее актуализации и акцентирования нынешних реалий. Сегодня коренные малочисленные народы сегодня отличаются адаптивностью, пластичностью и стратегическим мышлением, а изучение ресурсного потенциала их идентичности – задача современных исследователей.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, репрезентация этничности, идентичность, киберэтнография, картография, северные народы, саамы, Всероссийская перепись населения

Для цитирования: Белоруссова С.Ю. Репрезентация этничности коренных малочисленных народов. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 6–14. doi: 10.17223/2312461X/44/1

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/1

Representation of the Ethnicity of Small Indigenous Peoples. Introduction to the Special Topic of the Issue

Svetlana Yu. Belorussova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russia, svetlana-90@yandex.ru*

Abstract. The indigenous peoples of Russia exist as a separate category according to the official list, which includes 47 peoples. The indigenous people of small numbers are preserved not only due to the traditional culture inherited from their ancestors and the connection with the ancestral territory of their formation, but also due to the established relations with the surrounding peoples. This thematic section includes a study of the processes and strategies for transforming the lives of indigenous peoples. How does the image of indigenous peoples change over time? How does cyberreality merge with reality, and cyberethnicity become an integral part of modern ethnicity? How do habitual patterns of behavior and activity change, and does locality connect with globality? The selection of articles has a wide thematic and temporal coverage from the study of the perception of ethnicity in the 1920s to today's realities. The authors studied the strategies of representation of ethnicity in the 1920s — 1930s, as well as modern ethnic processes, including virtual interaction. The papers use various tools to analyze modern forms of ethnicity, including cartography and cyberethnography. The topic of the recently published results of the All-Russian Census of the Population among Small Indigenous Peoples is touched upon in the section, which actualizes and unites the experiences of positioning identity among ethnic communities. We hope that these papers will help to see new perspectives on the ethnic identity of small indigenous peoples, and new methods and broad thematic and time frames will enable a comprehensive analysis. The research results will help to expand the topic, update it and emphasize the current realities. Meanwhile, indigenous minorities today are characterized by adaptability, plasticity and strategic thinking, and the study of their resource potential is the task of modern researchers.

Keywords: indigenous peoples, representation of ethnicity, identity, cyberethnography, cartography, northern peoples, Sami, All-Russian Population Census

For citation: Belorussova, S.Yu. (2024) Representation of the Ethnicity of Small Indigenous Peoples. Introduction to the Special Topic of the Issue. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 6–14. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/1

Коренные малочисленные народы России существуют как отдельная категория согласно официальному перечню, включающему 47 этнических групп. Из них семь проживают в европейской части страны и 40 в регионах Арктики, Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они расселены среди других народов как компактными группами, так и дисперсно. Коренной народ небольшой численности сохраняется не только благодаря унаследованной от предков традиционной культуре и связи с исконной

территорией своего формирования, но и благодаря сложившимся отношениям с окружающими народами. Сегодня, когда традиции природопользования заметно теряют удельный вес на фоне урбанизации, виртуализации и прочих нетрадиционных систем жизнеобеспечения, все более важной для сохранения этничности становится окружающая социальная среда (Киссер 2023: 111). Если в прошлом под окружающей средой понималась прежде всего природа, то сегодня – главным образом общество и его система коммуникаций.

Согласно исследованию А.В. Головнёва и Т.С. Киссер, идентичность коренных малочисленных народов сочетает в себе множество измерений – от мифологии, исторической памяти и этнических стереотипов до ситуативных проявлений в коммуникативных диапазонах семьи, селения, региона, страны, мира. Ей присущи глубина и многослойность, в ней выражаются как глобальные, так и предельно частные, в том числе индивидуальные, мотивы и ракурсы. Окраинные коренные/туземные/автохтонные народы в разные годы назывались «малыми» или «малочисленными», что по-своему верно, но недостаточно для их адекватного позиционирования» (Головнёв, Киссер 2021: 80–81). Для России со времен империи и в течение советской эпохи культурное многообразие было одним из стержней политики; так, коренные народы Севера всегда выступали показательным примером или даже образцом этой политики (Головнёв 2020: 171). Отчасти благодаря политическому поощрению «национальной формы», вопреки колхозно-совхозной советизации, коренные малочисленные народы сохранили заметно больше самобытности, чем другие этнические сообщества, и в этом состоит конкурентное преимущество России при сравнении этнокультурных стратегий коренных жителей в различных государствах. Сегодня уже не принято считать коренные меньшинства консервативно традиционными сообществами и связывать их этничность исключительно с культурой предков. Этноресурс коренных малочисленных народов состоит не в их «первобытности», а в их по-своему высоких экологических, материальных, социальных и духовных технологиях (Головнёв и др. 2022).

Данная тематическая подборка имеет широкий тематический и временной охват – от исследования восприятия этничности 1920-х гг. до современных реалий. Авторы изучали стратегии репрезентации этничности 1920–1930-х гг., а также современные этнические процессы, включая виртуальное взаимодействие. В статьях применяются различные инструменты для анализа современных форм этничности, в том числе картография и киберэтнография. В рубрике затрагивается тема недавно опубликованных результатов Всероссийской переписи населения среди коренных малочисленных народов, которая актуализирует и объединяет опыты позиционирования идентичности среди этнических сообществ.

Ракурсы советского периода и сюжеты нового времени дают возможность проследить процесс формирования восприятия этнической идентичности как у сторонних наблюдателей, так и среди самих этнических групп. На протяжении XIX и большей части XX в. публичные образы коренных малочисленных народов конструировались почти исключительно через взгляд извне, т.е. с позиции российских чиновников, миссионеров, этнографов, публицистов, литераторов, кинематографистов и т.д. Устойчивые репрезентации этих народов были производны от политики государства в отношении территорий, занимаемых коренными малочисленными народами в каждый конкретный период российской и советской истории. Первые возможности для саморепрезентации возникают не ранее 1960–1970-х гг. с появлением национальных литератур коренных народов, но их потенциал ограничен идеологическими, эстетическими и другими фильтрами, налагаемыми советским культурным мейнстримом. Современные интернет-технологии значительно расширяют возможности для саморепрезентации, самоконструирования этнической идентичности. При этом артикуляции этничности, опосредованные сетевой коммуникацией, нельзя рассматривать в полном отрыве от предшествующих периодов. Только анализ формул, по которым строился образ представителя коренных малочисленных народов в XIX и XX вв., позволяет в должной мере оценить потенциал и динамику кибертехнологий в конструировании этничности.

Применение инструментов ГИС и анализ баз данных представляется важным в нынешних исследовательских реалиях, поскольку с течением времени современные картография и геоинформатика стали держательницами огромных массивов данных. В современных условиях, когда происходит широкая интеграция научных дисциплин, в стороне не остались этнография, картография и геоинформатика, и в арсенал этнографа все больше входит богатый инструментарий геоинформатики. Средствами геоинформационного картографирования и компьютерного моделирования актуально исследовать процессы и явления, протекающие в геосистемах, в том числе в отношении виртуальной этничности коренных малочисленных народов.

Виртуальные коммуникации в социальных сетях позволяют преодолеть территориальную удаленность в реальной жизни, что особенно важно для дисперсно расселенных этнических групп. На сегодняшний день исследование новых практик и технологий виртуальной коммуникации этнических сообществ и специфика формирования киберэтничности вызывают повышенный интерес этнографов и антропологов. Исследование особенностей виртуальной жизни коренных малочисленных народов является актуальной проблематикой, поскольку позволяет раскрыть вопросы, касающиеся современных форм самовыражения и репрезентации этничности в условиях глобальных социокультурных трансформаций.

Данная тематическая рубрика включает исследование процессов и стратегий трансформации жизни коренных малочисленных народов. Как меняется образ коренных народов с течением времени? Как киберреальность сливается с реальностью, а киберэтничность становится неотъемлемой частью современной этничности? Как меняются привычные модели поведения и активности, а локальность соединяется с глобальностью? Как рождаются новые авторитеты и рушатся ментальные границы?

Статья Н.А. Черняевой «“Как живут и чем промышляют” северные народы: стратегии репрезентации коренных народов Севера и Сибири в изданиях для детей, 1920–1930-е гг.» показывает, что десятилетие 1920-х было отмечено ростом государственных просветительских проектов в сфере советской национальной политики, включавших, в том числе, издания для детей (книги, брошюры, плакаты, диафильмы), посвященные народам СССР. Просветительская деятельность Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, энтузиазм отдельных этнографов-североведов, нашедших в научно-популярном жанре свое призвание и ставших авторами десятков книг для детей, способствовали особой популярности книг о коренных народах Севера в общем объеме изданий.

В статье анализируются устойчивые образы и нарративы, как текстовые, так и визуальные, в репрезентации коренных народов Севера в изданиях для детской аудитории, выходивших стране с 1917 по 1940 г. Используя методы дискурс-анализа, автор показывает, что особенности репрезентации коренных народов диктовались сложной конфигурацией экспертных компетенций авторов, меняющейся государственной идеологией в отношении северных народов и условностями популярного жанра. Система персонажей и логика повествования в этих изданиях отражали сложную диалектику чужого и своего, романтического и прагматического взглядов на коренные народы. Герои книг отличались от предполагаемого русскоязычного читателя внешностью, бытовыми привычками, образом жизни и представлений, при этом совпадая с ним в главном: в содержании общего советского будущего.

Визуальный язык, используемый издателями книг, был неоднородным и свидетельствовал о поисках изобразительных формул северности. Создатели использовали три типа изображений: фотографии, аутентичные рисунки, сделанные представителями коренного населения, и рисунки профессиональных художников. Каждый из типов изображения диктовал свою оптику в отношении коренных народов, конструируя взгляд как извне, так и изнутри культуры. Произведенный в статье анализ тиражей и изданий свидетельствует, что период массового увлечения коренными народами Севера и Сибири был довольно коротким: к середине 1930-х гг. он сменился интересом к территориям. Тема северных этносов перестает быть востребованной, зато усиливается тема путешествий, географических открытий и экспедиций.

Как продолжение исследования Н.А. Черняевой в статье С.Ю. Белоруссовой «Взлеты и падения: как меняется численность коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.)» изучаются причины снижения и увеличения количества представителей коренных малочисленных народов, а также стратегии по привлечению членов сообщества к обозначению себя в переписи. В декабре 2022 г. был опубликован пятый том Всероссийской переписи 2021 г., который представил новые сведения по языковому и национальному составу населения страны. Особенную значимость перепись представляет для групп коренных малочисленных народов, поскольку их числовые показатели являются одним из критериев включения в «Единый перечень коренных малочисленных народов России». В данной статье рассматриваются сюжеты четырех народов, у которых произошли изменения в количественных показателях в период между 2010 и 2021 гг.: у сойотов и тубаларов исследуются причины увеличения численности, у нагайбаков и шапсугов – уменьшения. Отдельно рассматриваются бесермяне, количество которых осталось прежним, однако их стратегия подготовки к переписи представляет интерес для данной работы. Цель статьи заключается в изучении условий и обстоятельств, которые привели к колебанию численности этнических групп.

Как показывает исследование, изменение численности связано не с демографическими причинами, а является следствием социокультурных процессов, происходящих в сообществе. Бурятским сойотам важно возрождение собственной культуры и сохранение памяти о предках. Для тубаларов значимость представляет не только именование себя представителем этнической группы, но и поддержка ее культурного потенциала. Последние 10 лет нагайбаки проявляют себя не столь ярко, однако новые обстоятельства способны активизировать интерес к своей идентичности. Разные именованья шапсугов дают им возможность выбора обозначений себя в зависимости от текущих условий. Угроза исчезновения мотивировала бесермян к консолидации сообщества и актуализации собственной идентичности.

Нельзя не отметить, что немаловажную роль в обозначении в переписи играет наличие предпочтений для коренных малочисленных народов. Не исключено, что значимость в этом представляют не сами блага, а ощущение самоценности народа через поддержку со стороны. Данное исследование демонстрирует изменчивость и дрейф этничности, а также ее зависимость от внешних и внутренних обстоятельств. Сегодня невозможно предсказать, что случится с численностью рассматриваемых этнических групп в будущем – тем интереснее и ценнее наблюдать за этим в дальнейшем.

В качестве отдельного case study в статье О.А. Сулеймановой «Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве» рассматривается этническая идентичность кольских саамов – одного из коренных малочисленных народов Российской Федерации, который демонстрирует успешную адаптацию к современным информационным технологиям и создает собственные киберсообщества. Они используют различные онлайн-платформы, включая социальные сети и мессенджеры, не только для общения и расширения социальных контактов, но и с целью этнической манифестации. В рамках данной статьи рассмотрены виртуальные практики репрезентации этнической культуры кольских саамов в киберсообществе. Анализ контента наиболее популярного саамского веб-сообщества в социальной сети «ВКонтакте» («Самь оллмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте») позволил выявить ключевые темы, которые активно обсуждаются внутри данной виртуальной группы и служат цели актуализации этнической идентичности.

Данное исследование открывает широкие перспективы для изучения особенностей репрезентации этнической идентичности кольских саамов в киберпространстве. В дальнейшем оно может быть расширено за счет привлечения материалов из других социальных сетей и мессенджеров («Одноклассники», Telegram и др.). С целью выявления специфичности саамского варианта репрезентации этничности, необходимо проведение сравнительного анализа, для которого потребуется привлечение материалов по другим этническим группам.

В статье «Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов России)» С.Ю. Белоруссова с А.А. Сюзюмовым предприняли попытку сочетания двух методов для исследования – картографии и киберэтнографии. С появлением в России этнографических знаний, т.е. исследований национальностей и этнических групп, населяющих территорию страны, карты стали использоваться для характеристики этнического состава российского общества. Размышляя о роли интернета в повседневном общении, современные этнографы дополняют традиционные методы так называемой киберэтнографией: изучением онлайн-коммуникации внутри этнических сообществ и между ними. Задача данной статьи заключается в исследовании возможностей использования картографии для визуализации не физического, а виртуального пространства межэтнической коммуникации.

Посредством картографирования виртуального пространства авторы попытались определить современные тенденции в репрезентации идентичности коренных малочисленных народов, а также выявить роль традиции и новации в их этнической культуре. В статье рассматривается виртуальный опыт трех этнических групп – води (Ленинградская область), бесермян (Республика Удмуртия) и нагайбаков (Челябинская область).

Данные для картографирования собирались на основе информации в группах в социальной сети «ВКонтакте», которая является наиболее востребованной среди коренных малочисленных народов России. Карты подразделяются на три блока:

1. «Общая информация»: динамика создания групп по годам, функциональность групп (живые и мертвые группы), классификация по организации групп, классификация по внутреннему содержанию.

2. «Пользователи»: гендерное и возрастное распределение подписчиков и модераторов, количество уникальных подписчиков, география подписчиков.

3. «Язык»: использование родного и неродного языка в комментариях, анализ часто используемых слов.

Соединение одной из древнейших технологий картографирования и нового метода киберэтнографии дает возможность детализированного учета этнического взаимодействия в цифровом пространстве. Методика «плотного описания», картографическое наблюдение и анализ баз данных позволяют проследить за процессами динамики и статики, активизации и пассивизации этнической идентичности в сети. Данная работа – первая попытка опробовать инструменты ГИС-технологий для коренных малочисленных народов России в цифровом пространстве, а последующие исследования имеют перспективы углубления и расширения, детальной проработки с привлечением дополнительных источников и материалов. Цифровая среда предоставляет возможности визуализированного отображения этничности, а как ее охватить, изучить и представить – зависит порой не только от конкретного инструментария, но и от фантазии исследователя.

Как видно из статей данной рубрики, сегодня сообщества демонстрируют адаптивность к современным реалиям жизни: с одной стороны, они участвуют в цифровых процессах, с другой – реальный мир остается истинной опорой их идентичности. В этом отношении традиционные устои представляются не архаикой, а выверенной временем системой ценностей, которые вполне адаптивны к современным высоким технологиям. Надеемся, что данная рубрика поможет увидеть новые ракурсы этнической идентичности коренных малочисленных народов, а новые методы и широкие тематические и временные рамки дадут возможность комплексного анализа. Результаты исследований станут подспорьем для расширения тематики, ее актуализации и акцентирования нынешних реалий. Переживаемые в последние годы глобальные вызовы и стремительные перемены заставляют экстренно пересмотреть научные подходы, прежде всего в части их системной дигитализации. Между тем коренные малочисленные сегодня отличаются пластичностью и стратегическим мышлением, а изучение их ресурсного потенциала – задача современных исследователей.

Список источников

- Головинёв А.В. Арктика: конспект 40-летних исследований // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 163–173.
- Головинёв А.В., Албогачиева М.С.-Г., Белоруссова С.Ю., Беляева-Сачук В.А., Киссер Т.С., Перевалова Е.В. Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Головинёв А.В., Киссер Т.С. Проекция этничности коренных малочисленных народов России (по данным веб-опроса) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2 (71). С. 80–89.
- Киссер Т.С. «Новые коренные»: проектная этничность на Ямале // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 4 (40). С. 111–117.

References

- Golovnev A.V. (2020) The Arctic: a Synopsis of 40 Years of Research. *Kunstkamera* [Kunstkamera], no. 3 (9), pp. 163–173.
- Golovnev A.V., Albogachieva M.S.-G., Belorussova S.Iu., Beliaeva-Sachuk V.A., Kisser T.S., Perevalova E.V. (2022) *Korennye malochislennye narody Rossii: etnokul'turnye proektsii* [Indigenous peoples of Russia: ethnocultural projections]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev A.V., Kisser T.S. (2021) Projections of the ethnicity of the indigenous peoples of Russia (according to the data of the web survey). *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (71), pp. 80–89.
- Kisser T.S. (2023) “New Indigenous”: project ethnicity in Yamal. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 10, no. 4 (40), pp. 111–117.

Сведения об авторе:

БЕЛОРУССОВА Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией музейных технологий, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svetlana Yu. Belorussova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana-90@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 мая 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 01.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

Научная статья
УДК 304
doi: 10.17223/2312461X/44/2

«Как живут и чем промышляют» северные народы: стратегии репрезентации коренных народов Севера и Сибири в изданиях для детей 1920–1930-х гг.

Наталья Анатольевна Черняева

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, n.a.chernyaeva@gmail.com*

Аннотация. Период 1920–1930-х гг. был отмечен ростом государственных просветительских проектов в сфере советской национальной политики, включавших, в том числе, издания для детей, посвященные народам СССР. Просветительская деятельность Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, энтузиазм отдельных этнографов-североведов, нашедших в научно-популярном жанре свое призвание и ставших авторами десятков книг для детей, способствовали особой популярности книг о коренных народах Севера в общем объеме изданий. Анализируются устойчивые образы и нарративы, как текстовые, так и визуальные, в репрезентации коренных народов Севера в изданиях для детской аудитории, выходявших стране с 1917 по 1940 г. С помощью методов дискурсивного и визуального анализа показано, что особенности репрезентации коренных народов диктовались сложной конфигурацией экспертных компетенций авторов, меняющейся государственной идеологией в отношении северных народов и условиями популярного жанра. Система персонажей и логика повествования в этих изданиях отражали сложную диалектику чужого и своего, романтического и прагматического взглядов на коренные народы. Визуальный язык, используемый издателями книг, был неоднородным и свидетельствовал о поисках изобразительных формул северности. Создатели использовали три типа изображений: фотографии, аутентичные рисунки, сделанные представителями коренного населения и рисунки профессиональных художников. Каждый из типов изображения диктовал свою оптику в отношении коренных народов, конструируя взгляд как извне, так и изнутри культуры. Анализ тиражей и изданий свидетельствует, что период массового увлечения коренными народами Севера и Сибири был довольно коротким: к середине 1930-х гг. увлечение народами сменяется интересом к территориям. Тема северных этносов перестает быть востребованной, зато усиливается тема путешествий, географических открытий и экспедиций.

Ключевые слова: коренные народы Севера, Комитет Севера, популярная этнография, детская литература, визуальная этнография

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничность и сетевые опыты» (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

Для цитирования: Черняева Н.А. «Как живут и чем промышляют» северные народы: стратегии репрезентации коренных народов Севера и Сибири в изданиях для детей, 1920–1930-е // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 15–46. doi: 10.17223/2312461X/44/2

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/2

“How Northern Peoples Live and What They Do”: Representation Strategies of Indigenous Peoples of the North and Siberia in Children’s Literature, 1920s–1930s

Natalia A. Chernyaeva

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, n.a.chernyaeva@gmail.com

Abstract. The period of the 1920s–1930s saw an increase in state-supported propaganda projects on the topic of Soviet nationality policy, including publications for children about people of different nationalities living in the USSR. The educational activities of the Committee of the North under the Presidium of the All-Union Central Executive Committee, the enthusiasm of individual ethnographers whose research focused on the Arctic zone, Siberia, and the Far East and who authored dozens of books for children, contributed to the remarkable popularity of publications about the indigenous peoples of the North in the total volume of publications. The article delves into the recurring images and narratives, both textual and visual, in the representation of the indigenous peoples of the North in publications for children published from 1917 to 1940. It emphasizes the profound influence of the authors’ professional expertise, the shifting state ideology towards indigenous northerners, and the conventions of the popular genre that underpinned these editions. The system of characters and narrative logic in these publications reflected a complex ‘own’ vs. ‘other’ dialectics and the romantic vs. pragmatic views of indigenous peoples. The visual language used by the book’s publishers included three types of images: photographs, authentic drawings by indigenous people, and drawings by professional artists. Each type of image dictated a different lens on indigenous peoples, constructing a view from both outside and inside the culture. The analysis of the books’ print runs and the number of new titles vividly illustrates the transient nature of the enthusiasm for the northern ethnic cultures: by the mid-1930s, the fascination with the peoples was overtaken by an interest in territories. The theme of the northern ethnic groups ceased to be in demand, but the theme of travel, geographical discoveries, and expeditions intensified.

Keywords: indigenous peoples of the North, Committee of the North, popular ethnography, children’s literature, visual ethnography

Acknowledgments: The study is conducted with the support of the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10079 “Small Indigenous Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences” (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

For citation: Chernyaeva, N.A. (2024) “How Northern Peoples Live and What They Do”: Representation Strategies of Indigenous Peoples of the North and Siberia in Children’s Literature, 1920s–1930s. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 15–46. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/2

Фраза «Как живут и чем промышляют» отсылает нас к названию серии детских книг, выпущенных с 1927 по 1930 г. посвященных народам, населяющим СССР. Небольшие книжки объемом от 20 до 50 страниц издавались в серии «Читальня советской школы» тиражами от 5 до

10 тыс. экземпляров, при этом многие переиздавались по три-четыре раза. Из пятнадцати книг серии семь были посвящены народам, которых сегодня принято называть «коренными народами Севера», а на языке 1920-х гг. их обозначали как «малые народности Севера», а также «северные племена» и «северные туземцы». Десятилетие 1920-х в целом отмечено ростом государственных просветительских проектов в сфере советской национальной политики. Эти проекты включали индустрию этнографического кино, направление «этнографического реализма» в изобразительном искусстве, ставшее популярным в середине 1920-х, и экспозиции в этнографических музеях. Печатные издания в стране с низким уровнем грамотности, каким был СССР в середине 1920-х, были не столь востребованы. Однако издательства делали исключение для детских книг и в особенности изданий для школьников как наиболее читающей аудитории, выпуская книги, раскраски, брошюры, диафильмы и другие материалы, посвященные народам СССР. Написанные на русском языке, эти издания создавали для читателей – представителей русскоязычного большинства – образ этнического другого. Авторами книг часто были специалисты-этнографы, историки или географы, нашедшие в научно-популярном жанре свое призвание или дополнительную сферу профессиональной самореализации. Многие факторы, о которых будет рассказано ниже, определили популярность изданий о коренных народах Севера и Сибири в общем объеме книг этнографической тематики для детей.

Целью исследования является анализ устойчивых образов и нарративов, как текстовых, так и визуальных, в репрезентации коренных народов Севера в изданиях для детской аудитории в 1920–1930-е гг. В этот период большая часть жителей центральной части страны не имели прямого контакта с северными территориями. Рассматриваемые издания были важным источником информации о чукчах, алеуках, саамах, хантах, ненцах, кетах и других народах Севера в эти годы; они создавали устойчивые образы этих народов в сознании и воображении юных читателей, имевшие шанс сохранить свое влияние и во взрослом возрасте.

Методологически работа опирается на исследования историков, этнографов, культурологов, посвященные конструированию образов народов Севера в российском массовом сознании и культурных практиках. Две фундаментальные научные работы составляют методологический горизонт исследования. Монография А.В. Головнёва «Северность России» освещает исторический момент на рубеже XIX и XX вв., когда образ Севера вошел в массовое сознание жителей России. Автор показывает, что активно развивающаяся в этот период этнография способствовала «одомашниванию» Севера, открывая для читающей публики северные народы и через узнавание превращая «других» в «своих» (Головнёв 2022: 300). Книга Ю. Слэзкина «Арктические зеркала: Россия и малые

народы Севера» (2008) описывает многовековую историю взаимоотношений российского государства с народами Заполярья, делая акцент на «взаимодействии политики и представлений». Автор рассматривает, каким образом имперские и советских практики в отношении коренных малочисленных народов опирались на сменяющиеся от эпохи к эпохе матрицы восприятия и репрезентации этих народов в научных, административных и художественных текстах. Ряд исследований посвящен отдельным примерам конструирования образа малых народов в российской литературе и культуре. Так, Б. Грант анализирует политику репрезентации народа нивхов в советском массовом сознании, делая вывод о двух доминирующих образах «малого народа»: «...один, который приветствует их транзит в мир современности, и другой, который отправляет их в безвременье прошлого» (Grant 1993: 228). Филологи А.В. Давыдова и Т.П. Шастина рассматривают образы малых народов в северном тексте русской литературы, в том числе литературы для детей 1960–1980-х (Шастина 2015; Давыдова 2023). Однако анализ совокупного образа коренных народов Севера и Сибири в литературе для детей в период становления советской национальной политики 1920–1930-х прежде не производился.

Объектом исследования в работе стали печатные издания на русском языке, выходившие с 1917 по 1940 г., посвященные коренным народам Севера и Сибири, предназначенные для детской русскоязычной аудитории. В статье не рассматриваются такие издания для детей – представителей коренного населения, как буквари, книги для чтения, учебники на национальных языках. Поиск изданий производился с помощью государственного библиографического указателя «Книги Российской Федерации», издававшегося с 1921 г., а также каталогов Российской государственной библиотеки (РГБ) и Российской национальной библиотеки (РНБ). Согласно этим источникам, количество новых названий книг для детей, посвященных народам Севера с 1918 по 1940 г. (без учета переизданий), было: в 1918 г. – 1, 1922 г. – 1, 1923 г. – 1, 1927 г. – 8, 1928 г. – 10, 1929 г. – 3, 1930 г. – 6, 1931 г. – 3, 1932 г. – 6, 1934 г. – 3, в 1936 г. – 1, 1937 г. – 1, 1939 г. – 1; 1940 г. – 2. В данной статистике мы учитывали только книги, в заголовках которых была отсылка к названиям народов. Мы не включали издания, посвященные географии и природе Севера, истории путешествий и экспедиций, а также сборники фольклора.

Работа носит междисциплинарный характер, находясь на пересечении истории этнографии, визуальной этнографии и отчасти – культурных исследований, что отражено и в наборе исследовательских методологий. Мы использовали биографический метод, чтобы проследить институциональную принадлежность и профессиональные траектории авторов изданий, в большинстве своем начинавших свою деятельность в русле академической карьеры и впоследствии обратившихся к написа-

нию научно-популярных работ. Для изучения текстов книг использовался дискурс-анализ, направленный на вычленение повторяющихся характеристик, мотивов и нарративных формул в рассказах о северных народах. Методы визуальных исследований использовались для рассмотрения оформления книг, включая обложки и иллюстрации.

Авторы изданий: профессиональные траектории и институции

На совещании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. этнограф Д.А. Золотарев подчеркивал важность популяризации знания о народах для детей и школьников: «Важно, чтобы изучение разнородного населения нашей страны вошло в систему нашего школьного преподавания... “Народности СССР” должны быть поставлены и проходить или в обществоведении, или в географии» (От классиков к марксизму... 2014: 168). К концу 1920-х и в 1930-е гг. многие специалисты-этнографы выступили в роли популяризаторов науки, часто совмещая эту работу с научной, музейной или административной деятельностью. Так, этнографы, работавшие в Центральном музее народоведения в Москве, создавали информационные материалы, сопровождающие экспозиции, посвященные отдельным народам. Это были брошюры объемом 15–20 страниц, которые содержали сведения о территории проживания, экономическом укладе, жилище, материальной культуре, религии и других аспектах жизни народов. Академическая подготовка авторов изданий давала о себе знать в том, что все брошюры включали списки научной литературы, использованной при их составлении. Примерами такого рода изданий были: Р.С. Липец «Лопари» (1928), М.С. Плисецкий «Башкиры» (1929), Е.Н. Елеонская «Алеуты» (1929), М.Т. Маркелов «Мордва» (1928) и другие. Эти издания были рассчитаны скорее на взрослую, чем на детскую аудиторию посетителей музеев. Сходная издательская практика была и в этнографическом отделе Русского музея (Миллер 1927; Самойлович 1927).

Увлечение темой Севера, арктических экспедиций на рубеже 1920–1930-х гг., «идеологическое превращение Севера в символ советской мощи» (Головнёв 2022: 331) способствовали тому, что книги о коренных народах Севера были довольно популярны у издателей. Две институции, напрямую связанные с научным и административным освоением северных и восточных территорий страны, способствовали активному продвижению образов народов Севера в массовую аудиторию. Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (1924–1935) имел своей целью способствовать «развитию малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и

культурно-санитарном отношении» (Всероссийский Центральный Исполнительный... 1924). Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока было добровольным объединением ученых, ставившем своими задачами, во-первых, координацию исследований, посвященных этим регионам, и, во-вторых, просветительскую деятельность среди широкой аудитории. Комитет и Общество выпускали совместно журнал «Северная Азия» с 1925 по 1930 г.; с 1930 по 1935 г. Комитет Севера издавал журнал «Советский Север». Названные организации были точкой сборки профессиональных усилий и коммуникации этнографов-североведов. Авторы, обладавшие желанием и способностью писать для массовой аудитории, находили в этих организациях институциональную и информационную поддержку: на страницах журналов Комитета печатались подробные обзоры выпускаемых популярных книг, а также шла дискуссия о качестве изданий для массового читателя. Кроме того, издательство «Северной Азии» выпускало популярные брошюры о народах Сибири и Дальнего Востока в своей так называемой дешевой серии.

Наибольшее количество книг для детей о народах СССР в рассматриваемый период было создано двумя авторами, аффилированными с Комитетом Севера и Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока: Николем Ивановичем Леоновым (1894–1971) и Петром Евгеньевичем Островских (1870–1940). Н.И. Леонов родился в Минусинске, провел там детские годы, а также период с 1919 по 1922 г. Выпускник исторического факультета Московского университета 1918 г., он увлекался литературой и пробовал себя как поэт, прозаик и драматург. С 1924 по 1930 г. Леонов был сотрудником и членом расширенного президиума Комитета Севера, активно печатался в журналах комитета «Северная Азия» и «Советский Север», а также в журнале «Новый Восток». Участвовал в экспедициях Комитета Севера в Ненецкий и Ханты-Мансийский округа, в Урянхайский край, выступал в печати с программными материалами Комитета и со статьями на более узкие темы, такие как организация туземных школ, сибирская литература, сибирское краеведение и музейное дело на местах. В 1927 г., когда созданный Комитетом Севера так называемый северный факультет, готовивший кадры для народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, перешел под эгиду Ленинградского института живых восточных языков, именно Н.И. Леонову была поручена экспертиза учебных программ факультета (Неруш 2021). Леонов – автор 17 книг для детей, посвященных народам СССР, из них девять – коренным народам Севера и Сибири. Некоторые из своих книг Леонов публиковал под псевдонимами Н. Амыльский, Н. Байсутов, В. Пелка и Д. Чибизянов.

П.Е. Островских (1870–1940) – этнограф, краевед, собиратель, путешественник, фотограф, уроженец Минусинского края, окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Провел

ряд научных экспедиций в Восточную Сибирь от Императорской Академии наук и Русского географического общества, сотрудничал с Петербургской Археологической комиссией, сибирскими музеями и этнографическим отделом Русского музея (Саввинов 2017). Островских опубликовал несколько значимых работ об этнографии Туруханского края, этнографические очерки о народах Тоджинского хошуна, о тунгусском населении района Васюганья. В 1920–1930-е гг. Островских участвовал в составлении «Программы для туземных школ северной зоны РСФСР» (1926) и книги для чтения на русском языке для народов Севера «Наш Север» (1927) в соавторстве с Н.И. Леоновым. В эти же годы он увлекся популяризацией этнографических знаний и выпустил издания для детей «Саянские хищники» (1927) и «Ненцы» (1936), а также выступил главным редактором серии наглядных пособий для школ под общим названием «Народы СССР: Очерки труда, быта и природы» (1929), состоявшую из 10 красочных плакатов, исполненных известными художниками того времени. Островских также написал подробный «Объяснительный текст» для педагогов, использующих плакаты, который вышел отдельным изданием (Островских 1930).

Среди других авторов, создававших книги о северных народах для детей, были такие известные этнографы, как В.Н. Харузина (1866–1931), Б.О. Долгих (1904–1971), М.Г. Левин (1904–1963), С.Н. Стебницкий (1906–1941), а также писатели, известные своим увлечением краеведческой тематикой: Джек Алтаузен (1907–1942), Н.С. Шер (1890–1960) и В.В. Лебедев (1901–1938). Таким образом, большинство популярных изданий о народах СССР в 1920–1930-е гг. создавалось учеными-этнографами, институционально аффилированными с этнографическими музеями и профессиональными объединениями, такими как Комитет Севера.

Гибрид научного и художественного: система персонажей, повествовательные траектории и идеологические схемы

В первые годы после революции количество издаваемых книг для детей было, вполне предсказуемо, невелико, и все они были переизданиями книг, впервые напечатанных до революции. Это повесть путешественника, журналиста и этнографа К.Д. Носилова (1858–1923) «Таня Логай: рассказ из жизни самоедов» (1918); перевод американской иллюстрированной книжки для дошкольников Л. Фич-Перкинс «Мини и Мони: эскимосы-близнецы» (1922), а также популярный очерк авторства В.Н. Львова «Самоеды» (1923). Количественный скачок произошел в 1927 году, когда издательство «Работник просвещения» начало выпуск серии книг для внеклассного чтения «Читальня советской школы». Пятнадцать книг серии были посвящены народам СССР, в том числе семь – коренным народам Севера и Сибири. Все, за исключением одной книги,

были написаны Н.И. Леоновым и все имели единый подзаголовок «Как живут и чем промышляют», например: «Со стадами оленей: как живут и чем промышляют самоеды-оленеводы» (Леонов 1927d). В выборе заголовка Леонов, судя по всему, ориентировался на известную популярную серию книг по народоведению Н.А. Александрова (1841–1907) «Где на Руси какой народ живет и чем промышляет», выходявшую с 1890-х гг. по 1906 г. в издательстве Л. Панафидина. При этом тексты книг Леонова вполне оригинальны и значительно отличаются от книг Александрова. Книги серии содержали информацию о следующих этносах: гольды, алеуты, остяки, вогулы, самоеды, якуты, ойроты, чукчи, тунгусы и поморы. Мы сохраняем названия народностей в том виде, в каком они фигурируют в текстах. Движение за переход от сложившихся в ходе колонизации Сибири названий народов к самоназваниям начался примерно в 1930 г. (Лукс 1930) и занял несколько лет. Анализируемые нами издания для детей отразили этот процесс: книга Леонова 1927 г. назвалась «Со стадами оленей: как живут и чем промышляют самоеды-оленеводы», а изданная в 1936 г. книга Островских носит уже название «Ненцы», хотя речь, судя о всему, идет об одном и том же этносе.

Эти и другие книги издательств ОГИЗ, «Молодая гвардия» и «Детская литература» представляли собой гибрид художественной, научно-популярной и научной литературы. Чтобы сделать рассказ о далеких народах привлекательным для детской аудитории, авторы создавали беллетризованный нарратив: каждая книга представляла собой историю из жизни вымышленных персонажей, сконструированных таким образом, чтобы через них раскрывать характерные черты жизни и культуры народа. Издания объединяет сходная система персонажей, близкие линии повествования и общие дискурсивные формулы в описании культур северных народов. В доступном виде читателю давалась информация о территории проживания, хозяйственном и семейном укладе, жилище и материальной культуре народов. При этом академическая подготовка и научная добросовестность авторов давали о себе знать в том, что многие книжки содержали списки использованной литературы и библиографические ссылки на работы авторитетных этнографов.

Система персонажей: «дитя природы», старик, шаман

Главным героем повествования всегда выступал ребенок или подросток: самоедская девушка Таня Логай, которая «будучи тринадцати лет уже была белых медведей» (Носилов 1918: 5), «десятилетний охотник, тунгус Балай» из книги Леонова «Охотники» (1930), «молодой чукча Тевлянто» (там же), десятилетний самоед Тенек из очерка А. Захарова «Тундра: из жизни зырян и самоедов» (1928), «рябой якутенок» Олеська (Алтаузен 1927). Почти всегда главными героями выступали мальчики

или юноши. Исключениями были упомянутая выше Таня Логай и «маленькая вогулка Кэть» из рассказа Н.И. Шер (1928). Выбор ребенка на роль главного героя создавал для авторов ряд важных возможностей. Во-первых, моделируя мир этнического другого через взгляд сверстника, авторы облегчали юным читателям задачу идентифицировать себя с персонажами. Во-вторых, авторы могли использовать дидактический прием «ребенок постигает окружающий мир», включая в повествование описания и пояснения практик, обычаев и ситуаций, возникающих по ходу сюжета. Дети в рассказах узнают от старших географические названия и названия природных объектов, тайны ремесла охотника или оленевода. К примеру, перекочевка оленьего стада в поисках ягеля зимой описывается через воображаемый диалог главного героя, юного оленевода Ванюты и его отца Яптека:

– Отец, – говорит Ванюта Яптеку. – Олени выгрызли весь ягель. Пора кочевать.

– Пора кочевать, Ванюта, говорит Яптек. Подальше к северу мы найдем свежие ягельные поля. К тому же скоро наступит жаркое время. А вместе с жарой и комары начнут мучить наших оленей. Ты прав, Ванюта, пора кочевать (Леонов 1927d: 11).

Аналогичным образом авторы включали в повествование эпизоды, когда герой-ребенок узнает о народных сказаниях, слушает рассказы старших о советской власти, знакомится с русскими активистами, а в конце повествования нередко отправляется в школу для туземных детей, организованную советской администрацией. Наконец, тот факт, что роль проводника русскоязычного читателя в мир экзотической культуры выполнял ребенок, соответствовало глубоко укоренившемуся взгляду на «малые» народы как на «детей природы» (Слэзкин 2008: 96).

Другим частотным персонажем являлся старик, хранитель родовой культурной памяти и владеющий всеми тайнами ремесла, будь то охота, оленеводство или рыбалка. Таков старик Нодо, поймавший соболя на охоте («Охотники»), старый алтаец Акпай, приютивший у себя дома сироту и обучивший его мастерству ночной рыбной ловли («В горных долинах Алтая»), дед «тунгусенка Михайло», который перед смертью делится с домочадцам своими прозрениями о «стране мертвых» («Тунгусенок Михайло»). Несмотря на мудрость и опытность стариков, они часто демонстрируют наивность в общении с внешним миром. Так, соплеменники беспокоятся о старом Нодо, добывшем шкурку соболя, что тот может продать ее за бесценнок купцам. Во многих книгах фигурирует сюжет о том, как в прежние год старики попадали в кабалу к купцам из-за своего пристрастия к спиртному.

Включение в повествование шамана отражало и реальную значимость шаманизма в мировоззрении и духовных практиках северных

народов, о которых авторы книг были хорошо осведомлены, и пропагандистский запрос на развенчание шаманизма, который также было трудно проигнорировать. Ю. Слёзкин отмечает, что острая стадия борьбы с шаманизмом наступает в 1928 г., когда шаманы назначаются на роль носителей ложного сознания и эксплуататоров туземцев (2008: 262). В зависимости от того, какая из авторских ипостасей брала вверх – этнографическая или пропагандистская – характеристика шамана в исследуемых нами текстах была либо объективистски нейтральной, либо враждебно-критической. Так, в книге Леонова «В стране самых больших морозов» дается почти классическое этнографическое описание шамана через метод включенного наблюдения. Один из персонажей книги, политический ссыльный в г. Верхоянск (действие в книге происходит до 1917 г.), сначала знакомится с трудом В. Серошевского о якутах, в котором много страниц уделено шаманизму, а затем наблюдает сцену шаманского обряда и практически безоценочно описывает его в деталях (Леонов 1928а: 48–52). В книге А. Захарова «Тундра...» шаман (тадибей), встретив в юрте знакомых самоедов представителей советской администрации, сначала делает попытку провести ритуал, а затем нападает на представителей с ножом. Описание шаманского ритуала – остро сатирическое: «Тадибей стал дико визжать, выкрикивать непонятные слова гнусавым голосом, приседать, вскрикивать, выделывать ногами разные фокусы, и вдруг повалился, как сноп, на пол» (1928: 27). К концу 1930-х шаман как персонаж книг почти исчезает, что, вероятно, должно было отражать официальную точку зрения о сходящей на нет роли шаманизма в культуре коренных народов. В книге П. Островских «Ненцы» (1936), дающей подробнейшее описание жизни, быта и материальной культуры ненцев Новой Земли, шаман и шаманство даже не упоминаются.

Повествовательные траектории: от «чужих» к «своим»

Ориентированные на русскоязычного читателя, все без исключения книги описывали коренные народы Севера как «других» в этническом и культурном отношении. «Трое людей, одетых в меха, пробираются густым лесом на лыжах... У людей этих не-русские лица, желто-бурого цвета, черные узкие глаза широко расставлены над выдающимися скулами... Одеты охотники в оленье шкуры. Под меховой одеждой нет никакого белья. Одежда из шкур надета прямо на голое коричневое тело» (Леонов 1930: 4). Так начинается рассказ Леонова «Охотники: как живут и чем промышляют тунгусы и чукчи». С первой страницы повествования читателям сообщают о том, что герои книги разнятся с ними внешнестью, расой («коричневое тело»), бытовыми и гигиеническими привычками. Авторы книг подчеркивали уникальность природных условий Се-

вера, которые вызывали к жизни и особенные способы адаптации: оригинальный тип жилища, одежды, хозяйствования, обычаев и поведения. В то же время многие приводимые в книгах отличия объяснялись более низким уровнем эволюционного развития туземцев. В работах упоминались отсутствие современных санитарных привычек к умыванию или мытью посуды, архаичное мировоззрение, включающее веру в духов и шаманов, а также импульсивность, недостаток воли и целеустремленности в характере, которые часто препятствовали успеху и роднили туземцев с детьми. Например, в сцене охоты чукчей на кита, когда после удачного выстрела поверженное животное всплывает над водой, охотники забираются на тушу и начинают кромать ее на месте, поедая куски мяса. Они пропускают тот момент, когда изменившийся ветер уносит тушу кита в море: «Подумать только: кит дает чукчам до полутора тысяч пудов мяса, спасает от голодовки. Сало кита служит топливом и осветительным материалом. Ребра кита употребляются для постройки яранг. А роговые пластинки, которыми усажена пасть кита – так называемый китовый ус – дали бы чукчам тысячи рублей деньгами. Вот какими богачами стали бы наши охотники! А теперь вот была добыча, да в море уплыла. А кто виноват?» (Леонов 1930: 36). Сцена импульсивного поведения охотниками сырого мяса прямо на месте охоты, вполне вероятно, шокировала читателя, подчеркивая цивилизационную дистанцию между ним и персонажами. Аналогичная экзотизация коренных народов проявлялась в описаниях сцен жертвоприношения, например жертвоприношения лошади у алтайцев (Леонов) или ритуального пиршества после удачной охоты на медведя (Харузина 1928а).

Экзотизация образов народов сочетается с противоположной тенденцией: стремлением подчеркнуть общность героев повествования и читателей, проистекающую из общей человеческой природы. Книги рассказывают, что представители коренных народов так же, как и русские, любят детей и заботятся о них, чтут стариков, усердно трудятся, чтобы накормить свои семьи, заботятся о слабых и больных. Часто, описывая обычаи и опыт своих персонажей, авторы сознательно использовали лексику, которая соединяла реалии персонажей с опытом читателя. По аналогии с «одноклассниками» Леонов в книге «На рыбной реке» называет жителей одного стойбища «одноулусниками» (от слова «улус») – явная попытка приблизить мир енисейских кетов к горизонту воображения русскоязычного школьника. Традиция рассказа об инородцах, максимально стирающая различия между ними и читателями, встречалась уже в текстах, созданных до 1917 г. Так, в рассказе «Таня Логай» зимние занятия семьи самоедов Новой Земли описываются автором, как если бы речь шла о веселых зимних забавах соседей по дачному поселку: «Мы, помню, с восторгом слушали Логаев, торопившихся нам рассказать, как

они коротают зиму. Это постоянные охоты, поездки на море, домашняя, полная разнообразия жизнь» (Носилов 1918: 13).

Траектория развития коренных народов мыслилась как переход от доклассового родового общества к социализму, минуя промежуточные стадии. Вместе с изменением способов хозяйствования должны были прийти и современные бытовые привычки, представления и культурные практики. Почти каждый текст книги о коренных народах завершается страницами, рассказывающими, что жизнь в северных окраинах меняется и начинает строиться по тому же образцу, что и жизнь в сердце страны. В тундру приходят кооперативы, культбазы, радиоточки, школы, медицинская и ветеринарная помощь. Параллельно с этим приходят новые обряды и праздники. В книге А.К. Покровской «Про оленей и детей» (1934) есть описание празднования Первого мая школьниками на Новой Земле, хорошо высвечивающее диалектику между чужим и своим, экзотическим и привычным:

В Москве тепло. На бульварах зеленеет трава, расцвели одуванчики, зацветают деревья. Ребята в майках и трусиках. На улице сегодня тысячи, десятки тысяч ребят. А на Новой Земле в самом большом поселке Малых Карманкулах ребят совсем мало. В Карманкулах единственная на всю Новую Землю школа. Мороз больше 30 градусов. Холодный ветер валит с ног, рвет платье. Ветер вырывает флаги из рук, бросает в лица колючий снег. Новоземельские ребята слушают радио. Москва говорит (Покровская 1934: 35).

В приведенном отрывке погодные условия, непредставимые в Москве, маркируют отличия, но содержание праздника, воспринимаемое жителями Новой Земли с помощью радиотрансляции, одинаково в обеих локациях. В целом повествовательные траектории рассматриваемых произведений строились в диапазоне от отличий к общности, от чужого – к своему.

От первобытной архаики к советской модерности

В анализируемых нами текстах можно наблюдать переход от романтизирующего взгляда на коренные народы, живущие в доклассовом обществе, не испорченном наживой и эксплуатацией, к взгляду с позиции экономической прагматики и требований социалистической модернизации. Старик и ребенок в качестве неперменных персонажей повествования в какой-то мере воплощали эти два взгляда: модус первобытной архаики и неизбежного советского будущего. В рамках романтического взгляда отношения туземцев с природой и внутри социума характеризовались как гармоничные и непротиворечивые, а все проблемы – как приходящие извне сообщества. В книгах подчеркивалось соответствие способов хозяйствования и быта северных народов их природному окружению, встроенность хозяйственного уклада в природный биоценоз. Так,

тунгусские охотники никогда не охотятся весной и летом, давая зверям родить и вырастить детенышей. «Ни один тунгус не нарушит закона тайги. А закон этот велит человеку соблюдать всякие сроки, установленные природой, чтобы зверь мог расплодиться и вырастить детенышей» (Леонов 1930: 21). Чукотские охотники на белого медведя отлично разбираются в движении прибрежных льдов и морских течений (41). Подчиняясь природным циклам рыболовства и охоты, туземцы умеют стойко переносить голодные месяцы, не испытывая особого дискомфорта. Традиционная одежда идеально приспособлена, чтобы защищать людей от природных стихий; в традиционном жилище кочевых народов «тепло и уютно» (Островских 1936: 7). Практически во всех текстах, описывающих кочевое оленеводство, подчеркивается максимально рациональное использование туши оленя, которого приходится убивать: «Оленья туша используется ненцами вся до мелочей. Ни одна косточка, ни одно сухожилие не выкидывается» (14).

Социальные отношения характеризуются гармонией и стремлением к справедливому распределению ресурсов между членами социума. Правила дележки добычи после охоты или рыбалки учитывают интересы всех членов сообщества: «Делят рыбу поровну между всеми членами товарищества. Все равно, имеет ли участник рыболовные принадлежности или нет, он получает одинаковую со всеми долю. Часть улова дарят вдовам и сиротам, не могущим принять участие в рыбной ловле» (Харузина 1928b: 17). Авторы подчеркивают честность и взаимное доверие среди тунгусов, чукчей, самоедов, вогулов и других народов, отсутствие у них случаев воровства. Никто из охотников не заберет из капкана животного, если капкан установил другой охотник; в поисках корня женьшеня достаточно огородить молодое растение колышками, и «как бы ни был измучен искатель женьшеня, он никогда не вырвет корня, найденного другим, таким, как и он, искателем (Леонов 1928b: 46–47). Алтайцы без колебаний принимают в семью сироту, который появился на пороге их юрты: «С испокон веков так повелось у нас, у алтайцев, – сироту на Алтае каждый возьмет. Разве можно чтобы ребенок без пищи, без крова ходил?» (Леонов 1927a: 13).

Таким образом, отношения с природным миром и внутри социума характеризуются гармонией. В то же время почти любой контакт с внешним миром чреват бедой, потерей, конфликтом. Главный источник конфликта – это торг, обмен товарами, который всегда происходит не в пользу туземца. Туземца обманывают из-за его доверчивости, неграмотности, тяги к алкоголю, так что он отдает свои товары за бесценок или попадает в вечный долг к купцу. Субъектами мошенничества в текстах выступают русские и коми-зырянские купцы, которые спаивают местных охотников и получают их товары за бесценок. До 1917 г. опасность исходила и от представителей российской власти в лице чиновника,

урядника. Угроза могла исходить и от американцев: в книжке про алеутов Командорских островов герой говорит: «Предки наши думали, что кит позволит себя поймать только хорошим, вежливым людям. Но я в своей жизни видел, что чаще всего киты достаются алчным американским промышленникам» (Леонов 1928b: 57).

Иными словами, представители туземных народов изображались как неиспорченные, наивные и доверчивые, нуждающиеся в защите от соблазнов и пороков «большого мира». Защита эта приходит в лице «новых людей» – представителей советской власти, которые налаживают справедливую торговлю, помогают с преодолением неграмотности путем строительства школ и тем, что отправляют перспективных молодых людей на учебу в большие города. Самое главное – советская власть организует туземное самоуправление. В полуутопическом рассказе о съезде самоедов, живущих на островах Северного Ледовитого океана, автор описывает момент коллективного прозрения аудитории, выразившийся в восклицании самоеда Вылки с Новой Земли: «Будем просить главную советскую власть, чтобы нашему самоедскому исполкому подчинились все, кто живет в тундрах и пользуется ею. Пускай самоед будет сам хозяином тундры» (Леонов 1927d: 27).

Одновременно с романтизирующим дискурсом в текстах проявлялся и прагматический взгляд на коренные народы, при котором и сами народы, и территории их проживания рассматривались как экономический ресурс государства. Так, в книге Захарова «Тундра...» рассказчик сокрушается, что оленеводство служит исключительно интересам туземцев: «Оленеводство было всегда главным занятием самоеда, но долгое время оно не имело промышленного значения. Самоед держал оленей исключительно для себя... Но в настоящее время светская власть принимает все меры к тому, чтобы самоеды так организовали оленеводство, чтобы не только они сами, но и все трудовое население... да и вообще все трудовое государство получало от оленеводства пользу... Оленьё молоко очень питательно, считается лучше коровьего, и этим молоком можно было бы питать десятки тысяч детей рабочих» (39). Прагматический подход мог проявляться в авторских комментариях о нерациональном расходовании туземцами природных ресурсов. «Много ценной рыбы – стерлядей, осетров и др. смог бы заготовить остяк за эти летние месяцы, да беда в том, что часто не хватает у остяка соли и умения засолить рыбу. От плохого засола рыба приобретает неприятный запах и становится негодной для продажи. Много, много рыбных богатств пропадает зря в низовьях Оби» (Леонов 1927b: 10).

В текстах 1930-х гг. нарратив неизбежной модернизации коренных народов предсказуемо усиливается. При этом идеализирующие описания традиционного образа жизни также сохраняются. К примеру, в книге писателя-краеведа Вс. Лебедева «К северным народам: путешествие к

лопарям» (1931) множество страниц посвящено красоте природы Кольского полуострова, чистейшему воздуху и воде, которые в состоянии излечивать многие болезни, а также жизни кочевых оленеводов – лопарей, идеально вписанной в природный мир. Путешествуя с семьей лопарей, автор научается ценить уют переносного шалаша – куваксы, вкус простой еды, ритмы кочевой жизни. Тем не менее финальные главы рисуют картину полного переустройства традиционного уклада в будущем, в результате которого лопари переходят к оседлому образу жизни, занимаются сельским хозяйством, олени стада пасут специально обученные пастухи, а дети живут в интернатах (Лебедев 1931: 143–144). Образы советской модерности уступали в обаянии картинам традиционного уклада, но формат детских книг позволял сгладить противоречие между архаикой и современностью.

Визуальные формулы северности

«Среди множества насущных вопросов, возникших в связи с созданием Советского Союза, особенно остро стоял вопрос репрезентации. Как заставить зрителей воспринимать новое государство иначе чем его предшественника – Российскую империю? Как показывать и видеть по-советски? С помощью каких визуальных метафор можно было вообразить советское государство и то, из каких этнических и социальных типов оно состояло?» – пишет в книге о феномене светского этнокино 1920–1930-х гг. Оксана Саркисова (Sarkisova 2017: 24). Проблема визуальной репрезентации коренных народов Севера, которая отвечала бы задаче «показывать и видеть по-советски», довольно остро стояла не только для кинематографистов, но и для создателей детских книг, которые непредставимы без иллюстраций.

Визуальный язык анализируемых нами изданий был неоднородным. Создатели использовали три типа изображений: 1) фотографии; 2) аутентичные рисунки, сделанные представителями коренного населения, и 3) рисунки профессиональных художников. Каждый из типов диктовал собственную оптику в отношении материала. Фотографии воспроизводили видимые черты внешности и быта северных народов с максимальной, как тогда казалось, степенью достоверности. Рисунки самих туземцев, изображающие охоту, рыбную ловлю, обряды, обладали преимуществами аутентичного взгляда изнутри культуры. Рисунки профессиональных художников-иллюстраторов использовали уже существующие и создавали новые визуальные формулы изображения северных территорий и их жителей. Эти три разные оптики часто причудливо переплетались в одном издании.

Объективирующий взгляд этнографической фотографии

Используя фотоизображения в качестве иллюстраций, создатели книг не давали информации о месте, времени или авторе съемки. Фотографии печатались с поясняющими подписями, такими как, например: «Олень тунгуса», «Семья тунгуса», «Кочевка самоедов», «Северный олень» и т.д. Однако тематика, приемы съемки и выбор объектов позволяют предположить, что снимки были скорее всего получены в ходе этнографических экспедиций конца XIX – начала XX в. Многие этнографы осваивали технику фотосъемки в этот период, и как минимум один из авторов детских книг, П.Е. Островских, был профессиональным фотографом, чьи обширные коллекции негативов и диапозитивов были куплены Кунсткамерой в 1936 г. Одну из использованных в качестве иллюстрации фотографий все же можно атрибутировать. Фотография Архангельского фотографа и путешественника Я.И. Лейцингера «Самоеды» была довольно известной, так как она имела хождение в виде открытки в начале XX в.¹ (рис. 1). Эту фотографию можно увидеть на обложке книги В.Н. Львова «Самоеды», изданной несколько раз до революции и переизданной в 1923 г. Ее также использует Н.И. Леонов с подписью «Семья самоедов» в своей книге «Со стадами оленей...» (1927d).

Использование в книгах фотографий, снятых в ходе этнографических, географических или административных экспедиций, подтверждало достоверность и научность представленной в книгах информации. Но оптика этнографической фотографии предполагает неравные отношения между субъектом и объектом съемки: модель в кадре является предметом фотофиксации и изучения. Поэтому использование этнографических фотографий в книгах запускает машину культурной гегемонии, усиливая культурную иерархию между читателями и героями книг. Примером такого иерархичного отношения может стать фотография «Чукчанка с ребенком» из книги Н. Леонова «Охотники...» (1930). На фотографии изображена женщина с обнаженной грудью, кормящая малыша (рис. 2).

¹ Лейцингер сделал эту фотографию во время экспедиции губернатора Архангельска А.П. Энгельгарта на Новую Землю в 1894 г., которую он сопровождал в качестве фотографа. Эта фотография как минимум дважды была издана в виде открытки, в том числе известной Московской фирмой «Фототипия Шерер, Набоглиц и Ко» в серии «Типы Северной России» (см.: Империя Романовых. URL: <https://www.romanovempire.org/media/samoyed-murmansk-shore-murman-a259ff> (дата обращения: 25.02.2024)).

Рис. 1. Типы северной России. Самоеды. Открытка. Лицевая сторона.
Между 1904 и 1917 г. Источник: Российская национальная библиотека.
URL: <https://vivaldi.nlr.ru/lo000020258/view/#page=> (дата обращения: 25.02.2024)

Рис. 2. Чукчанка с ребенком. Иллюстрация к книге Н.И. Леонова.
«Охотники: как живут и чем промышляют тунгусы и чукчи». М., 1930

В европейской культуре публичное изображение обнаженной женской груди возможно либо в художественном, либо в медицинском контекстах. В последней трети XIX в. также стало допустимым публиковать изображения женщин с обнаженной грудью, если речь шла об антропологических фотографиях. В Европе фотографии жителей колоний с обнаженной грудью и даже гениталиями довольно часто публиковались в форме открыток (Levine 2013). В российской этнографической традиции фотографии женщин с обнаженной грудью были нередки, но, в отличие от Великобритании, они почти не фигурировали в публичном пространстве в виде открыток или в альбомах. Появление такого фото в издании для детей свидетельствовало о различии в стандартах репрезентации «культурных» жителей метрополии и туземцев. Тип изображения, который считался бы нескромным или неприличным в отношении русскоязычного населения, воспринимался как легитимный в отношении коренных народов – «детей природы».

Рисунки коренных жителей: взгляд изнутри культуры

Рисунки, сделанные представителями коренного населения, использовавшиеся в качестве иллюстраций во многих изданиях, составляли значительный визуальный контраст с фотографиями. Эти рисунки были

небольшими и давали плоскостное, контурное изображение предметов и явлений. Вместо прямой перспективы использовалась точка зрения сверху. При этом рисунки были выразительными и их смысл легко прочитывался, несмотря на минимум использованных средств (рис. 3).

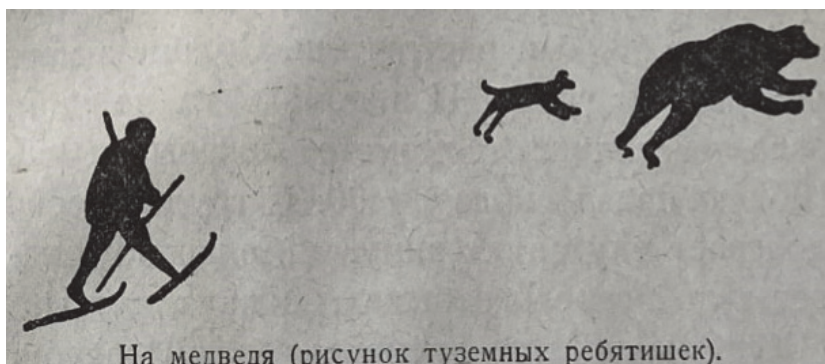

Рис. 3. На медведя (рисунок туземных ребятишек). Иллюстрация к книге Н.И. Леонова «Охотники: как живут и чем промышляют тунгусы и чукчи». М., 1930

Многие этнографы обратились к рисункам коренных жителей как к этнографическому и краеведческому источнику на рубеже XIX–XX вв. Этому интересу способствовало активное развитие возрастной психологии и педологии, изучавших рисунки детей для понимания эволюции графического мышления у человека. Довольно скоро была осознана ценность рисунков людей, не знакомых с изобразительными конвенциями западного искусства, то есть детей и представителей туземного населения. Педагоги, работавшие в отделенных районах Севера и Сибири, сохраняли рисунки детей и создавали коллекции. Этнографы, работающие в поле, просили информантов зарисовать предметы окружающего мира (Требуховский 1926; Иванов 1954). Многочисленные собрания рисунков детей и взрослых, представителей коренных народов, аккумулировались в художественных мастерских при Институте народов Севера (Иванов 1954: 738) и Центральном доме художественного воспитания в Москве.

В. Богораз-Тан был одним из первых, кто использовал аутентичные рисунки жителей северных территорий в оформлении своего «Букваря для северных народностей» (Богораз-Тан, Стебницкий 1927). Н.И. Леонов включил рисунки туземцев в книги серии «Как живут и чем промышляют». Как член Школьной комиссии Комитета Севера, он имел доступ к ее материалам, в числе которых были тетради и рисунки, присылаемые учителями туземных школ, часть из которых участвовала в выставке Наркомпроса в 1927 г. (Леонов 1928d: 99).

Детский писатель Вс. Лебедев, который в конце 1920-х гг. регулярно писал очерки о народах СССР в журнале «Дружные ребята: журнал для

крестьянских детей», выпустил книжку о малых народах Дальнего Востока, орочонах и гольдах, «Охотники на Имане» (1932), в которой одной из сюжетных линий является освоение туземцами техники рисунка. Рассказчик, приехавший из Москвы, просит местных охотников нарисовать что-нибудь, и те, прежде не державшие в руках карандаша, рисуют сцены охоты, отражая «все самое значительное в их глазах»: след соболя, ловушку, снаряжение для охоты и самого охотника (33). Книга целиком иллюстрирована рисунками, созданными местными жителями Уссурийского края (рис. 4).

Рис. 4. Орочен готовится сделать выстрел. Иллюстрация в книге
Вс. Лебедева «Охотники на Имане». М., 1932

Похожим образом оформлена книга «Про оленей и детей, про собак и про гусей», с той разницей, что в ней использовались рисунки ненецких детей из коллекции Дома художественного воспитания (рис. 5).

Аутентичные рисунки представителей коренных народов задавали оптику, противоположную объективирующему взгляду фотографии. Глядя на фотографии в книгах, читатель смотрел на мир коренных народов взглядом внешнего наблюдателя: специалиста-ученого, этнографа. Рисунки же транслировали жизненный мир персонажей, увиденный их же глазами, через их собственное восприятие, давая возможность понимающего самоотожествления с героями книг.

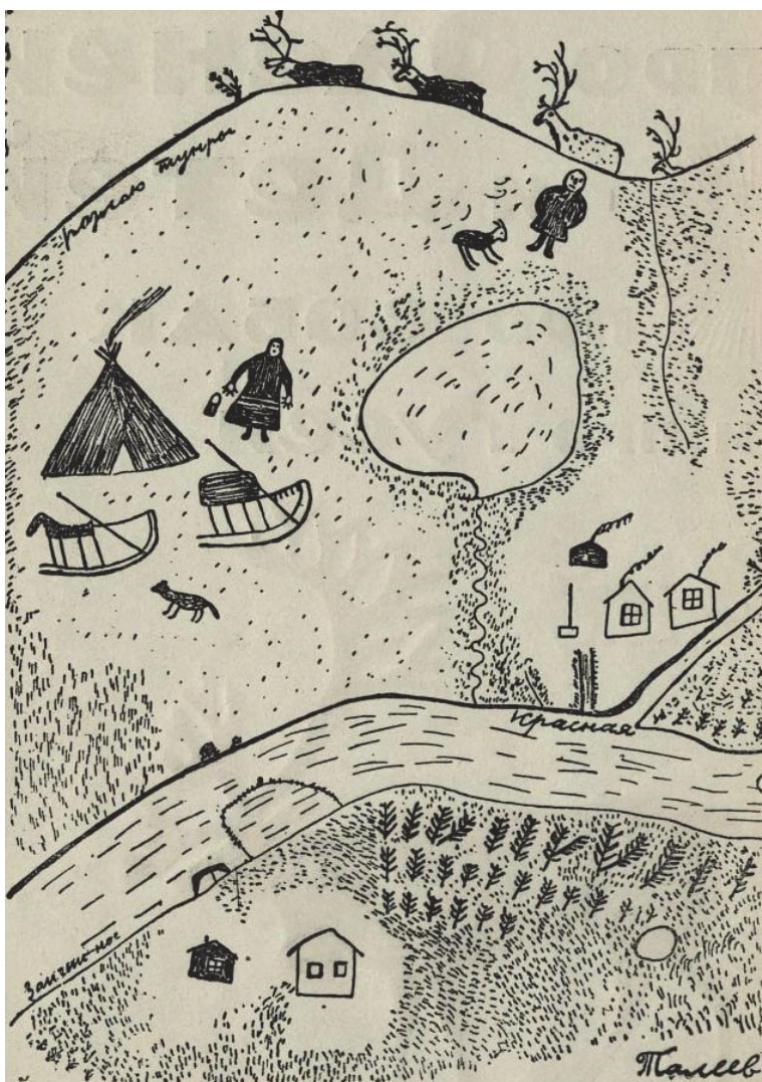

Рис. 5. Иллюстрация в книге А.К. Покровской
«Про оленей и детей, про собак и про гусей». М., 1934

Рисунки профессиональных художников: визуальные тропы северности

К оформлению книг привлекались известные иллюстраторы того времени, такие как И.А. Француз, В.А. Ватагин, В.М. Голицин, П.Н. Староносов и др. Их работы отмечает тематическое и стилевое разнообразие. Мир народов Севера предстает в огромной вариативности животных и птиц, типов жилища, ландшафтов, занятий и ситуаций, таких как охота

на медведя и тюленя, рыбная ловля, перекочевка оленьего стада и др. Стилизованный репертуар художников был также велик, от импрессионистической манеры И. Француза в «Тунгусенке Михайло» до классики анимализма художника Ватагина в книге «На тюленьем промысле» (рис. 6).

Рис. 6. В. Ватагин. Обложка книги С.В. Покровского «На тюленьем промысле». М., 1927

Художники, оформлявшие книгу, в которой воспроизводились аутентичные рисунки коренных жителей, адаптировали свою манеру таким

образом, чтобы она соответствовала манере автохтонных художников. Примером такой стилизации может служить обложка книги Н.А. Леонова «Про север...» (1928) художника И. Француза, в которой он использует перспективу сверху, схематичные изображения фигурок и другие черты, отличавшие манеру рисунка жителей Севера (рис. 7). Подобный же прием использован в книге А. Гладуна «Олени и лопари» (1930).

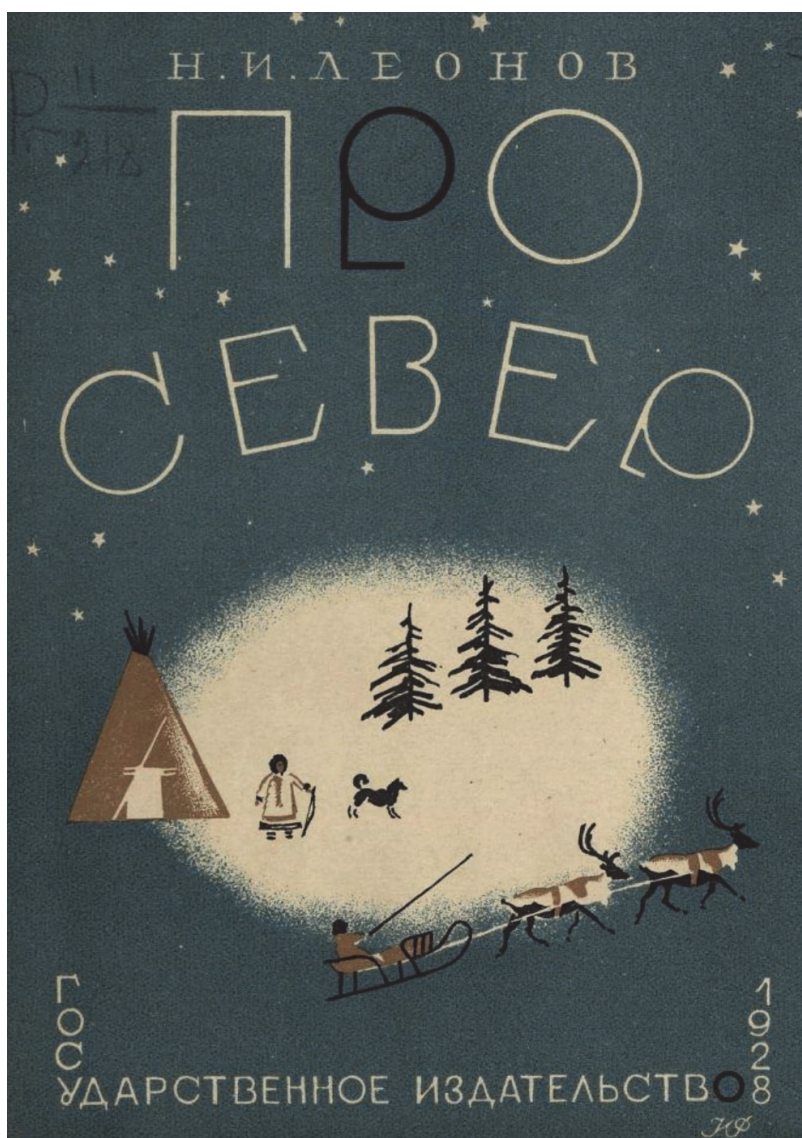

Рис. 7. И. Француз. Обложка книги Н.И. Леонова «Про север: стихи.
С рисунками детей самоедов, остяков и чукчей». М., 1928

Работы профессиональных художников были в какой-то мере компромиссом между отчуждающей оптикой этнографической фотографии и взглядом изнутри культуры, транслируемым рисунками туземцев. Используя конвенции классической живописи, к которой, можно предположить, глаз читателя, был более привычен, рисунки советских художников-иллюстраторов создавали обширный репертуар визуальных тропов и узнаваемых образов, которые впоследствии ассоциировались у читателей с Севером и проживающими там народами.

От народов к территориям

Количество изданий о коренных народах Севера для детей, как уже было отмечено, постепенно уменьшалось с начала 1930-х гг. и особенно после 1934 г.: всего четыре новых названия было издано с 1934 по 1940 г. При этом популярность темы Севера в эти годы только усиливалась: огромный интерес к полярным экспедициям О. Шмидта на ледоколе «Александр Сибиряков» в 1932 г., драматичное спасение участников полярной экспедиции «Челюскин» в 1934 г. и, наконец, история дрейфующей станции «Северный полюс» под руководством И.Д. Папанина в 1937–1938 гг. привели к тому, что, по выражению А. Головнёва, «страна мысленно дрейфовала на Север, навстречу папанинской льдине» (Головнёв 2022: 333). Одно из возможных объяснений этому парадоксу – сдвиг фокуса внимания с народов на территории. Административные документы Комитета Севера начала 1930-х гг. свидетельствуют о том, что забота о коренных народах Севера и Сибири переставала быть приоритетом для власти, в то время как экономическая разработка территорий Сибири и Севера выходила на первый план. На очередном Восьмом Пленуме Комитета в 1931 г. председатель П.Г. Смидович в своем выступлении отметил коренное изменение целей и задач Комитета: «...из представителей интересов туземных нацменьшинств в русских округах и районах [комитет] должен сделаться представителем северных национальных округов и районов, беря на себя работу о всестороннем развитии этих административно-территориальных объединений и всего входящего в них населения, вне зависимости от их национальности» (цит. по: (Скачко 1931: 6)). Тем самым потерял свою актуальность один из основополагающих тезисов Комитета, заключающийся в том, что коренные народы Севера уникально приспособлены к суровым природным условиям региона, и без их помощи невозможно освоение природных богатств. Журнал «Советский Север» (1931) опубликовал в 1931 г. разгромную статью на очередную научно-популярную брошюру Н.И. Леонова «Север на стройке», осуждая как раз высказанный им тезис об исключительности «северных племен»:

Откуда это, из какого века? ... Автор просмотрел процесс переселения на Север десятков тысяч людей только за последние 2 года. Как же можно освоить неисчислимые богатства тундры и тайги, если единственно возможными их обитателями являются 140 000 (по определению автора) человек из Северных племен? (Северный 1931: 216).

Другие книги и брошюры Леонова также становятся предметом критических отзывов в журнале, и в 1931 г. он прекращает работу над научно-популярными изданиями. Последней его книгой для детей становится «Столица народа аваньки: культура у тунгусов» (1931) о создании культбазы для эвенков, которую Б. Шахтемиров в своей рецензии назвал «халтурной» и «фальшивой» (1931: 249).

Как показал Слѣзкин, с передачей функций экономического освоения региона Главсевморпути в 1934 г., идеология особого положения коренных народов Севера окончательно сошла на нет: «Малые народы ничем не отличались от других народов кроме разве что численности» (2008: 320). Формальным завершением специализированной политики государства в отношении малых народов Севера стал самороспуск Комитета Севера в 1935 г. (Скачко 1935). Смещение акцентов в советской национальной политике сказалось и на приоритетах издательств: с середины 1930-х гг. тема северных этносов перестает быть востребованной, зато усиливается тема путешествий, географических открытий и экспедиций. В заголовках книг фигурируют не названия этносов, а названия территорий: Камчатка, Арктика и Северный край, Саяны, Земля Франца-Иосифа и т.д. Этнографический взгляд на Север, доминировавший в научно-популярной литературе для детей, уступил географическому взгляду, основанному на тропах «освоения» и «покорения» территорий.

Заключение

Рост государственных просветительских проектов в области национальной политики во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. и массовое увлечение темой Севера в СССР привели к заметному всплеску в издании популярных книг для детей, посвященных коренным народам Севера и Сибири. Авторами книг были специалисты-этнографы, нашедшие в научно-популярном жанре свое призвание или дополнительную сферу профессиональной самореализации. Особенности репрезентации коренных народов диктовались сложной конфигурацией экспертных компетенций авторов, меняющейся государственной идеологией в отношении северных народов и условностями популярного жанра. Большинство изданий представляли собой гибрид художественной, научно-популярной и научной литературы, со-

здавая беллетризованный нарратив и сохраняя, где возможно, научную фундированность и точность описаний. Система персонажей и логика повествования в этих изданиях отражали сложную диалектику чужого и своего. Герои книг отличались от предполагаемого русскоязычного читателя внешностью, бытовыми привычками, образом жизни и представлений, при этом совпадая с ним в главном: в содержании общего советского будущего. Этнографические компетенции авторов проявлялись в детальных и в каком-то смысле романтизированных описаниях традиционного жизненного уклада коренных народов, в то время как образы светлого социалистического будущего получались довольно схематичными.

Визуальный язык, используемый издателями книг, был неоднородным и свидетельствовал о поисках изобразительных формул северности. Создатели использовали три типа изображений: фотографии, аутентичные рисунки, сделанные представителями коренного населения и рисунки профессиональных художников. Каждый из типов изображения диктовал свою оптику в отношении коренных народов, конструируя взгляд как извне, так и изнутри культуры. Тиражи и издания книг свидетельствуют о том, что период массового увлечения коренными народами Севера и Сибири был довольно коротким: к середине 1930-х годов увлечение народами сменяется интересом к территориям. Тема северных этносов перестает быть востребованной, зато усиливается тема путешествий, географических открытий и экспедиций.

Список источников

- Алтаузен Дж. Якутенок Олеська. М.: Государственное издательство, 1927.
- Богораз-Тан В.И., Стебницкий С.Н. Букварь для северных народностей. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927.
- Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Совет Народных Комиссаров Р.С.Ф.С.Р. Декрет от 2 февраля 1925 года. Положение о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2342.htm (дата обращения: 25.02.2024).
- Гладун А.Ф. Олени и лопари. М.: Государственное издательство, 1930.
- Головнёв А.В. Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022.
- Давыдова А.В. Проблемы перцепции образа ненецкого народа в Северном тексте русской литературы для детей // Северно-Восточный гуманитарный вестник. 2023. № 1 (42). С. 120–133.
- Захаров А.А. Тундра: очерк из жизни зырян и самоедов. М.; Л.: Московский рабочий, 1928.
- Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
- Лебедев Вс.В. К северным народам (путешествие к лопарям). М.: Огиз: Молодая гвардия, 1931.
- Лебедев Вс.В. Охотники на Имане. М.: Молодая гвардия, 1932.
- Левин М.Г. Эскимосы: Картинки с текстом. М.: Крестьянская газета, 1930.

- Леонов Н.И. В горных долинах Алтая: как живут и чем промышляют ойраты. М.: Работник просвещения, 1927а.
- Леонов Н.И. На рыбной реке: как живут и чем промышляют остяки-рыболовы. М.: Работник просвещения, 1927б.
- Леонов Н.И. Со стадами оленей: как живут и чем промышляют самоеды-оленоводы. М.: Работник просвещения, 1927д.
- Леонов Н.И. (Н. Байсутов) В стране самых больших морозов: как живут и чем промышляют якуты. М.: Работник просвещения, 1928а.
- Леонов Н.И. (Д. Чибизянов) На дальнем, дальнем востоке: как живут и чем промышляют гольды и алеуты. М.: Работник просвещения, 1928б.
- Леонов Н.И. Про север. Стихи. С рис. детей самоедов, остяков и чукчей. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928с.
- Леонов Н.И. Советское строительство на фронте Крайнего Севера: о работе Комитета Севера за 1927–28 гг. // Северная Азия. 1928d. № 3. С. 92–103.
- Леонов Н.И. Охотники: как живут и чем промышляют тунгусы и чукчи. М.: Работник просвещения, 1930.
- Леонов Н.И. Север на стройке: советское строительство среди малых народностей северных окраин. М.: Власть советов, 1931.
- Леонов Н.И., Островских П.Е. Наш Север: Вторая книга для туземных школ северной зоны РСФСР. М.: Центральное издательство народов СССР, 1927.
- Луks К.Я. О названиях туземных народностей Севера // Советский Север. 1930. № 2. С. 101–103.
- Львов В.Н. Самоеды (очерк). Москва; Петроград: Государственное издательство, 1923.
- Миллер А. Народы горного Кавказа, абхазы и адыгей. Краткие путеводители. Русск. Музей, Этнографический отдел. Л., 1927.
- Неруш В.О. Учебные планы для «северян»: об одном межведомственном конфликте в Ленинграде в 1925–1930 гг. // Гуманитарный акцент. 2021. № 1. С. 70–78.
- Носилов К.Д. Таня Логай: рассказ из жизни самоедов. М.: Ред. журн. «Юная Россия», 1918.
- Островских П.Е. Саянские хищники. Рассказы со многими фотографиями. М.: Государственное издательство, 1927.
- Островских П.Е. Народы СССР: Очерки быта, труда, природы. Объяснительный текст к картинам I серии: Народы Севера, Алтая и Средней Азии. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.
- Островских П.Е. Ненцы. М.: Учпедгиз (Библиотека по географии для начальной школы), 1936.
- От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.). СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Покровская А.К. Про оленей и детей, про собак и про гусей. М.: Посредник, 1934.
- Покровский С.В. На тюленьем промысле. М.: Издательство Мириманова, 1927.
- Саввинов А.И. Пять лет в Туруханском крае: Долганы и якуты в исследованиях П.Е. Островских // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 43–52.
- Самойлович А. Оседлое население Туркестана. Русский музей, этнографический отдел. Л., 1927.
- Северный. Отзыв на: Н. Леонов. Север на стройке // Советский Север. 1931. № 2. С. 216–217.
- Скачко А.Е. VIII Пленум Комитета Севера // Советский Север. 1931. № 5. С. 5–28.
- Скачко А.Е. Народы Севера на новом этапе // Революция и национальности. 1935. № 8. С. 31.
- Слѣзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛО, 2008.
- Требуховский П.Ф. Детский рисунок туземных народов Сибири // Сибирская живая старина. Вып. 2 (VI). Иркутск, 1926.

- Фич-Перкинс Л. Минни и Монни, эскимосы-близнецы. М.; Л.: Московский рабочий, 1922.
- Харузина В.Н. Тунгусенок Михайло: картинки из жизни тунгусов. М.; Л.: Государственное издательство, 1928а.
- Харузина В.Н. Тунгусы. Этнографический очерк. М.; Л.: Московский рабочий, 1928б.
- Шастина Т.П. Архаика и современность в поэме Итина «Каан-Кэрэдэ» (К проблеме репрезентации малых народов в сибирской литературе 1920-х годов) // Филология и человек. 2015. № 3. С. 99–108.
- Шахтемуров Б. Рецензия на: Н. Леонов, Столица народов аваньки (культура у тунгусов) // Советский Север. 1932. № 1. С. 249.
- Шер Н.И. Маленькая Кэть: как живут вогулы. М.: Работник просвещения, 1928.
- Grant B. Siberia Hot and Cold: Reconstructing the Image of Siberian Indigenous People // Diment, G. and Yu. Slezkine, eds. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: St. Martine Press, 1993. P. 227–253.
- Levine P. Naked Truths: Bodies, Knowledge, and the Erotics of Colonial Power // *Journal of British Studies*. 2013. Vol. 52, Is. 01. P. 5–25
- Sarkisova O. *Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. London; New York: I.B. Tauris, 2017.

References

- Altauzen Jack (1927). *Iakutenok Oles'ka* [Little Yakut Oles'ka]. Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Bogoraz-Tan V.I., Stebnitsky S.N. (1927). *Bukvar' dlia severnykh narodnostei* [A Primer for the Northern Nations]. Moscow: Tsentralnoie izdatel'stvo narodov SSSR.
- Davydova A.V. (2023) Problemy pertseptsii obraza nenetskogo naroda v severnom tekste russkoi literatury dlia detei [Perception of the Nenets people's image in the Northern text of Russian literature for children], *Severno-vostochny gumanitarny vestnik*, no. 1(42), pp. 120–133.
- Fich-Perkinson, L. (1922) *Minni i Monni, eskimosy-bliznetsy* [Minnie and Monnie, Eskimo twins]. Moscow – Leningrad: Moskovskii rabochii.
- Gladun A.F. (1930) *Oleni i lopari* [Reindeer and Lapps]. Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Golovnev A.V. (2021) *Severnost Rossii* [Nothernness of Russia]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Grant B. (1993) *Siberia Hot and Cold: Reconstructing the Image of Siberian Indigenous People*. In: Diment, G. and Yu. Slezkine, eds. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York: St. Martine Press, pp. 227–253.
- Ivanov S.V. (1954) *Materialy po izobrazitel'nomy iskusstvu narodov Sibiri XIX – nachala XX veka* [Materials on the visual art of the peoples of Siberia in the nineteenth – early twentieth century]. Moscow – Leningrad.
- Kharuzina V.N. (1928a) *Tungusienok Mikhailo: kartinki iz zhizni tungusov* [Little Tungus Mikhailo: pictures from the life of the Tungus people]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Kharuzina V.N. (1928b) *Tungusy Etnograficheskii ocherk* [The Tungus: Ethnographic essay]. Moscow – Leningrad: Moskovskii rabochii.
- L'vov V.N. (1923) *Samoe dy (ocherk)* [The Samoyeds (essay)]. Moscow-Petrograd: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Lebedev V.V. (1931) *K severnym narodam (puteshestviie k lopariam)* [To the northern peoples (traveling to the Lapps)]. Moscow: Ogiz – Molodaia gvardiia.
- Lebedev V.V. (1932) *Okhotniki na Imane* [Hunters of the Iman River]. Moscow: Molodaia gvardiia.

- Leonov N.I. (1927a) *V gornykh dolinakh Altaia: Kak zhivut i chem promyshliayut the Oirats* [In the Mountain Valleys of the Altai: How the Oirats live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (1927b) *Na rybnoi reke: kak zhivut i chem promyshliayut ostiaki-rybolovy* [On the fish river: how Ostyak fishermen live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (1927d) *So stadami olenei: kak zhivut i chem promyshliayut samoedy – olenevody* [With herds of reindeer: how Samoyed reindeer herders live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (N. Baisutov) (1928a) *V strane samykh bolshikh morozov: kak zhivut i chem promyshliayut yakuty* [In the country of the greatest frosts: how Yakuts live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (D. Chibizianov) (1928b) *Na dal'nem, dal'nem vostokey: kak zhivut i chem promyshliayut gol'dy i aleuty* [In the far, far East: how the Golds and Aleuts live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (1928c) *Pro Sever: Stikhi. S risunkami detei samoedov, ostiakov i chukchei* [About the North: Poems. With drawings by Samoed, Ostiaks and Chukchi children]. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Leonov N.I. (1928d) Sovetskoe stroitel'stvo na fronte Krainego Severa: O rabote Komiteta Severa za 1927-1928 gody [Soviet construction on the front of the Far North: about the work of the Committee of the North during the period between 1927 and 1928]. *Severnaia Aziia*, no. 3, pp. 92–103.
- Leonov N.I. (1930) *Okhotniki: kak zhivut i chem promyshliayut tungusy i chukchi* [Hunters: how the Tungus and Chukchi live and what they do for a living]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Leonov N.I. (1931) *Sever na stroike: sovetskoe stroitel'stvo sredi malykh narodnostei severnykh okrain* [The North on the construction site: Soviet construction among small nationalities of the northern periphery]. Moscow: Vlast' Sovetov.
- Leonov N.I., Ostrovskikh P.E. (1927) *Nash Sever: Vtoraia kniga dlia tuzemnykh shkol severnoi zony RSFSR* [Our North: The Second book for native schools of the Northern zone of the RSFSR]. Moscow: Tsentralnoie izdatel'stvo narodov SSSR.
- Levin M.G. (1930) *Eskimosy: kartinki s tekstom* [Eskimos: pictures with text]. Moscow: Krestianskaia gazeta.
- Levine P. (2013) Naked Truths: Bodies, Knowledge, and the Erotics of Colonial Power, *Journal of British Studies*, Vol. 52, Issue 01, pp 5–25.
- Luks K.Ya. (1930) O nazvaniakh tuzemnykh narodnostei Severa [On the names of the indigenous peoples of the North], *Sovetskii Sever*, no. 2, pp. 101–103.
- Miller A. (1927) *Narody gornogo Kavkaza, abkhazy i adygei Kratie putevoditeli. Russky muzei. Etnograficheskii otdel* [Peoples of the mountainous Caucasus, Abkhazians and Adygeans. Brief guides. Russian Museum, Ethnographic Department]. Leningrad: Gos. tipografia imeni. Iv. Fedorova.
- Nerush V.O. (2021) Uchebnye plany dlia “severian:” Ob odnom vezhvedomstvennom konflikte v Leningrade v 1925–1930 [Curricula for “northerners:” on one interdepartmental conflict in Leningrad in 1925–1930], *Gumanitarnyi aktsent*, no. 1, pp. 70–78.
- Nosilov K.D. *Tania Logai: rasskaz iz zhizni samoedov* [Tanya Logai: a story from the life of the Samoyeds]. M.: Redaktsiia zhurnala Yunaia Rossiia.
- Ostrovskikh P.E. (1927) *Saianskie khishniki. Rasskazy so mnogimi fotografiiami* [Sayan predators. Stories with many photos]. Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Ostrovskikh P.E. (1930) *Narody SSSR. Ocherki byta, truda, prirody. Ob'asnitel'ny tekst k kartinam I serii: Narody Severa, Altaia i Srednei Azii* [Peoples of the USSR: Essays about life, labor, and nature. Explanatory text to the pictures of the Series no. 1: Peoples of the North, Altai and Central Asia. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoie izdatel'stvo.
- Ostrovskikh P.E. (1936) *Nentsy* [The Nenets]. Moscow: Uchpedgiz.

- Ot klassikov k marksizmu: soveshchaniie etnografov Moskvy i Leningrada (5-10 apreliia 1929)* [From Classics to Marxism: Meeting of Ethnographers of Moscow and Leningrad (April 5–11, 1929)]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014, pp. 511.
- Pokrovskaiia A.K. (1934) *Pro olenei i detei, pro sobak i pro gusei* [About deer and children, about dogs and geese]. Moscow: Posrednik,
- Pokrovskii S.V. (1927) *Na tiuleniem promysle* [In the seal industry]. Moscow: Izdatel'stvo Mirmanova
- Samoilovich A. (1927) *Osedloe naselenie Turkestana. Russky muzei. Etnograficheskii otdel* [Sedentary population of Turkestan. Russk. Museum, Ethnographic Department]. Leningrad: Gos. tipografia imeni. Iv. Fedorova.
- Sarkisova O. (2017) *Screening Soviet Nationalities: Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. London, New York: I.B. Tauris.
- Savvinov A.I. (2017) Piat' let v turukhanskom kraie: Dolgany i iakuty v issledovaniiakh P. Ie. Ostrovskikh [Five Years in the Turukhansky Krai: Dolgans and Yakuts in P.E. Ostrovskikh's Research], *Severno-vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, no. 3 (20), pp. 43–52.
- Severnii (1931) Retsenziia na: N. Leonov, Sever na stroike [Review of: N. Leonov, The North at the construction site], *Sovetskii Sever*, no. 2, pp. 216–217.
- Shakhtremirov (1932) Retsenziia na: N. Leonov, Stolitsa naroda avan'ki (kultura u tungusov) [Review of: N. Leonov, The Capital of the Avanki people: Culture of the Tungus], *Sovetskii Sever*, no. 1, pp. 249.
- Shastina T.P. (2015) Arkhaika i sovremennost' v poeme Itina "Kaan-Kerede": k probleme reprezentatsii malykh narodov v sibirskoi literature [Archaics and modernity in Itin's poem 'Kaan-Kerede': Problem of representation of small peoples in Siberian Literature of the 1920s], *Filologiya i Chelovek*, no. 3, pp. 99–108.
- Sher N.I. (1928) *Malenkaia Ket': kak zhivut voguly* [Little Kat': How the Voguls live]. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia.
- Skachko A.Ie. (1931) VIII Plenum Komiteta Severa [The 8th Plenum of the Committee of the North], *Sovetskii Sever*, no. 5, pp. 5–28.
- Skachko A.Ie. (1935) Narody Severa na novom etape [Peoples of the North at a new stage], *Revoliutsiia i natsional'nostii*, no. 8, pp. 31.
- Slezkin Yu. (2008) *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: NLO.
- Trebukhovskii P.F. (1926) Detskii risunok tuzemnykh narodov Sibiri [Children's drawings of indigenous people of Siberia], *Sibirskaia zhivaia starina*, Vyp. 2. Irkutsk.
- Vserossiiskii Central'ny Iсполnitelnyi Komitet. Sovet Narodnykh Komissarov R.S.F.S.R. Dekret ot 2 fevralia 1925 goda. Polozhenie o Komitete sodeistviia narodnostiam severnykh okrain pri Prezidiume Vserossiiskogo Central'nogo Iсполnitel'nogo Komiteta. [All-Russian Central Executive Committee. Council of People's Commissars of the R.S.F.S.R. Decree of February 2, 1925. Regulations on the Committee for Assistance to the Nationalities of the Northern Suburbs under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee]. Available at: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2342.htm (Accessed 25 February 2024)
- Zakharov A.A. *Tundra: Ocherk iz zhizni zyrian i samoedov* [Tundra: a study of the life of the Zyrians and Samoyeds]. Moscow – Leningrad: Moskovskii rabochii.

Сведения об авторе:

ЧЕРНЯЕВА Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, PhD, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.a.chernyaeva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalia A. Chernyaeva, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.a.chernyaeva@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23 апреля 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 23.04.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/44/3

Взлеты и падения: как меняется численность среди коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.)

Светлана Юрьевна Белоруссова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, svetlana-90@yandex.ru*

Аннотация. В декабре 2022 г. был опубликован пятый том Всероссийской переписи 2021 г., который представил новые сведения по языковому и национальному составу населения страны. Особенную значимость перепись представляет для групп коренных малочисленных народов, поскольку их числовые показатели являются одним из критериев включения в «Единый перечень коренных малочисленных народов России». В статье рассматриваются сюжеты четырех народов, у которых произошли изменения в количественных показателях в период между 2010 и 2021 гг.: у сойотов и тубаларов исследуются причины увеличения численности, у нагайбаков и шапсугов – уменьшения. Отдельно изучаются бесермяне, количество которых осталось прежним, однако их стратегия подготовки к переписи представляет интерес для данной работы. Цель работы заключается в изучении условий и обстоятельств, которые привели к колебанию численности этнических групп. Как показывает исследование, изменение численности связано не с демографическими причинами, а является следствием социокультурных процессов, происходящих в сообществе. Бурятским сойотам важно возрождение собственной культуры и сохранение памяти о предках. Для тубаларов значимость представляет не только именование себя представителем этнической группы, но и поддержка ее культурного потенциала. Последние 10 лет нагайбаки находятся в этническом успокоении, однако новые обстоятельства способны активизировать интерес к своей идентичности. Разные именованья шапсугов дают им возможность выбора обозначений себя в зависимости от текущих условий. Угроза исчезновения мотивировала бесермян к консолидации сообщества и актуализации собственной идентичности. Нельзя не отметить, что немаловажную роль в обозначении себя в переписи играет наличие преференций для коренных малочисленных народов. Не исключено, что значимость в этом представляют не сами блага, а ощущение самооценности народа через поддержку со стороны. Данное исследование демонстрирует изменчивость и дрейф этничности, а также ее зависимость от внешних и внутренних обстоятельств. Сегодня невозможно предсказать, что случится с численностью рассматриваемых этнических групп в будущем – тем интереснее и ценнее наблюдать за этим в дальнейшем.

Ключевые слова: Всероссийская перепись населения, коренные малочисленные народы, сойоты, тубалары, шапсуги, бесермяне, нагайбаки, этничность, идентичность, виртуальная этничность

Благодарности: статья подготовлена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–

2025 г., проект «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» (рук. А.В. Головнёв).

Для цитирования: Белоруссова С.Ю. Взлеты и падения: как меняется численность среди коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 46–70. doi: 10.17223/2312461X/44/3

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/3

Ups and Downs: How the Number of Indigenous Minorities is Changing (According to the Results of the 2021 Census)

Svetlana Yu. Belorussova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, svetlana-90@yandex.ru

Abstract. In December 2022, the fifth volume of the All-Russian Census of 2021 was published, which provided new information on the linguistic and national composition of the country's population. The census is of particular importance for groups of indigenous small-numbered peoples, since their numerical indicators are one of the criteria for inclusion in the “Unified List of Indigenous Small-numbered Peoples of Russia”. This paper examines the stories of four peoples who had changes in quantitative indicators between 2010 and 2021: The reasons for the increase in the number of Soyots and Tubalars are being investigated, while the decrease in Nagaibaks and Shapsugs is being investigated. The Besermians, whose number has remained the same, are considered separately, but their strategy of preparing for the census is of interest for this work. The purpose of the paper is to study the conditions and circumstances that led to fluctuations in the number of ethnic groups. As the study shows, the population change is not due to demographic reasons, but is a consequence of socio-cultural processes taking place in the community. It is important for Buryat Soyots to revive their own culture and preserve the memory of their ancestors. For Tubalars, it is important not only to identify oneself as a representative of an ethnic group, but also to support its cultural potential. For the last ten years, the Nagaibaks have been in ethnic calm, but new circumstances can intensify interest in their identity. Different naming of Shapsugs gives them the opportunity to choose their own designations depending on current conditions. The threat of extinction motivated the Besermians to consolidate the community and actualize their own identity. It should be noted that the presence of preferences for small indigenous peoples plays an important role in identifying themselves in the census. It is possible that the significance in this is not the benefits themselves, but the feeling of self-worth of the people through support from the outside. This study demonstrates the variability and drift of ethnicity, as well as its dependence on external and internal circumstances. Today it is impossible to predict what will happen to the number of ethnic groups in question in the future — the more interesting and valuable it is to observe this in the future.

Keywords: All-Russian population census, indigenous peoples, Soyots, Tubalars, Shapsugs, Besermians, Nagaibaks, ethnicity, identity, virtual ethnicity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society

and aimed at strengthening the all-Russian identity in 2023–2025, the project “Indigenous Small peoples: updating ethnicity” (PI A.V. Golovnev).

For citation: Belorussova, S.Yu. (2024) Ups and Downs: How the Number of Indigenous Minorities is Changing (According to the Results of the 2021 Census). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 46–70 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/3

В декабре 2022 г. был опубликован пятый том Всероссийской переписи 2021 г., который представил новые сведения по языковому и национальному составу населения страны. Особенную значимость перепись представляет для групп коренных малочисленных народов (КМН), поскольку их числовые показатели являются одним из критериев включения в «Единый перечень коренных малочисленных народов России». На сегодняшний день в России проживает 47 таких сообществ, количество которых, согласно Федеральному закону «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», не превышает 50 тысяч человек. Таким образом, перепись является не только формой учета численности представителей КМН, но и контрольным мероприятием по подтверждению официально закрепленного статуса. Согласно данным переписи 2021 г., ни одна из групп, входящих в этот перечень, не переступила заданный порог. При этом сообщества КМН являются неоднородными по количественному составу: есть представительство от нескольких десятков до сотен человек (кереки, 23 чел.; водь, 105 чел.), а есть те, которые приближаются к контрольному рубежу в 50 тыс. (абазыны, 41 874 чел.; ненцы, 49 787 чел.).

Изначально перепись была запланирована на октябрь 2020 г., однако из-за пандемии COVID-19 ее сроки неоднократно переносились. Фактически она была отложена на год и проведена с 15 октября по 14 ноября на большей части территории России (в отдаленных регионах – до 15 декабря). Впервые перепись проходила не только в «живом», но и онлайн-формате: на сайте Госуслуг пользователи могли заполнить электронный переписной лист. Проведение переписи в такой сложный период вызывало сомнения в возможности полноты охвата граждан России (для многих жителей процедура теряла актуальность на фоне пандемии). Были претензии и к качеству осуществления работ: сообщалось о недостатке ее финансирования, о неточности задаваемых вопросов и некорректном учете полученных данных. Многие переписываемые, в том числе из числа коренных малочисленных народов, сообщали, что переписчики до них «не дошли», а альтернативой электронной переписи они не воспользовались. Согласно исследованию Левада-центра, проведенному после окончания переписи, 42% населения страны не приняли участие в данном мероприятии. Правда, данная группа «неопрошенных» все же была учтена, в основном по административным источникам (Бубликов, Ткачев 2022: 105).

По экспертной оценке В.А. Тишкова, «от 16,6 млн человек не были получены данные о национальности или они не пожелали их указать по разным причинам. Среди них 7 млн человек “отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности”, у 542,2 тыс. человек “нет национальной принадлежности”, и о 9,05 млн человек сведения были получены из административных источников». Считается, что в переписи не были учтены 11,3% населения, в связи с чем были выявлены сокращения у татар, чувашей, мордвы, удмуртов и др. (Тишков 2023: 199–200). В.В. Степанов сообщает о необходимости улучшения программы переписи, в частности вопросов о национальной принадлежности и о владении родным языком (2019: 154). Ученые признают, что, несмотря на сложности проведения последней переписи, она остается главным и едва ли не единственным источником учета этнического населения страны, и именно поэтому необходимы шаги по улучшению ее качества.

Численности коренных малочисленных народов свойственна турбулентность, которая часто не связана с демографическими показателями естественного прироста или убыли. В.А. Тишков приводит пример, когда корякский лингвист и этнограф, писатель и педагог М.И. Попов (Татха) долго добивался признания в качестве отдельного народа этнографической группы среди коряков под названием «алюторцы», которых в переписи 2002 г. было зафиксировано 12 человек, а в переписи 2010 г. ни одного якутца не было обнаружено (Тишков 2023: 201). Сравнительно с данными переписи 2010 г. в 2021 г. от пяти до семи этнических групп демонстрировали существенные изменения¹ в своей численности в сторону ее уменьшения или увеличения.

В данной статье рассматриваются сюжеты четырех народов, у которых произошли изменения в количественных показателях в период между 2010 и 2021 гг.: у сойотов и тубаларов исследуются причины увеличения численности, у нагайбаков и шапсугов – уменьшения. Отдельно рассматриваются бесермяне, количество которых осталось прежним, однако их стратегия подготовки к переписи представляет интерес для данной работы. Цель статьи заключается в изучении условий и обстоятельств, которые привели к колебанию численности этнических групп. Каковы субъективные и объективные причины изменения численности? Насколько важна роль этнического самосознания для обозначения себя в переписи в качестве представителя той или иной группы? Какая роль лидеров и этноактивистов в актуализации идентичности?

Данное исследование было проведено в сочетании физического и виртуального наблюдения. Исследование некоторых этнических групп проводилось в течение нескольких лет, другие сообщества изучались в короткий срок с целью подготовки данной статьи. В рамках экспедиционных выездов проводились опросы представителей власти региона, лидеров этнических общин, местных активистов и всех заинтересованных

членов этнических групп. Кроме того, в работе использовался метод включенного наблюдения для непосредственного изучения интересов и мотиваций представителей сообществ.

В течение последних лет я изучала социальные сети «ВКонтакте», Facebook*, Instagram*, X (Twitter), Telegram, WhatsApp, Viber, «Одноклассники», YouTube и TikTok, в которых представлены этнические сообщества. Помимо наблюдения за группами, персональными страницами, постами, комментариями и чатами также проводились тематические интервью и опросы. Среди обозначенных тем – цифровое неравенство, вопросы самоактуализации, коммуникации, виртуального лидерства, хештегов и других форм репрезентации этничности.

Данная статья состоит из трех разделов: «Взлеты: сойоты и тубалары», «Падения: нагайбаки и шапсуги», «Стратегии бесермян». Я выражаю благодарность проекту «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» и, в частности, его руководителю А.В. Головнёву за помощь в подготовке данной статьи, а также всем, кто участвовал в исследовании.

Взлеты: сойоты и тубалары

Сойоты: возвращение этничности

Сегодня сойоты компактно проживают в Окинском (с. Сорок и с. Орлик) и Тункинском (с. Монды) районах Республики Бурятия, но подавляющее большинство все-таки в Окинском, поэтому в научной литературе их часто называют окинскими сойотами (Жуковская 1994: 12). По типу хозяйства и образу жизни они таежные охотники и оленеводы (Монгуш 2012). Сойоты демонстрируют устойчивый рост общности в течение последних ста лет. По данным переписи Иркутской губернии 1917 г., население Окинского района составляло 1 891 чел., из них 258 были сойотами, по Всесоюзной переписи 1926 г. в Окинском районе проживало 1 906 чел., из которых сойотов было 161 (Ступин 2022: 112). В советское время сойоты не учитывались; по переписи 2002 г. сойотами записались 2 769 чел., 2010 г. – 3 608, 2020 г. – 4 368 чел. Таким образом, в период с 2010 по 2021 г. их население выросло на 17,4%, а с 2002 по 2021 – на 36,6%.

На протяжении советского периода сойоты обозначались бурятами, и получение сойотами статуса коренного малочисленного народа в 2000 г. считается одним из значимых событий их истории. В прессе Окинского района начала 2000-х гг. встречаются следующие заголовки газетных

* Деятельность компании Meta, которой принадлежат социальные сети, признана экстремистской и запрещена в России.

статей по этому поводу: «Справедливость восторжествовала», «Победа сойотского народа», «Свершение мечты сойотов». Согласно заметкам тех лет, руководство Республики Бурятия выражало поддержку сойотам, а ее первый президент Л.В. Потапов называл их «мои сойоты» (Дашеева 2007: 15). Местные жители рассказывают о значимости признания: «В 1940-е годы сойоты были забыты как народ. И нам важно показать, что мы не выдуманный народ. Однажды мы были на фестивале северных народов, и к нашему стенду подошли эвенки и сказали, что “вы – выдуманный народ, а на самом деле вы буряты”. Поэтому нам важно, что мы признаны как народ».

Межэтнические браки непризнанных сойотов с бурятами в советский период привели к тому, что сегодня «чистых сойотов уже не осталось»: взрослые говорят о своем родстве с сойотами во втором и третьем поколениях ($1/4$ и $1/8$ крови), а дети – четвертом и пятом ($1/16$ и $1/32$ крови). При этом все из них записываются сойотами, хотя многие признают, что «значительная их часть – бурятская». На вопрос, почему им важно обозначать себя сойотами, а не бурятами, жительница Орлика ответила: «Четверть крови, хоть какая-то же есть, поэтому мы себя чувствуем сойотами». Директор школы улуса Сорок прокомментировала это так: «Это же наши же предки. Все равно сойотами были – они здесь жили». Связь с родством, в том числе территориальным, является важным фактором их самоидентификации. По словам заведующей архивом с. Орлик Елены Цымбаевой, «для меня быть сойоткой – это желание возродить корни, традиции. Раньше наши предки здесь проживали. А ведь не зная родословной, ты как бы и не человек» (рис. 1).

Рис. 1. Сойот с сойотскими куклами. Июль 2023 г. Фото С.Ю. Белоруссовой

Из риторики сойотов можно заметить внимательное отношение к своему сойотскому прошлому. Это объясняется тем, что одной из черт их идентичности является уважение к предкам и почитание родни. Наличие в себе разной «крови» воспринимается как разные части себя, которые требуют внимания и почитания, и в этом отношении этничность потомков сойотов множественна и разнообразна. Будучи записанными сойотами, они также идентифицируют себя с бурятами: говорят на родном языке, проводят праздники и обряды. Их отличает не только этнический синкретизм, но и религиозный: по словам сойотки Анжелики, «у меня 8 кровей. Я хожу к ламе, шаману, и иногда ставлю в церкви свечку за русских родственников».

Рассказывая о сойотах, жители Окинского района (записавшиеся сойотами) говорят обычно о них в третьем лице, например, «у них был свой язык», «они были оленеводами», «мы так и не нашли их костюм». По словам краеведа Алексея Папаева (тоже сойота), «они себя сойотами не осознают, но себя к ним относят». Таким образом нынешние сойоты признают дистанцию и этнический разрыв между собой и своими предками.

Одной из мотиваций последнего времени стало наличие особых льгот для сойотов, поскольку они причислены не только к коренным малочисленным народам, но и народам Крайнего Севера. Сойоты имеют преференции при поступлении в вузы, льготное налогообложение, возможность раннего выхода на пенсию. Местные жители подчеркивают, что, обозначая себя сойотами, льготы не имеют того значения, как сохранение памяти о своем народе. Директор библиотеки с. Орлик Светлана Цыремпилова высказалась так:

Особенно льгот таких и нет. Какое-то самосознание появилось, когда сойотов признали сойотами, когда наш район начал позиционироваться как Сойотский район. Мы так или иначе являемся сойотами, хотя ассимилировались с другими национальностями. Четверть крови, хоть какая-то есть. Главное, что мы себя чувствуем сойотами.

Для поддержки идентичности сойоты участвуют в этнических проектах, причем в большей степени в тех, которые реализуются внутри собственного рода и семьи. Ежегодно они выезжают на родовое место (чаще всего устья рек) и проводят встречи с родней, общаются и угощают друг друга. Сойоты подчеркивают, что они «закрыты горами» и это отразилось на их характере: они считают себя скромными, без стремления выделяться среди других. Особенностью сойотов является их малая представленность в виртуальном пространстве, что также связано с такими объективными факторами, как частое отключение света и связи. По словам жительницы Орлика, когда надолго отключают свет, она начинает «целыми днями лепить позы» (во избежание порчи мяса в неработающих морозильных камерах). Для сойотов кажется естественным не выходить

на связь неделями, а потеря телефона не является проблемой. По словам сойотов, у них нет потребности позиционировать себя в сетях: «Мы сами как-то общаемся. И нести про себя в мир особо не хотят. Вообще в менталитете такого нет, чтобы выпячивать, про себя рассказывать». В этом отношении бурятские сойоты мало включены в виртуальную жизнь, и даже телефонная связь не несет для них той значимости, как реальное взаимодействие.

В местах проживания сойотов находится много природных объектов, привлекающих внимание туристов. Однако путь в с. Орлик (административный центр района) непростой: чтобы добраться из пос. Монды, нужно проехать 150 км по гравиевой дороге, которая может быть опасна для новичков. Более того, до туристических мест из Орлика можно доехать только на специальном транспорте (например, самосвале «Урал»), что значительно утяжеляет поездку с точки зрения временных и финансовых ресурсов. Сами сойоты относятся к отсутствию туристического потока скорее положительно, поскольку таким образом сохраняется первозданная природа этих мест. По словам организатора поездок по Окинскому району Сультима Базарова, «в плане экологии здесь хорошо, потому что дорога здесь – сдерживающий фактор. Многим хорошо, что это сдерживающий фактор, а в плане экономики... Если бы дорога была, то был бы поток туристов. Но по опыту скажу, что лучше пусть так будет, пусть такая дорога будет».

Считается, что от озера Ильчир ведут свое происхождение сойоты, и не так давно они выиграли всероссийский конкурс по этнокультурному туризму с проектом «Ильчир – сокровище сойотов». Туристический маршрут задействует этнокомплекс «Ильчир» – основанный в 2009 г. музей под открытым небом, который сохранил культуру древних сойотов. Местные жители готовы реализовывать данный проект, однако подчеркивают, что Ильчир – священное место для сойотов, и они хотели бы сохранить свои объекты в чистоте, как в духовной, так и физической.

Бурятские сойоты уже не говорят на родном языке, а последние владевшие им старожилы умерли в 1970–1980-е гг. Жительница улуса Сорок рассказала, что «еще наши прабабушки, прадедушки разговаривали между собой, потом обурятились все». Большой удачей для своего народа сойоты считают работы лингвиста В.И. Рассадина, который создал русско-сойотский и сойотско-русский словари, а также опубликовал несколько научных трудов о языке сойотов (Рассадин 2006). Пользуясь наследием Рассадина, сойоты сегодня продолжают создавать работы по родному языку, в том числе сойотско-русско-английский словарь, а также буквари и азбуки.

В Сорокской сойотской школе-интернате проводится обучение родному языку на факультативном уровне. По словам директора школы Зои Ниндаковой, наибольшая сложность заключается в поиске учителя:

«В прошлом у нас работала ученица Рассадина, а теперь никого найти не можем». Несколько лет назад сойотская школа выиграла грант на реализацию проекта «Интерактивный комплекс для изучения сойотского языка и культуры» и создала кабинет сойотского языка. Сегодня он оформлен в сойотской тематике, в кабинете есть стенды, обучающие материалы и даже говорящие сойотские куклы и караоке. Несмотря на отсутствие носителей языка, сойоты настроены оптимистично и надеются, что на их речи будут говорить: «Иврит в свое время тоже умирал, но он возродился. И сойотский можно выучить, благо есть ресурсы».

Тубалары: контроль этничности

Тубаларов в отечественной этнографической традиции принято относить к северным алтайцам. Они издавна обитали в бассейне верхнего течения реки Бии и в верховьях реки Иши (Атлас коренных малочисленных... 2024). Обычно тубаларов делят на три этнотерриториальные группы по проживанию в селах Майминского, Турачакского и Чойского районов Республики Алтай. Большая часть тубаларов проживает в Турачакском районе вблизи Телецкого озера.

В переписи населения Советского Союза 1926 г. были зафиксированы 12 чел., проживающих в сельской местности на территории Ойротской автономной области (тогда так называлась Республика Алтай) с этнонимом «черневые татары». Остальные тубалары были учтены как алтайцы, численность которых в 1926 г. была 35 601 чел., и, возможно, как ойраты – в количестве 1 477 чел. Тубалары стали учитываться только после 2000 г., вследствие включения их в перечень коренных малочисленных народов России (Тюхтенева 2022: 147). В 2002 г. их насчитывалось 1 565 чел., в 2010 г. записалось 1 965, в 2021 г. – 3 620 чел. Таким образом, за десять лет их численность выросла почти в 2 раза, что является одним из самых высоких показателей роста по последней переписи среди всех коренных малочисленных народов.

Увеличение численности тубаларов можно объяснить несколькими обстоятельствами. В переписи 2002 и 2010 гг. многие тубалары были занесены в состав алтайцев, и только с 2021 г. стали записываться тубаларами в качестве отдельного народа (Николаев 2017; Тюхтенева 2022). Позиционирование себя алтайцами в предыдущих переписях тубалары связывают с политикой руководства. В те годы их призывали к записи в составе алтайского народа, чтобы избежать сокращения коренного населения Республики Алтай – алтайцев, поскольку в противном случае был риск присоединения их территорий к другой административной единице. По словам одной из активисток тубаларского движения Августы Кучуковой, «было опасение, что снизится численность алтайцев как коренного населения республики и нас включат в состав Алтайского края.

Я тогда работала и знала, что людей собирали и просили записываться алтайцами, в 2021 такого уже не было. В 2010 г. я записалась алтайкой, а в 2021 – тубаларкой».

В последние годы привлекательность статуса коренных малочисленных народов значительно выросла, и по этому поводу появилось все больше желающих подтвердить свою этническую идентичность и получить официальный статус, в том числе тубалара. По словам жительницы с. Иогач Натальи Кочегановой, это связано в первую очередь с предоставляемыми преференциями, где особенно значимой является пенсионная льгота. Если в прошлом ранний выход на пенсию (на 5 лет) был не так значим для жителей, то в связи с увеличением пенсионного возраста с 2019 г. большее количество жителей Алтая захотели признать себя тубаларами². Пенсия назначается представителям коренных малочисленных народов Севера (КМНС), прописанным в местах их компактного проживания, и выплачивается тем, у кого нет официального трудоустройства. Ее размер составляет около 10–11 тыс. руб. и, по словам тубаларов, проживающих преимущественно в сельской местности, «для деревни это хорошие деньги». Хотя большинство не собирается пользоваться данной льготой, однако жители считают ее хорошей подстраховкой.

Увеличение признанных по суду тубаларов в последние годы напрямую связано с ростом их численности по Всероссийской переписи населения. Несмотря на то, что перепись – добровольное мероприятие и человек может приписать себя к любой этнической группе без важных на то оснований, для тубаларов наличие судебного подтверждения имеет принципиальное значение. По мнению местных жителей, их текущая численность не является пределом, поскольку многие до сих пор еще «не прошли суды» и, таким образом, не получили официального подтверждения.

Рост численности тубаларов радует далеко не всех, а у лидеров вызывает опасения и сомнения. По мнению Анастасии Тодожоковой, многие вновь записанные являются «лжетубаларами» – обладающие соответствующими документами, однако либо имеющие к тубаларам отдаленное отношение, либо не являющиеся ими совсем. А. Тодожокова считает, что «лжетубалары» претендуют на этот статус только для получения льгот и преференций: «Вот я у него спрашиваю, зачем тебе это надо? А он: “Пусть будет на всякий случай”. Вот им это надо так: просто “на всякий случай”». Местные жители рассказывают об этнических перевоплощениях «из народа в народ» в пользу тубаларского статуса:

У нас есть казачье общество, и всю жизнь там сидела русская женщина Лена. Однажды она приходит и говорит: «Поздравьте меня! Меня наконец-то признали тубаларкой». Все удивились, как так. А она: «Бабка-то у меня тубаларка!» Спрашиваем: «А зачем тебе это надо?», она: «Мне на пенсию раньше!». Таких много с фамилиями немецкими, русскими. Они стали представителями тубаларского народа.

Основная претензия к «лжетубаларам» заключается в неискренности их желания быть представителями данного сообщества: они не заинтересованы в тубаларской идентичности и не желают ее поддерживать, хотя бы на участии встреч, праздников и общих мероприятий. По словам Зинаиды Балашевой, «им это не надо совсем. Обидно еще и то, что раньше они вообще это скрывали». Вопрос о «лжетубаларах» тубалары хотят поставить на общереспубликанский уровень. На одном из официальных мероприятий Анастасия Тодожокова уже обращалась к руководству республики с вопросом: «Что вы будете делать с “лжетубаларами”?». Представители власти при этом видят в увеличении численности позитивную сторону и считают это успехом для народа.

По словам Людмилы Варванец, в последнее время «тубаларами быть модно»: возник интерес к их культуре, особенно в туристических местах. Тубалары стали открывать гостевые дома, кафе и магазины с этническим акцентом. По словам основательницы кафе «Туба аил» («Тубаларский дом») в с. Артыбаш, идея создания тубаларского кафе пришла к ней 23 года назад во время проведения национального праздника. Правда, блюда они предпочитают делать из рациона «не тубаларской, а домашней кухни». Тубалары рассказывают о желании, например, создавать гостевые номера в виде аилов, однако на сегодняшний день их туристические объекты в большей степени имеют только внешние этнические атрибуты (рис. 2).

Рис. 2. Кафе «Туба аил». Август 2023 г. Фото С.Ю. Белоруссовой

Внутри своего сообщества тубалары настроены на возрождение исконных традиций и ценностей. Не так давно жители с. Кебезень возобновили проведение обряда благопожелания, однако не в театрализованном виде, как это делается на праздниках и фестивалях, а «по-настоящему» – с участием шамана и местных старожил. Для них важно популяризировать ту часть этнической культуры, что уходит «вовне», но сохранять в первозданном виде наследие, которое остается внутри собственного сообщества.

Тубалары занимаются сохранением родного диалекта. Четыре года назад Августа Кучукова издала русско-тубаларский словарь, который включил в себя более 15 тыс. слов, а также русско-тубаларский разговорник «Как это сказать по-тубаларски». Жительница с. Кебезень Татьяна Балашева уже несколько лет создает учебник тубаларского языка, который будет включать разделы по грамматике, самоучитель и разговорник. По ее словам, соплеменники давно ждут такую работу и следят за ходом ее деятельности. В закрытой группе WhatsApp «Изучаем тубатил» Балашева дает уроки и задания для изучения родного языка. По словам Августы Кучуковой, работа по сохранению родного языка отнимает много сил, но ресурсы она получает от признательности своего сообщества: «Когда я ездила, мне все говорили, какая ты молодец, как ты правильно все делаешь, и это давало силы. Я думаю, это любовь к народу и силы мы черпаем из своего народа».

Тубаларов, проживающих в Республике Алтай, можно назвать закрытым сообществом – и наиболее точно это характеризует их отношение к виртуальности. В основном тубалары общаются через закрытые группы WhatsApp, куда сложно попасть стороннему пользователю. В чатах они изучают язык, обсуждают этнические праздники и мероприятия, вопросы землепользования и обмениваются мнениями по поводу прав и льгот. Среди причин закрытости можно обозначить угрозу внешних сил: тубалары, проживающие преимущественно на землях по берегу Телецкого озера, опасаются утраты своих земель из-за повышенного внимания к ним со стороны инвесторов и предпринимателей. Для отстаивания земель местные жители (не только тубалары) используют статус коренного малочисленного народа. Таким образом, опираясь на права КМН, они пытаются сохранить «свое», сопротивляясь активизации извне.

Падения: нагайбаки и шапсуги

Нагайбаки: волны этнического самосознания

Нагайбаки компактно проживают в Нагайбакском районе Челябинской области; они являются православными по религии, тюрками по языку и в прошлом представляли казачье сословие. С конца XIX в. динамика численности нагайбаков выглядит следующим образом: в 1897 г.

их было 10 949 чел., в 1926 г. – 11 219, в 2002 г. – 9 600, в 2010 г. – 8 148, в 2020 г. – 5 719 чел. Как видно, в сравнении с 2010 г. численность нагайбаков сократилась почти на 30%. Чтобы понять динамику этничности нагайбаков, в том числе в отношении демографической ситуации, следует обратить внимание на ее исторические основания.

Этническая идентичность нагайбаков развивалась турбулентно и неоднородно, и этот процесс имел волнообразный вид. Так, в советское время нагайбаков перестали считать отдельным народом и причислили к татарам. Этнический реванш нагайбаков пришелся на постсоветский кризис. В его движении сошлись векторы религиозного, казачьего и этнокультурного возрождения. Нагайбаки начали реализовывать проекты: в каждом селе создали собственный нагайбакский музей, ездили по местам боевой славы своих предков (проект «Из Парижа в Париж» (Белоруссова 2014)), основали более десяти творческих коллективов. Таким образом, после советского подавления в 1990-е – начале 2000-х гг. у нагайбаков произошел всплеск самосознания, что также отразилось и на результатах переписи.

Последние 10 лет у нагайбаков наблюдается этнический спад. Одним из трагических моментов этнической истории нагайбаков стал пожар в музее пос. Остроленский в 2012 г., который полностью уничтожил здание и большую часть экспонатов. Если раньше народные праздники были масштабными событиями с приглашением гостей, то сегодня это скорее мероприятия «для своих». Последние пять лет заметно снижение и киберактивности. В начале 2010-х гг. нагайбаки стали включаться в виртуальное пространство – создавали страницы, налаживали коммуникации, рассказывали о своей этнической культуре, искали в сети родственников, связь с которыми по прошествии лет была утрачена. Сейчас обсуждения в группах практически не ведутся, а прежние блогеры уже не выкладывают записей. С одной стороны, создается впечатление, что виртуальная жизнь народа «сошла на нет». С другой – сегодня нагайбаки в большей степени ориентированы не на обозначение «себя» для «других», а на внутренний поиск. Это находит выражение в периодическом, несколько бессистемном обновлении контента на персональных аккаунтах и неспециализированных группах.

В отношении сокращения численности нагайбаки обозначили несколько причин, которые формально можно обозначить как «внешние» и «внутренние».

Внешние причины. Формальное сокращение численности нагайбаков связано с обстоятельствами проведения самой переписи. По словам Василия Маметьева, «качество переписи хромает»; Светлана Мамедалина предположила, что «перепись, возможно, была проведена не полностью». По оценке Михаила Миронова, «перепись была проведена нека-

чественно. Переписчики не дошли до многих. Все данные были переписаны с госбумаг». По мнению Натальи Юскиной, проблема переписи была не только в предположительно неполном опросе представителей коренного народа, но и в необязательном заполнении графы «национальность», поэтому «многие ее не указали». Активист нагайбакского движения Александр Тептеев сообщил, что причина уменьшения числа нагайбаков кроется в отсутствии к ним интереса со стороны руководства области: «Лет 15–20 назад один из заместителей губернатора П.И. Сумина заявил: “Поете, пляшете, что еще вам нужно?”».

Иного характера внешней причиной, способствующей размыванию нагайбакской идентичности, был назван дефицит работы в родных селах и закономерный отток молодежи из родных мест:

У нас молодежь массово уезжает из деревень в другие регионы. И если в Фершампенуазе и Остроленке еще остается немного молодежи, то Париж – отсюда чуть ли не 100% молодежи уезжает. Работы вообще в селе 0, вот и бегут.

Внутренние причины. Среди факторов сокращения численности нагайбаков пользователи называли и «обрусение», и «ассимиляцию», и отсутствие интереса к этничности со стороны молодежи. Некоторые обратили внимание на повышенную смертность в последние годы: «Ковид унес в Попово 5 человек нагайбакской нации, в аварии умерли 3 нагайбака».

Пользователи считают, что «русификация» и «ассимиляция» происходят по причине утраты нагайбаками хотя бы одной из граней их «треугольника самобытности» – казачества, православия или родного языка. По мнению священника Андрея Гупало, «нагайбаки – миссионерская нация, они родились в лоне Церкви... В советское время церковная жизнь нагайбаков была разрушена, а в 90-е возродилась без учета миссионерской специфики» (Белоруссова 2016). Другая часть комментаторов предположила, что утрата родного языка ведет к ассимиляции и постепенному исчезновению народа: по мнению создательницы русско-нагайбакского словаря Ольги Барышниковой, «для некоторых не важен родной язык. Идет процесс русификации».

Н. Юскина с пониманием относится к тем нагайбакам, которые не обозначили себя в переписи, поскольку «указывать свою национальность – выбор и право каждого». При этом она пишет о важности поддержания своей этнической идентичности, подчеркивая, что «помнить и знать свои корни, как показывает жизнь, хотят все разумные люди». В целом результаты переписи вызвали у нагайбаков не столько разочарования, сколько размышления. Для некоторых данная тема опроса стала поводом воспоминаний о детстве и юности, родителях и бабушках, обсуждения насущных проблем и вариантов их решения. Впрочем, это может свидетельствовать не о безразличии, а об уверенности нагайбаков в прочности своей идентичности.

Отвечая на вопрос, с чем связано сокращение нагайбаков по последней переписи, нужно учитывать, что народ вступает в новый этап этнической истории. Из экстравертов конца 1990-х – начала 2000-х гг. они возвращаются в привычное им по XX в. состояние этнических интровертов, только на этот раз не по причине императивного установления идентичности извне, а в результате достижения статуса, обеспечивающего реализацию собственной этничности (Белоруссова 2023).

Не исключено, что нынешние процессы могут способствовать смене направления этнической активизации нагайбаков. В связи с проведением специальной военной операции нагайбаки стали запускать проекты, в том числе с этнической тематикой: в мае 2023 г. они собрали средства и отправили на фронт автомобиль «УАЗ 452» («буханка»), который украшает надпись «Нагайбак» (рис. 3).

Рис. 3. Автомобиль «УАЗ 452» «Нагайбак».

URL: <https://tv-in.ru/novosti/obshchestvo/vsjo-dlya-pobedy-2-03-05-2023.html>
(дата обращения: 30.04.2024)

Свои действия они объясняли тем, что «нагайбаки всегда стояли на страже родины», актуализируя тем самым одну из черт своей этнической самобытности – казачество. В начале 2024 г. автомобиль был подбит, и нагайбаки сразу запустили сбор по его восстановлению. Не так давно в пос. Остроленский была зафиксирована «африканская чума» среди поголовья свиней. На предписание к полному уничтожению животных жители пос. Остроленский стали высказывать недовольства и проводить акции против решения. В обращении к губернатору Челябинской обла-

сти они акцентировали внимание на своей идентичности и памяти «славных предков казаков-нагайбаков». Таким образом, в дальнейшем их идентичность может перейти в движение для адаптаций и изменений, что важно для самосознания и ощущения принадлежности к группе.

Шапсуги: калейдоскоп обозначений

Шапсуги (шапсыг) в настоящее время проживают в Туапсинском районе и Лазаревском районе г. Сочи Краснодарского края вблизи Черноморского побережья Кавказа, преимущественно в предгорной зоне, а также в небольшом количестве – в Республике Адыгея. В советское время шапсуги не учитывались как отдельная этническая общность, но 2000 г. были признаны коренным малочисленным народом. В 2002 г. численность шапсугов составляла 3 231 человек, в 2010 г. – 3 882, в 2021 г. – 1 914 чел. Таким образом, в период с 2002 по 2010 г. их количество увеличилось почти на 17%, а в период с 2010 по 2021 г., наоборот, значительно уменьшилось (почти в два раза).

Столь существенное сокращение численности шапсугов за последнее десятилетие связано не с естественной убылью, а вариацией возможностей причисления себя к разным этническим группам. Уже с переписи 2002 г. в сообществе шапсугов были разные позиции, к кому себя отнести. Общественным парламентом причерноморских адыгов-шапсугов было одобрено обращение местной организации «Адыгэ-Хасэ» к адыгам-шапсугам с рекомендательной просьбой указывать в ходе переписи в графе «национальность» только «шапсуг» или «шапсуженка». Адыгейская же республиканская общественная организация «Адыгэ-Хасэ» призвала шапсугов именовать себя «адыгейцами», что было мотивировано необходимостью консолидации сообщества (Сивер 2013: 49). Накануне переписи 2021 г. активизировалось общественное движение #ячеркесаты («я черкес, а ты?»), призывающее к записи черкесской этнической группой. Отнесение себя одновременно к черкесам, адыгам и шапсугам – не новость для жителей Причерноморья; по существу это общая идентичность, обозначаемая разными названиями: известным с XII в. экзоэтнонимом *черкес*, упоминаемым с XVI в. самоназванием *адыгэ*, отмечаемым с XVIII в. наименованием *шапсуг* (*шапсыг*).

К переписи 2021 г. публиковались посты, мемы, видео с хештегом #ячеркесаты, в котором сообществам, относящимся к черкесским, предлагалось указывать свою национальность как «черкес». В одном из популярных роликов на канале YouTube под названием «Я Черкес, а ты?» показана процедура прохождения опросника Всероссийской переписи населения с акцентом на вопросах № 12 (Ваш родной язык) и № 14 (Ваша национальная принадлежность). На видео одна из героинь говорит: «Сэ адыг. Я шапсуженка», а голос за кадром представляет группу шапсугов

«субэтнсом черкесов». Пользователей не призывают называть себя «черкесом» в ущерб другим обозначениям («адыга» или «шапсуга»), а предлагают варианты указания своей национальности: «черкес адыг», «черкес адыг шапсуг», «черкес, адыг, шапсуг», «черкес (адыг шапсуг)» и др. Впрочем, для учета в переписи указание других этнических именований значения не имеет – как правило, в перепись попадает первое (как основное) обозначение общности (рис. 4).

Рис. 4. Движение #ячеркесаты.

URL: www.instagram.com/read_circassian (дата обращения: 30.04.2024)

Шапсуги как коренной малочисленный народ ищет возможности применения своего статуса для получения преференций. По словам Владимира Пшенокова, одним из проблемных вопросов шапсугов является обеспечение земель. Как и в случае с тубаларами, места их проживания находятся в курортной зоне, которой свойственна дороговизна и сопер-

ничество за ее обладание. Он отмечает, что шапсуги «слабо конкурируют» с другими этническими общностями, поскольку издавна занимались военным делом, а «сейчас ценится умение вести бизнес и торговлю». В период подготовки к Олимпиаде в Сочи в 2014 г. шапсуги просили отразить тот факт, что мероприятие проводится на исторической родине их общности. Отсутствие результатов обращений к руководству по вопросам прав и льгот породило непонимание значимости собственного статуса и нежелание продолжать попытки отстаивания себя. Некоторые даже стали опасаться, что чрезмерная инициатива «повлечет за собой преследования».

По результатам последней переписи численность адыгов (адыгейцев) снизилась – с 124 835 чел. в 2010 г. до 111 471 в 2021 г., зато заметно выросло число тех, кто записался черкесами: в 2010 г. – 73 184, в 2021 г. – 114 687 чел. Согласно наблюдениям, некоторые шапсуги, не видящие смысла в наличии статуса коренного малочисленного народа, поддерживали движение #ячеркесаты. По словам одного из шапсугских старейшин, «шапсуг – это племя, одно из племен адыгских; у нас в каждом ауле примерно поровну мнений, как себя писать – черкес, адыг или шапсуг, хотя отличие все же есть, например, в языке – у шапсугов свой диалект (ПМА, Головнёв А.В.). Кроме того, по мнению наблюдателей, еще одной причиной низкого числа шапсугов является, что «переписчики до аулов не дошли», поэтому всех желающих обозначить не удалось. У шапсугов разное мнение, сколько их на самом деле: кто-то считает, что в два раза больше, чем по переписи (до 4 тыс.), кто-то говорит о 5–7 тыс., другие полагают, что цифра может достигать 12 тыс.

Шапсуги активны в виртуальном пространстве: у них не менее 25 чатов и групп во «ВКонтакте», «Одноклассниках» и Telegram. Названия их сообществ в сети также имеют троичное именование – «шапсуги», «адыги» и «черкесы». Одна из групп «ВКонтакте» называется «Причерноморские Адыги-Шапсуги», а в «Одноклассниках» – «Причерноморские Шапсуги (Черкесы)». Страница во «ВКонтакте» «Адыги-шапсуги мира» имеет следующее описание: «Группа представителей субэтноса адыгов (черкесов)». Когда мы проводили опрос среди коренных малочисленных народов (август–сентябрь 2023 г.), ни один из респондентов шапсугов (9 человек) не обозначил себя «шапсугом». В одном случае представительница группы назвала себя «черкешенка (шапсуженка)», в остальных обозначались «адыгами» и «адыгейками».

Шапсуги заинтересованы в реализации проектной деятельности. В настоящее время в поселке Лазаревском работают историко-этнографический музей и частный музей, существуют частные краеведческие музеи в ауле Тхагапш и поселках Ахинтам и Шхафит, в ауле Лыготх есть относящаяся к Лазаревскому филиалу музея города-курорта Сочи «Усадьба черноморского адыга-шапсуга». К сочинской Олимпиаде-2014

были открыты этнографический музей в ауле Агуй-Шапсуг и культурно-просветительский комплекс «Дом Адыга» в Олимпийском парке Сочи (Скаков 2015: 65). Кроме того, у шапсугов есть творческие коллективы «Зори Шапсугии» и «Шапсугия», а одним из ключевых проектов является издание газеты «Шапсугия».

Несмотря на снижение численности по последней переписи и неопределенность в отношении статуса КМН, шапсуги заинтересованы в продвижении своей территории. Одним из популярных хештегов шапсугов в Instagram* является #шапсугия (более 10 тысяч упоминаний). В прошлом Шапсугией обозначали места проживания шапсугов, а в период с 1924 по 1945 г. существовал Шапсугский национальный район. В дальнейшем Шапсугию стали использовать шире территориального значения – ей называли местную газету, общину, фольклорный ансамбль. В онлайн-среде #шапсугией обозначают условные места проживания шапсугов, тем самым очерчивая их виртуальную территориальность. Сегодня использование этого хештега символизирует связь шапсугов друг с другом, а также дает надежду на единство народа в физическом и сетевом пространстве (Белоруссова 2022: 101–102). Не так давно шапсуги обращались к научному сообществу для проведения этнологической экспертизы на их землях. Таким образом, шапсуги по-прежнему имеют устойчивый интерес к своей культуре, а ее потенциал они реализуют с помощью различных инструментов, в том числе в сетевом пространстве.

Стратегии бесермян

Бесермяне компактно обосновались на территории Северной Удмуртии. Они говорят на бесермянском наречии удмуртского языка и по религии являются православными. Впервые бесермяне были учтены в переписи 1926 г., и их численность тогда составила 10 034 чел. С 1930-х гг. бесермяне были приписаны к удмуртам и почти 80 лет отдельно не выделялись. В начале 1990-х гг. на фоне всеобщей волны этнического возрождения бесермяне стали отстаивать свою самобытность: устраивали встречи и митинги, в том числе с транспарантами и лозунгами: «Бесермяне! Равные среди равных, продолжайте историю своих предков». Окружение этнического большинства русских и удмуртов также мотивировало к внутренней мобилизации бесермян. В 1992 г. Президиум Верховного Совета Удмуртской Республики принял постановление «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», и, таким образом, народ был официально признан.

В ходе учета численности бесермян нового времени обнаружилась неблагоприятная тенденция: по переписи 2002 г. их количество составило 3 122 чел. (втрое меньше, чем в 1926 г.), а восемь лет спустя население

сократилось еще почти на 1 тыс. чел. – до 2 201 чел. Тревожная перспектива утраты целого народа мотивировала бесермян к поиску новых рычагов для поддержки своей культуры и восстановлению себя. Набравшие популярность в 2010-х гг. социальные сети стали удобным инструментом демонстрации своей культуры для внутреннего и внешнего пользования.

В преддверии проведения новой переписи 27 января 2021 г. бесермяне создали новую группу во «ВКонтакте» «Мон – бещерман. Я – бесермянин, бесермянка». Первая запись группы состоит из видеообращения бесермянских лидеров – председателя общества бесермянской культуры с. Ворцы Рафаила Дюкина (обращение к пользователям на родном языке) и активистки бесермянского движения Надежды Сидоровой (обращение на русском языке) (рис. 5):

Уважаемые бесермяне, в этом году состоится Всероссийская перепись населения. Призываю каждого из вас в строке «национальность» указать себя бесермянином. По итогам последней переписи нас записано чуть более двух тысяч человек, но это далеко не все бесермяне. Друзья, задумайтесь об этом. Только мы сами и только вместе сможем сохранить наследие наших предков. Мы, современные бесермяне, можем изменить самосознание и развивать народную культуру. Мы не должны позволить исчезнуть нашей народности с планеты Земля. Бесермяне, объединяйтесь! Под таким призывом и лозунгом к вам мы с Рафаилом Дюкиным создадим группу «ВКонтакте» с целью объединения нашего народа.

Мон - бещерман. Я - бесермянин, бесермянка.

10 фев 2021

...

БЕСЕРМЯНЕ ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!!!

Гажано бесерман калокмо! Пориське та ужрадамо!!! Тёшен ми кужмо!

Уважаемые бесермяне! Присоединяйтесь к общему делу! Вместе мы сила!!!

#бесермяне #мибесерманьес #перепись2021

Рис. 5. Пост группы «Мон – бещерман. Мон – бещерман. Мон – бещерман». URL: <https://vk.com/public202166920> (дата обращения: 30.04.2024)

В течение года в группе во «ВКонтакте» модераторы «поддерживали» бесермянскую идентичность: делились публикациями о мероприятиях, создавали памятки по прохождению переписи, выкладывали бесермянские фото и видео. Кроме того, модераторы предложили пользователям поучаствовать во флешмобе, целью которого было представление своей этнической принадлежности в сети:

Дорогие друзья-бесермяне, мы будем очень признательны за вашу поддержку. Вступайте в нашу группу и запишите видео, расскажите о себе, где вы живете, чем вы занимаетесь. Возможно, кто-то из вас захочет поделиться своим творчеством и в конце выступления с гордостью и любовью за свой народ обязательно скажите: «Я – бесермянин».

Акция продолжалась вплоть до окончания проведения переписи в декабре 2021 г. Пользователи, в том числе бесермяне из других регионов России, выкладывали фото и видео, в которых сообщали о себе. По результатам новой переписи выяснилось, что численность народа хоть и снизилась, но не критично – бесермянами записались 2 067 человек (сокращение на 130 чел.). Бесермяне восприняли эту новость как радость за всеобщее достижение, а модераторы группы отдали должное виртуальному инструменту:

Благодаря нашей группе, нашлись бесермяне... болеющие за свой народ, желающие внести свой вклад в развитие своего народа! И... У нас получилось! Цифра 2 067 (в 2010 бесермян насчитывалось 2 201 человек) для малочисленного коренного народа приятна и радостна! Я как истинная бесермянка горда за свой народ! Благодарна безмерно молодому бесермянскому поколению за участие в переписи.

По словам Алексея Караваева, благодаря позиционированию в сети, некоторые «узнали то, что они бесермяне». Это также помогло получить хорошие показатели переписи:

У меня два примера. Сестра живет в Свердловской области, и только в прошлой переписи узнала, что она бесермянка, во всех документах записана как удмуртка. Другие родственники живут в Курганской области, им около 50. Они тоже только сейчас осознали, что являются представителями бесермянского народа.

Бесермяне реализуют разного рода творческие проекты и инициативы, большинство из которых являются цифровыми или на пересечении реальности и виртуальности. Почти в каждом селении бесермян проводится фестиваль, посвященный бесермянским традициям и культуре, в том числе праздник в честь окончания полевых работ «Корбан», фольклорный фестиваль «Ваньбуру» и музыкально-литературный фестиваль «Чеброс». В рамках фестиваля «Чеброс» пользователи записывают видео, на которых читают стихи бесермянского поэта Михаила Федотова, а затем выкладывают это на своей странице во «ВКонтакте» с хештегом

#Чеброс#М_И_Федотов. В июне 2023 г. на празднике «Корбан» организаторы сконструировали окошко в виде экрана мобильного телефона, заглядывая в который, каждый из участников мог поздравить сородичей или передать привет тем, кто не смог приехать на фестиваль. Таким образом, праздник охватил не только реальных участников, но и связал с теми, кто находился по ту сторону экрана.

Одним из знаковых пересечений реальности и виртуальности стал проект по составлению бесермянских родословных, который запустила уроженка деревни Шамардан Вероника Баглай. Долгое время она прожила в г. Краснодаре в отдалении от своей родины, однако это и стало мотивом обращения к этничности: «Я живу за тысячи километров от родины своих предков. Хотелось от этого только больше лезть в глубины, искать информацию о своем народе и все это в просторах Интернета, потому что других источников у меня не было». Сегодня группа является одной из востребованных среди бесермян, а за период с апреля 2023 по январь 2024 г. ее численность выросла в три раза – со 150 до 431 участника. Деятельность Вероники, проживающей в другом конце страны, стала значимой для соплеменников. Многие обращаются к ней за помощью и знаниями, пишут благодарности в комментариях и просят дать экспертное мнение по вопросам родословных.

Таким образом, у бесермян по сей день происходит процесс самоидентификации и самоопределения, в том числе посредством цифровой среды. Группа «Мон бещерман» оказалась связующим пространством, в котором бесермяне могли заявлять о себе, общаться и делиться новостями. Пережив трансформацию от сообщества «для переписи» в место сбора и общения бесермян, группа по сей день продолжает функционировать и вовлекать пользователей в бесермянские проекты.

Как показывает исследование, изменение численности связано не с демографическими причинами, а является следствием социокультурных процессов, происходящих в сообществе. Бурятским сойотам важно возрождение собственной культуры и сохранение памяти о предках. Для тубаларов значимость представляет не только именование себя представителем этнической группы, но и поддержка ее культурного потенциала. Последние 10 лет нагайбаки находятся в этническом успокоении, однако новые обстоятельства способны активизировать интерес к своей этничности. Разные именованья шапсугов дают им возможность выбора обозначений себя в зависимости от текущих условий. Угроза исчезновения мотивировала бесермян к консолидации сообщества и актуализации собственной идентичности.

Нельзя не отметить, что немаловажную роль играет наличие преференций для коренных малочисленных народов. Не исключено, что значимость в этом представляют не сами блага, а ощущение самоценности народа. Нагайбаки и шапсуги, проживающие в южных частях страны и не имеющие льгот для народов Крайнего Севера, выказывают разочарованность отсутствием внимания и поддержки, что также отразилось на результатах переписи. Удмуртские бесермяне при этом выбрали тактику опоры на себя, сконцентрировавшись вокруг собственной этничности с применением конкретной стратегии для ее сохранения.

Данное исследование демонстрирует изменчивость и дрейф этничности, а также ее зависимость от внешних и внутренних обстоятельств. Сегодня невозможно предсказать, что случится с численностью рассматриваемых этнических групп в будущем – тем интереснее и ценнее наблюдать за этим в дальнейшем.

Примечания

¹ Подразумевается разница не менее чем на 15% в сторону уменьшения или увеличения в сравнении с данными прошлой переписи.

² Для КМНС пенсионный возраст не подняли. Они могут выходить на пенсию, как и раньше: женщины – с 50 лет, мужчины – с 55.

Список литературы

- Атлас коренных малочисленных народов. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_tubalary_common.html (дата обращения: 12.02.2024).
- Белоруссова С.Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135.
- Белоруссова С.Ю. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий // Религиоведение. № 3. 2016. С. 43–53.
- Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111.
- Белоруссова С.Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 203–224.
- Бубликов В.В., Ткачев А.А. Население с множественной этничностью (национальностью) и прогноз его фиксации в ходе Всероссийской переписи населения 2021 г. // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 1. С. 95–107.
- Дашеева О. Свершение мечты сойотов // АХА. 2007. 15 августа. С. 8.
- Жуковская Н.Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. № 56. С. 4–22.
- Монгуш М.В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.
- Николаев В.В. Городские и сельские группы коренных народов Алтая: этнодемографические процессы в начале XXI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2017. Вып. 16, № 3. С. 127–134.
- Полевые материалы автора (ПМА). Головнёв А.В. Краснодарский край, 2023.
- Рассадин В.И. Словарь сойотско-русский. СПб.: Дрофа, 2006.
- Сивер А.В. Переписи населения как материал анализа этнического самосознания черноморских адыгов-шапсугов // Культурная жизнь Юга России: Региональный журнал. 2013. № 4 (51). С. 45–70.

- Скаков А. Шапсуги Западного Кавказа в начале XXI века // Россия и новые государства Евразии. 2015. № 1. С. 57–68.
- Степанов В.В. Измерение культурного многообразия России // Измерение культурного многообразия. Языковая ситуация, переписи, полевая этностатистика / ред. М.Ю. Мартынова, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 140–154.
- Ступин С.Г. Окинские сойоты 1980-х годов: от ассимиляции к возрождению // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18, № 1. С. 102–115.
- Тишков В.А. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211.
- Тюхтенева С.П. Пандемия коронавируса и перепись населения: растёт ли численность коренных народов Республики Алтай // Вестник Омского университета. Серия: исторические науки. 2022. № 4 (36). С. 143–150.

References

- Atlas korennykh malochislennykh narodov* [Atlas of Indigenous Peoples]. Available at: https://ataskmns.ru/page/ru/people_tubalary_common.html (Accessed 12 February 2024)
- Belorussova S.Iu. (2014) *Iz Parizha v Parizh: puteshestvie nagaibakov po dorogam predkov* [From Paris to Paris: The Nagaibak's Voyage Along the Roads of The Ancestors], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (44), pp. 128–135.
- Belorussova S.Iu. (2016) Nagaibaki na perekrestke pravoslavnykh i musul'manskikh missii [Nagaibaks at The Crossroads of The Orthodox and Muslim Missions], *Religiovedenie*, no. 3, pp. 43–53.
- Belorussova S.Iu. (2022) Korennye malochislennye narody: virtual'naia etnichnost' i setevye opyty [Indigenous Small-Numbered Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences], *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 84–111.
- Belorussova S.Iu. (2023) Ischezaiut li nagaibaki? [Are Nagaibaks Disappearing?], *Etnografiia*, no. 1 (19), pp. 203–224.
- Bublikov V.V., Tkachev A.A. (2022) Naselenie s mnozhestvennoi etnichnost'iu (natsional'nost'iu) i prognoz ego fiksatsii v khode Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2021 g. [Population with Multiple Ethnicity and The Forecast of Its Recording During Population Census of Russia 2021], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiia i upravlenie*, Vol. 8, no. 1, pp. 95–107.
- Dasheeva O. (2007) Svershenie mechty soiotov [Fulfilling the Soyot Dream], *AKhA*. 15 August. pp. 8.
- Zhukovskaia N.L. (1994) Respublika Buriatiia: etnoreligioznaia situatsiia (1991–1993 gg.) [Republic of Buryatia: ethnoreligious situation (1991–1993)], *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Research in Applied and Urgent Ethnology], no. 56, pp. 4–22.
- Mongush M.V. (2012) Tofalary i soioty: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Tophas and The Soyots: Historical and Ethnographic Essay], *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2, pp. 62–78.
- Nikolaev V.V. (2017) Gorodskie i sel'skie grupy korennykh narodov Altaia: etnodemograficheskie protsessy v nachale XXI veka [Urban and Rural Groups of Indigenous People of Altai: Ethnodemographic Processes at The Beginning of XXI Century], *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriia. Filologiia*, Vyp. 16, no. 3, pp. 127–134.
- Rassadin V.I. (2006) *Slovar' soiotsko-russkii* [Soyot-Russian dictionary]. St. Petersburg: Drofa.
- Siver A.V. (2013) Perepisi naseleniia kak material analiza etnicheskogo samosoznaniia chernomorskiikh adygov-shapsugov [Population censuses as a material for analyzing the ethnic self-awareness of the Black Sea Adyghe-Shapsugs], *Kul'turnaia zhizn' Iuga Rossii: Regional'yi zhurnal*, no. 4 (51), pp. 45–70.
- Skakov A. (2015) Shapsugi Zapadnogo Kavkaza v nachale XXI veka [Shapsugs of the Western Caucasus at the beginning of the 21st century], *Rossii i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1, pp. 57–68.

- Stepanov V.V. (2019) Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazii Rossii [Measuring Russia's Cultural Diversity]. In: *Izmerenie kul'turnogo mnogoobrazii. Iazykovaia situatsiia, perepisi, polevaia etnostatistika* [Measuring cultural diversity. Language situation, censuses, field ethnostatistics] / ed. by Martynova M.Iu., Stepanov V.V. Moscow: IEA RAN, pp. 140–154.
- Stupin S.G. (2022) Okinskie soioty 1980-kh godov: ot assimiliatsii k vozrozhdeniiu [1980s Oka-Soiots: From Assimilation to Rebirth], *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, Vol. 18, no. 1, pp. 102–115.
- Tishkov V.A. (2023) O perepisyvanii narodov, ili dekonstruktsiia perepisei naseleniia [Counting the Peoples or Deconstructing Population Censuses], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 183–211.
- Tiukhteneva S.P. (2022) Pandemiia koronavirusa i perepis' naseleniia: rastet li chislennost' korennykh narodov Respubliki Altai [The Coronavirus Pandemic and The Population Census: Is the Number Growing Indigenous Peoples of The Altai Republic?], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia: istoricheskie nauki*, no. 4 (36), pp. 143–150.

Сведения об авторе:

БЕЛУРУССОВА Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией музейных технологий, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svetlana-90@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Svetlana Yu. Belorussova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana-90@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01 мая 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 01.05.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

Научная статья
УДК 394:004
doi: 10.17223/2312461X/44/4

Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве

Олеся Анатольевна Сулейманова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, sul-olesya@yandex.ru*

Аннотация. Киберпространство предоставляет цифровые инструменты для создания виртуальных этнических сообществ и распространения информационного контента, отражающего этнокультурные традиции и ценности, что способствует формированию новых технологий репрезентации этничности. Появление онлайн-платформ и веб-сообществ, а также использование цифровых медиа для сохранения и трансляции этнокультурного наследия открыло новые возможности и для коренных малочисленных народов, сталкивающихся с угрозой утраты своей уникальной культуры в эпоху глобализации. Саамы Мурманской области – один из коренных малочисленных народов Российской Федерации, демонстрируют успешную адаптацию к современным информационным технологиям и создают собственные киберсообщества. Они используют различные онлайн-платформы, включая социальные сети и мессенджеры, не только для общения и расширения социальных контактов, но и с целью этнической манифестации. В рамках данной статьи рассмотрены виртуальные практики репрезентации этнической культуры кольских саамов в киберсообществе. Анализ контента наиболее популярного саамского веб-сообщества в социальной сети «ВКонтакте» («Самь олмэ vkontakte.ru / Саамы вконтакте») позволил выявить ключевые темы, которые активно обсуждаются внутри данной виртуальной группы и служат цели актуализации этнической идентичности.

Ключевые слова: кольские саамы, коренной малочисленный народ, киберэтнография, социальные сети, виртуальная этничность, этнические репрезентации

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079 (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

Для цитирования: Сулейманова О.А. Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 71–92. doi: 10.17223/2312461X/44/4

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/4

Representation of the Ethnicity of the Kola Sami In Cyberspace

Olesya A. Suleymanova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russia, sul-olesya@yandex.ru*

Abstract. Cyberspace provides digital tools for creating virtual ethnic communities and distributing information content reflecting ethnocultural traditions and values, which contributes to the formation of new technologies for representing ethnicity. The emergence of online platforms and web communities, as well as the use of digital media to preserve and broadcast ethnocultural heritage, has opened up new opportunities for indigenous peoples facing the threat of losing their unique culture in the era of globalization. The Sami of the Murmansk region are one of the indigenous peoples of the Russian Federation, demonstrating successful adaptation to modern information technologies and creating their own cyber communities. They use various online platforms, including social networks and instant messengers, not only to communicate and expand social contacts, but also for the purpose of ethnic manifestation. This article examines the virtual practices of representing the ethnic culture of the Kola Sami in the cyber community. Analysis of the content of the most popular Sami web community on the social network VKontakte (“Sām olme vkontakte.ru / Sami VKontakte”) made it possible to identify key topics that are actively discussed within this virtual group and serve the purpose of updating ethnic identity.

Keywords: Kola Sami, indigenous people, cyber-ethnography, social networks, virtual ethnicity, ethnic representations

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10079 (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

For citation: Suleymanova, O.A. (2024) Representation of the Ethnicity of the Kola Sami In Cyberspace. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 71–92. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/4

Введение

По данным Всероссийской переписи населения, на 1 октября 2021 г. в Мурманской области проживало 1 363 представителя коренного населения (саами), относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации. По сравнению с итогами переписи населения 2010 г., их численность уменьшилась на 236 человек. Большая часть саамов проживает в сельской местности – 58% от общего числа.

Саамы сохраняют свою уникальную культуру и традиции, несмотря на процессы ассимиляции и модернизации. В последние десятилетия наблюдается возрождение саамской этнической идентичности. Это проявляется в росте национального самосознания и стремлении к сохранению и развитию саамской культуры; активном участии саамов в полити-

ческой и общественной жизни региона; усилении межэтнического сотрудничества и взаимодействия с другими коренными народами Севера. Во многих саамских поселениях функционируют этнокультурные центры, где осуществляется обучение саамскому языку, традиционным ремеслам и танцам. Саамы представлены в местных органах власти и имеют свои общественные организации, защищающие их права и интересы. На государственном уровне принят ряд законов и программ, направленных на поддержку саамского языка, культуры и традиционного образа жизни.

В то же время исследователи отмечают прерванность традиции передачи знаний и навыков внутри саамского сообщества. Это привело к тому, что самопознание народа в настоящее время в значительной степени зависит от внешних источников, среди которых Интернет и цифровые технологии играют доминирующую роль.

В период с 2013 по 2018 г. исследователь А.В. Головнёв осуществлял масштабную полевую экспедицию на Кольском полуострове, Чукотке и Ямале. Основной целью исследований был анализ культурно-психологических особенностей традиционных оленеводческих сообществ: саамов, коми-ижемцев, чукчей и ненцев. На Кольском полуострове А.В. Головнёв провел несколько недель в Ловозерской тундре, отметив, что саамы обладают высоким уровнем технологической компетентности, а также демонстрируют варианты креативного сочетания традиций и инноваций (Головнёв 2018: 40). Современные саамы пасут свои стада по GPS- и ГЛОНАСС-навигаторам. Кроме того, они поддерживают связь с представителями своего этнического сообщества через социальные сети. Саамы традиционно воспринимались как относительно изолированная этническая группа. Однако результаты исследования показали, что они успешно адаптировались к современным технологическим реалиям (Головнёв 2019).

Саамы активно используют цифровые технологии не только для получения информации и общения, но и с целью этнической манифестации. Киберпространство в рассматриваемом аспекте представляет собой социокультурную технологию, позволяющую репрезентировать и транслировать этнокультурные ценности (Кузнецова 2022: 85).

Виртуальные практики репрезентации этничности

Изучение новых практик виртуального взаимодействия и специфика развития этничности в Интернете («киберэтничности») стали одним из приоритетных научных направлений (Poster 1989; Diamandaki 2003; Castells 2005; Гимадеева 2012; Lindridge 2015; Махмутов, Габдрахманова 2016; Борисова 2020; Головнёв, Белоруссова, Киссер 2018, 2021; Холо-

пов 2021; Белоруссова 2022). Исследования выявили широкие возможности использования киберпространства для презентации и трансляции этнической идентичности.

В контексте проблемы изучения киберэтничности исследования виртуальных практик кольских саамов приобретают особую актуальность. На сегодняшний день опубликован ряд работ, посвященных изучению саамов в киберпространстве. В частности, рассматривались вопросы, связанные с особенностями функционирования саамских веб-сообществ, их образовательным и культурно-просветительским потенциалом (Разумова, Сулейманова 2019; Кузнецова, Разумова 2020; Сулейманова 2020, 2021; Кузнецова 2022). Однако проблема репрезентации этничности кольских саамов в виртуальном пространстве не становилась предметом специального изучения.

Рост популярности мессенджеров и социальных сетей способствует появлению новых возможностей для репрезентации этнической культуры саамов. В 2022 г. при поддержке Министерства внутренней политики региона председатель Саамского собрания Самь Соббар и член Ассоциации кольских саамов и родовой общины коренного малочисленного народа саами «Лопарская» Полина Харибина разработала серию стикеров на саамскую тематику, которые доступны в популярных мессенджерах Telegram и WhatsApp (рис. 1). Саамские стикеры стали не просто модным дополнением к мессенджерам, но и выполняют важную культурную функцию. Основная цель создания стикеров заключается в популяризации уникальной культуры коренного населения Кольского Севера. Это яркий пример того, как современные цифровые технологии могут использоваться с целью репрезентации культурного наследия коренных малочисленных народов. Данный проект является частью более широкой инициативы по сохранению и развитию саамской культуры. В 2022 г. в СМИ сообщалось, что в Мурманской области будет разработан компьютерная игра для изучения саамского языка (Михайлов б.д.).

Рис. 1. Стикеры на саамскую тематику

В 2023 г. в рамках работы по проекту РНФ 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты» был осуществлен мониторинг российской социальной сети «ВКонтакте» на предмет изучения особенностей репрезентации этнической идентичности кольских саамов в киберпространстве. Исследование выполнено с использованием методов онлайн-наблюдения и онлайн-опроса (виртуальное анкетирование). Виртуальная анкета¹ состояла из 14 вопросов (как закрытых, так и открытых), включая тематический блок относительно форм репрезентации этничности. Всего в анкетировании приняли участие 15 представителей саами – 13 женщин и 2 мужчин в возрасте от 28 до 66 лет. Для сбора и анализа демографических сведений и динамики активности участников саамских веб-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» использовались базы статистических данных. В рамках отдельной задачи осуществлен контент-анализ текстового, изобразительного и аудиовизуального материала, опубликованного на страницах саамского веб-сообщества – «Сāмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» (<https://vk.com/club932308>), выделенного в рамках исследования в качестве «ключевого» среди других саамских групп. Выражаю благодарность руководителю и исполнителям проекта РНФ 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты» за помощь в сборе материала.

Выбор социальной сети «ВКонтакте» обусловлен тем, что на сегодняшний день она является самым посещаемым ресурсом русскоязычного сегмента Интернета. Данная социальная сеть пользуется популярностью и среди представителей саами, что подтверждают данные проведенного анкетирования. На вопрос «Какие социальные сети вы предпочитаете?» абсолютное большинство опрошенных (93%) отметили социальную сеть «ВКонтакте».

На январь 2024 г. в социальной сети «ВКонтакте» обнаружено 24 виртуальных сообщества, посвященных саамской тематике. Среди них можно выделить группы, созданные: по индивидуальной инициативе представителей саамского сообщества; по инициативе саамских общественных организаций и объединений; по инициативе муниципальных культурно-образовательных учреждений; в коммерческих целях (туристические коммерческие проекты («этнические деревни»), реализация сувенирной продукции). Даты создания саамских виртуальных групп варьируют от 2007 до 2023 г. Данные группы имеют преимущественно «открытый доступ». В ходе исследования обнаружено только одно саамское киберсообщество, доступ к которому был ограничен – «Sapmi» (<https://vk.com/sapmi>). Следует отметить, что по запросу администраторы группы предоставляют к ней доступ.

Одно из самых популярных саамских веб-сообществ в социальной сети «ВКонтакте»² – «Сāмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»

(<https://vk.com/club932308>). Численность группы на момент исследования составляла 1 398 человек (1 166 человек – без учета удаленных и заблокированных участников). Как отмечалось выше, данная группа была выделена нами в качестве ключевой для анализа виртуальных практик репрезентации этничности кольских саамов (рис. 2). Это одна из первых саамских групп в социальной сети «ВКонтакте», созданная в 2007 г. В статусе данного сообщества размещена следующая информация:

Группа только для саамов и для тех кому интересна саамская культура! Тухкк соамегуэйкэ я тэйд,кэз лй тыквенъ сáмь чéпесъвудт³.

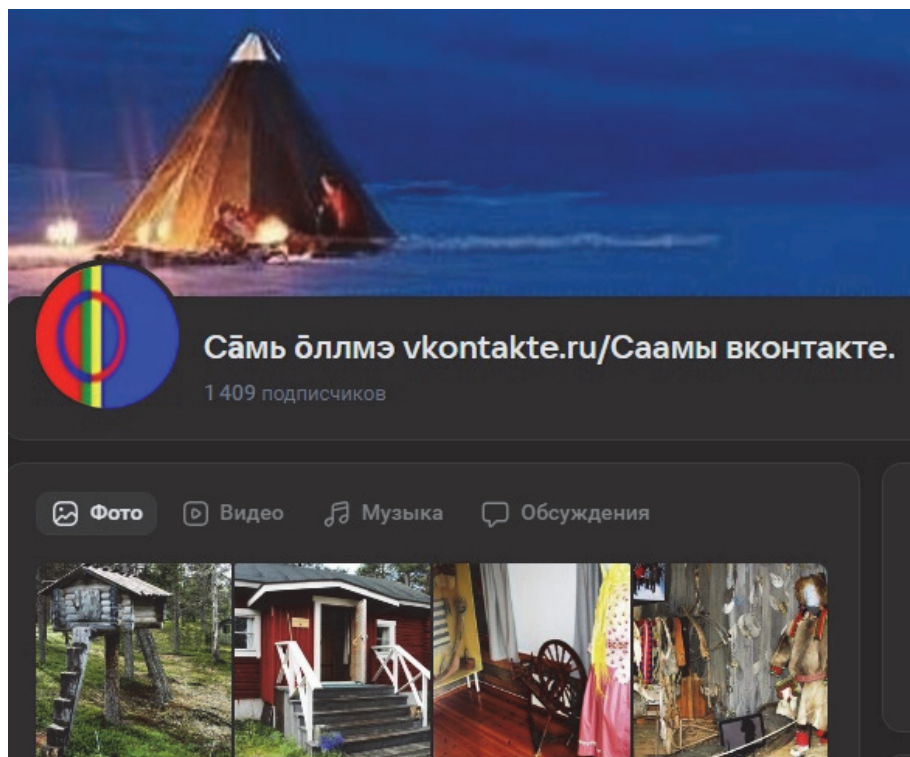

Рис. 2. Страница ключевой саамской группы в социальной сети «ВКонтакте»

Аудитория данного киберсообщества неоднородна и включает как представителей саамского этноса, так и людей, интересующихся культурой и жизнью саамов. Среди участников данной группы преимущественно женщины (52,7%) (рис. 3). Основными пользователями сообщества являются люди молодого и среднего возраста 30–39 лет (38,9%) и 40–49 лет (25,1%) (рис. 4). Судя по комментариям и обсуждениям, в группе активны представители разных возрастных групп. Сообщество

создано и администрируется признанными саамскими лидерами и активистами (Валентина Совкина, Андрей Данилов, Сергей Гаврилов). Так, на вопрос виртуальной анкеты «Каких известных блогеров, представителей вашей культуры, вы можете назвать?» чаще всего отвечали, что это Андрей Данилов и Валентина Совкина.

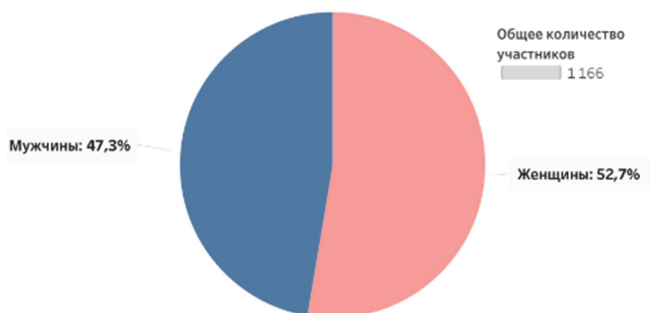

Рис. 3. Гендерный состав участников группы «Сāмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»

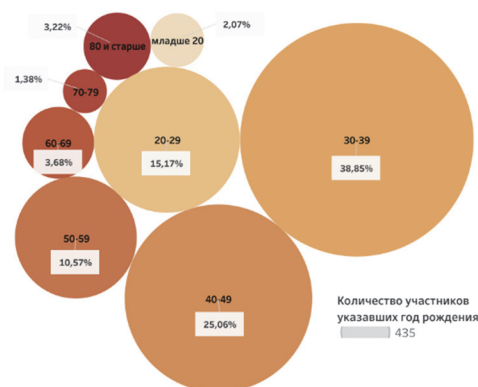

Рис.4. Возрастное распределение участников группы «Сāмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»

Контент виртуальной группы «Сāмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» можно разделить на несколько основных типов. Названия данных типов весьма условны и отражают форму и содержание презентуемой информации внутри сетевого сообщества. По формату представления информации: а) текстовый (темы для обсуждения и комментарии); б) аудиовизуальный (аудио- и видеоматериалы); в) графический (изображения и фотографии, иллюстрации).

Саамы используют различные стратегии для выражения своей этнической принадлежности в киберпространстве, включая публикацию фо-

тографий и видеороликов. Графический и аудиовизуальный контент разносторонне демонстрирует традиционный этнокультурный комплекс и систему современных представлений о нем. Визуальным образом материальной культуры в саамских веб-сообществах была посвящена отдельная статья автора (Сулейманова 2020).

Текстовый контент группы «Сăмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» охватывает широкий спектр разнообразных тем. По тематике представления информации: а) социально-общественная (социальные и экологические проблемы региона); б) социально-политическая (права коренных народов); в) этнокультурная (традиционная культура (материальная и духовная), язык и проблема его сохранения); г) образовательная; д) развлекательная. По жанру представления информации: а) новостной (информация о текущих событиях и мероприятиях, которая быстро теряет свою актуальность); б) документальный (уставы, научные статьи, книги и т.п.); в) дискуссионный (различные темы для обсуждения и комментарии под постами).

Администраторы и модераторы группы достаточно активно взаимодействуют с участниками. Они проводят опросы и организуют обсуждения. В данной группе создано 48 тем для свободного обсуждения (таблица). Следует отметить, что в последние годы наблюдается снижение частоты публикаций постов/репостов и комментариев на страницах данного сообщества (рис. 5, 6). Тенденция снижения активности модерирования и наполнения информационного контента наблюдается во многих саамских сетевых группах (Сулейманова 2021; Кузнецова 2022). Некоторые саамские веб-сообщества и вовсе приостановили свою деятельность. В основном это связано с нехваткой времени или потерей интереса к ведению группы у модераторов и организаторов. Снижение активности сетевых сообществ приводит к уменьшению культурно-просветительского потенциала для представителей саамской общины, а также для тех, кто интересуется саамской культурой.

**Распределение обсуждаемых тем в группе
«Сăмь оллмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» по количеству комментариев**

Темы для обсуждения ⁴	Количество сообщений
«Выражения по-саамски»	129
«О ситуации саамского языка»	92
«Зачем хотят перепрофилировать национальный культурный центр????»	38
«Вопросы саамским организациям объединениям»	34
«Российские саами не хотят рассказывать о своей культуре»	23
«Саамские названия и что они обозначают»	22
«Сервер саами»	22
«За пределами Мурманской области активность саамов пропадает»	16

«Русская Лапландия?»	16
«Что для тебя означает быть саами?/Mii lea mearkkaša sápmelaš? Geat leat sápmelaččat? Du mielas.»	15
«Саамская одежда»	15
«Строители Аркаима - Саами?»	10
«Саамские костяные кочедыки»	9
«Боги....»	9
«Развитие саамской культуры»	8
«Съезд саамов в Мурманске 14.12.2008»	8
«Аджь мйн»	7
«Yoik (Joik)»	7
«"Культурная программа"»	6
«Сейдозеро в рекламе фирмы "Сейд"»	6
«что такое саамские сейды? Где сохранились и зачем были нужны»	6
«Всероссийская школа молодежи коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»	5
«Вопрос Путину»	5
«Википедии на языках КМНС, О саамах в Русской Википедии»	5
«Sámi albmot beaiv! 6 февраля - Международный Саамский день»	4
«Коммерческие структуры и использование саамской символики, культуры..»	3
«simvolika / symbols»	3
«вопрос»	3
«Открыт раздел Саамский фольклор»	3
«Документальное кино. СААМЫ".»	3
«Музыкальный проект по финно-угорскому эпосу "Kehtolaulu"»	2
«мокшане обогнали саамов в проекте "7 чудес ФУМ"»	2
«Владение языками участников вконтакте»	2
«Конкурс»	1
«УЧЕБА В РГПУ им. ГЕРЦЕНА»	1
«Внимание: мини-конференция в педуниверситете»	1
«Внимание конкурс! Имя финно-угорского мира! Выдвигай своих кандидатов!! http://finugor.ru/leaders »	1
«Международный проект 7 чудес: предложения по чудесам саамов»	1
«Международный день коренных народов!»	1
«Национальный фонд поддержки демократии принимает заявки на участие в программе»	1
«Финны, саами, коми, эрзя - родственные народы»	1
«Барабанная церемония»	1
«опрос с целью определения ведения социальной работы в Мурманской области с КМНС»	1
«Важен каждый голос»	1
«Лом рога северного оленя»	1
«Разные интересности»	1

Анализ контента позволил выявить *ключевые темы*, которые активно обсуждаются внутри сообщества «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» и служат целям актуализации этнической идентичности: а) сохранение языка и культуры (проблема сохранения и возрождения саамских

языков и традиций; проблема искажения и профанации саамской культуры); б) историческая память и самоопределение (осмысление исторических событий, в том числе посредством документов и фотографий); в) культурное самовыражение и творчество (традиционные ремесла, музыка и танцы); г) политическая мобилизация и активизм (общественные инициативы и мобилизация членов этнического сообщества на защиту прав коренных малочисленных народов); д) традиционные промыслы (проблемы, связанные с ограничениями на ведение традиционного вида хозяйственной деятельности).

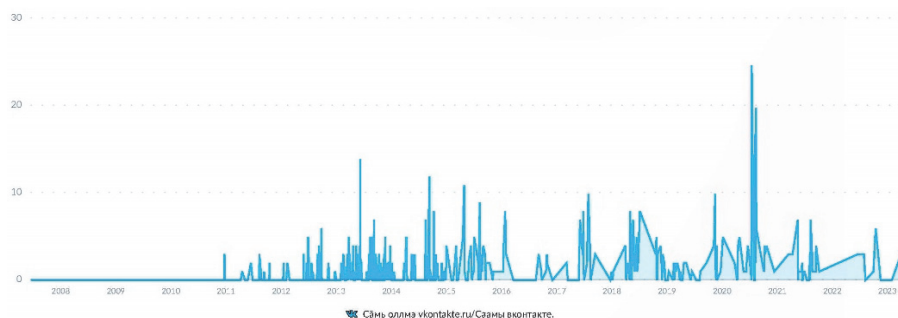

Рис. 5. Суммарное количество репостов по годам в группе «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»

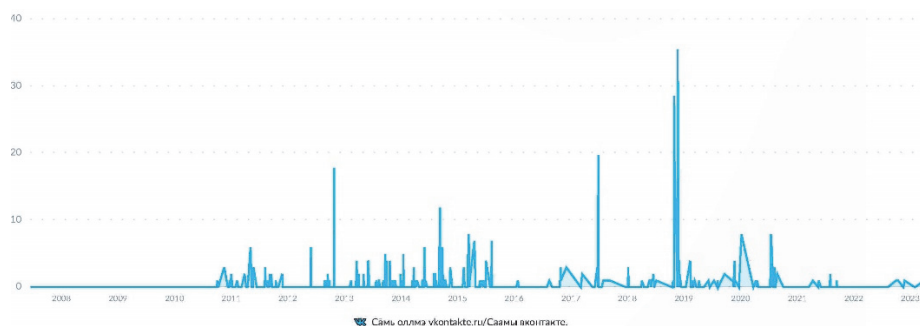

Рис. 6. Суммарное количество комментариев по годам в группе «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте»

Рассмотрим подробнее несколько примеров из тем для обсуждения, которые поднимаются внутри сообщества «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте». Одной из первых в группе появилась тема под заголовком «Что для тебя означает быть саами?/Mii lea mearkkaša sápmelaš? Geat leat sápmelašcat? Du mielas». Администратор группы Сергей Гаврилов обращается к участникам группы с просьбой выразить свои мысли о том, кто такие саамы и что их отличает от других национально-

стей. Интерес представляет набор характеристик, с которыми ассоциируются (и ассоциируют сами себя) представители саамского народа: любвеобильность», «Yoik», «сохранение языка и культуры» и т.д. Ниже представлены примеры комментариев участников обсуждения:

любвеобильность.....хехехе.....))))))⁵ (Анна А.);

я бы даже сказал сексопильность.....))) (Сергей Г.);

Кто его знает. Я уже отошел от активной саамской политики, но от упоминания о национальности отойти все равно не могу. Придает моему образу некоторую пикантность. А с другой стороны – в тундре и в лесу уж больно хорошо, мои мурманские друзья такого кайфа словить не могут (Леонид А.);

для меня саамы вообще начались с Yoika. Вот и ассоциируются с этим потрясающим пением (Дана Л.);

Сохранение языка, культуры... Я СААМИ, и горжусь этим! (Сергей Г.).

В современных реалиях проблема сохранения родного языка является одной из актуальных тем саамского сообщества. В обсуждениях, посвященных саамскому языку, на протяжении многих лет наблюдалась высокая активность (по количеству комментариев). В обсуждениях под темой «Выражения по-саамски» участники группы («эксперты» / «носители языка») публикуют различные саамские выражения и их значения с переводом:

«Тиррв! - Привет! Здравствуй!
Тиррв ельбэдтэ! – Здравствуйте!
Кохт ялак? – Как живаешь? Кохт лев туй – Как дела?
Шигтээнне яла! – Хорошо живу, шиг лев туй – Дела хорошо!
Кохт ляк тонн? – А ты как?
Шиг ли уйинэ тон! – Приятно тебя видеть!» (Анфиса А.).

Некоторые участники веб-сообщества интересуются у «экспертов», как правильно перевести на саамский язык то или иное выражение. Иногда вокруг проблемы перевода того или иного выражения возникает целая дискуссия.

Скажите, пожалуйста, как будет по саамски – Мы разные и в этом наше богатство! Мы разные и в этом наша сила! (Светлана З.).

Помогите, пожалуйста. Готовлюсь к открытому мероприятию. Не знаю, как будет по саамски: Соблюдайте правила дорожного движения. Сама никогда не изучала этот язык (Ирина Т.).

В последние годы количество постов и комментариев под обсуждениями, посвященными саамскому языку, значительно снижается. Возможно, это связано с появлением различных онлайн-переводчиков и

мобильных приложений. В 2021 г. появилось новое мобильное приложение для изучения саамского языка – «Самь килл».

В обсуждении, посвященном саамской символике (тема «simvolika / symbols») опубликован текст национального гимна саамов, который сопровождается несколькими комментариями:

«1. Под Медведицей Большой
вдали синееет край Саамов,
гора уходит за горой,
вода мелькает за водою,
грады вершин и гребни сопок
стремятся к небу высоко,
шумят леса, текут там реки,
стальные мысы достигают
пространств волнующих морей.

2. Наши предки победили
всех злодеев в старину
и мы должны бороться, братья,
упрямо с угнетателем!
Народ ты крепкий, рожденный солнцем!
Враги тебя не победят,
язык свой только золотой храни,
и предков древних слог запомни:
саамам Саамскую Страну!».

Комментарий под текстом национального гимна:

Изумительный, красивый гимн! И совсем не важно, что саами борются с национализмом, противопоставляя свой! Государство саами по определению не возможно! А проблемы быть могут! При всем моем уважении и гордости за то, что могу жить и радоваться той земле на которой живет ваш народ..., но и для других это тоже родина!!! (Марат М.).

Ответ на комментарий выше:

Ну здесь комплексная проблема. Здесь если затронуть вопрос о государственности, то в данный момент «виртуальной» (Сергей Г.).

В данном случае интерес представляет формулировка ответа о «виртуальной» государственности. Представители саамского народа активны не только на национальном, но и на международном уровне (общение и обмен опытом с зарубежными саамами из Норвегии, Финляндии, Швеции). С одной стороны, саамский народ разделен между четырьмя странами, а с другой – появление виртуальных сообществ стирает любые государственные границы.

В 2010 г. в обсуждении под заголовком «Развитие саамской культуры» возникает очередная дискуссия, которая фрагментарно представлена ниже:

Сам я не саам, чистокровный русский, живу в Мурманске. <...>. Надо признать, что русские в Мурманской области – изначально гости. Изначально на этой земле обитали именно саамы, народ со своей культурой, хоть и малочисленный сам по себе. <...>. Мурманск, Мончегорск, Апатиты и другие кольские города развивать в сторону "русского" оформления я смысла не вижу. Во-первых, не вяжется оно с Севером (второго Великого Устюга тут не сделаешь). Во-вторых, не обращать внимания на местную культуру мне кажется неэтичным. Поэтому в оформлении должны преобладать саамские мотивы. В каком виде – вам, наверное, видней. Может быть это некие узоры, символы, не знаю. Это уже вопрос к саамам (Дмитрий К.).

Да, я согласна, что оформление городов и развитие их же должно быть с признаками саамской культуры.... Очень рада узнать, что есть такие люди, которые понимают суть проблемы саамы–русские... ведь никто не противопоставляет эти 2 культуры, мы (саамы) лишь хотим чтоб признали тот факт, что издревле эти земли населяли саамы и в принципе, было бы, элементарно, вежливым, если бы социум, населяющий эти земли сейчас признал нас как коренных жителей... Я поддерживаю Вас в этом вопросе (Динара С.).

Когда живут вместе несколько народов, то естественно чья то культура играет доминирующую роль. А вот жить всем вместе и интересоваться культурой других народов – это не норма нашей жизни. А жаль!!! для начала в каждом населенном пункте нужно создать что то на вроде Дома Дружбы Народов. В Мурманске есть такой. И это будет очагом культуры всех народов. Про оформление: привести в порядок названия рек, озер, гор ... А то бывают курьезы: магазин Гирвас⁶)) и других наберется не мало. Вообще использование саамских названий иногда вызывает смех у саамов и непонимание населения. Может сначала спросить надо: что значит это слово и можно ли его использовать. Читайте Каугокейнскую декларацию (Андрей Д.).

Как видно из приведенных выше комментариев, участник обсуждения (Дмитрий К.) затрагивает наболевший для саамского сообщества вопрос об использовании саамских названий и этнической символики. На фоне повышенного интереса к уникальной культуре коренного населения в Мурманской области активно развивается этнокультурный туризм. Поскольку туристическая индустрия ориентируется, прежде всего, на коммерческую прибыль и ожидания туристов, нередко культуру коренного населения превращают в яркую имитацию традиций и маркетинговый инструмент. В обсуждениях группы «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» неоднократно возникали дискуссии вокруг проблемы использования саамской культуры в коммерческих целях. Так, 2 марта 2012 г. один из участников группы Вадим Л. опубликовал обращение следующего содержания:

Внимание! Компания по продаже строительной техники "Сейд" хочет использовать образ Сейдозера (Ловозерские тундры) в своей рекламной кампании – и видимо брендом. Появилась информация, что они собираются разместить наружную рекламу с изображением Сейдозера в центре Мурманска... "Сейд" значит "священный" по саамски. Сейдозеро – святое озеро саамов. Не слишком ли высоко берет данная торговая компания? Ваше мнение?

5 марта 2012 г. администратор группы Сергей Гаврилов продублировал данное сообщение. Под данным постом появились следующие комментарии:

Они уже многое опорочили о саамах. <...>. ну и по поводу Сейд озера это очень ужасно и кто то хорошо срубил денег. по примеру Нижегородской обл. озеро Светлояр местные политики так же планируют устроить на этом приманку для туристов и т.д. думаю местным общинам это очень не понравится. надо как то начать бороться за озеро Сейд (Вячеслав Ц.).

Сегодня на заседании Саамского парламента Кольского полуострова была поднята данная тема. И осудили данное намерение: использование саамской культуры в коммерческих целях. Будет написано обращение к компании по данному вопросу (Андрей Д.).

Позже саамский активист Андрей Данилов опубликовал в данном обсуждении выдержки из международной декларации («Декларация Рованиеми», Финляндия) следующего содержания: о необходимости получения согласия от народа саами на использование элементов саамской культуры; о запрете для индустрии туризма стереотипизации культуры саамов и необходимости принимать во внимание, что саамы – народ, а не коммерческий продукт; культура саамов должна быть представлена местными национальными саамскими сообществами, а не выставляться в музеях; традиционная одежда саамов никогда не должна носиться не-саамами; при использовании элементов культуры саамов в коммерческих целях саамы должны получить право на долю дохода от этой деятельности.

В этом же году на странице сообщества «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» проводился опрос с целью выявления отношения участников группы к данной проблеме. На вопрос «Ваше отношение к тому, как коммерческие структуры используют саамскую символику, часть культуры в своей деятельности?», большинство опрошенных высказали негативное отношение (61,1%), положительное отношение – 22,2%. Остальные участники опроса выбрали следующие варианты ответов: «Не сталкивался, не знаю» (11,1%) и «Надо что-то делать» (5,6%).

В 2013 г. саамский активист Андрей Данилов написал заявление в прокуратуру с просьбой провести экспертизу выступления творческого коллектива «Радость» на юбилейном концерте, посвященном 75-летию Мурманской области. После посещения данного культурного мероприятия активист поделился своими впечатлениями: «...коллектив “Радость” показал шамана, который танцевал под бурятское горловое пение, на голове была одета шапка или бурятских, или калмыкских шаманов, девочки бегали оленями в стилизованных костюмах норвежских саамов, причем на голове (у них были) мужские шапки, а сверху – меховые ка-

пюшоны с ушками, на ногах – шароварчики, как у узбеков. <...> Представителями власти и общественностью Мурманской области многое делается для сохранения культуры и самобытности коренного малочисленного народа саами. Но такие выступления сводят все эти начинания на нет. Искажение культуры народа саами грозит его исчезновению, так как без культуры народ любой вымирает» (Саамы обвинили...).

В 2017 г. кольские саамы запустили в социальных сетях акцию по борьбе с фейками саамской культуры под хештегом #осторожнофуфло. Цель данной акции – противодействие распространению ложных представлений и стереотипов о саамской культуре (рис. 7). Автором идеи стала жительница Мурманска Светлана Каценельсон, опубликовавшая новостной пост следующего содержания: «Предлагаю начать защищать саамскую культуру и традиции от подделок, насмешек и фейков! Давайте выкладывать под этим хэштегом всю развесистую клюкву, что распространяют про наш многострадальный народ! #осторожнофуфло» (Саамы объявили акцию...). Под данным постом-обращением была закреплена фотография фирменного пряника под названием «Саамка» (рис. 8). Представителей саамской общественности возмутило не только название пряника, но и его внешний вид.

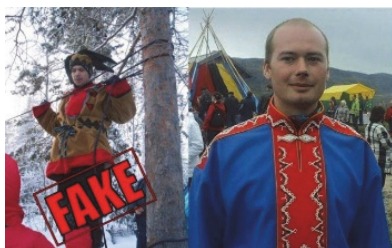

Рис. 7. Саамы запустили в социальных сетях акцию по борьбе с фейками саамской культуры под хештегом #осторожнофуфло

Рис. 8. Фотография фирменного пряника под названием «Саамка» с хештегом #осторожнофуфло

Данная акция стала активно освещаться на различных новостных сайтах. «Саамы очень переживают, что над их культурным наследием в виде одежды, песен и атрибутики издеваются профаны. Так, например, часто саамский костюм показывают участницы от Мурманской области на конкурсе “Краса Заполярья”. И, как отмечают саамы, наряды часто бывают слишком сексуальные. Для многих жителей региона ошибки незаметны, однако для саами они обидны. Ведь их культура находится на грани исчезновения. Поэтому они решили провести акцию #осторожнофуфло» (Саами против фуфла... 2018).

Саамские общественные организации и их активисты отстаивают право принимать участие в развитии местного этнотуризма и выражают недовольство некорректным использованием этнической символики в коммерческих целях. Саамская общественность регулярно обращается к местным властям с предложениями взаимодействовать по вопросам сохранения и развития культуры. С определенной периодичностью появляются новостные публикации, освещающие тему взаимодействия коренного населения с представителями бизнеса и туристических сообществ в целях недопущения искажения саамской символики и формирования ложного этнического образа: «В Мурманской области состоялся диалог представителей туристической индустрии и саамов» (В Мурманской области...); «Кольские саамы за туризм, но достоверный» (Андреева б.д.); «Культура саами как изюминка Мурманской области» (Андреева б.д.).

В 2020 г. Фонд саамского наследия и развития присоединился к акции кольских саами #осторожнофуфло#bewareoffake#осторожноподделка. Вскоре после этого на сайте фонда была размещена информация о присуждении антипремии базе отдыха «Огни Имандры». На сайте «KOLASAPMI» также была представлена информация о данной «фейковой» этнической деревне. Как сообщалось в источнике, члены Фонда саамского наследия и развития неоднократно обращались к администрации базы отдыха по различным вопросам, а также оставляли комментарии в социальных сетях компании с просьбой устранить грубые нарушения в презентации культуры саами. Однако руководство данной компании никак не отреагировало на активные действия и призывы народа саами. В связи с этими обстоятельствами базе отдыха «Огни Имандры» была присвоена почетная антипремия.

7 февраля 2022 г. на стене сообщества «Самь олмэ vkontakte.ru/Саамы вконтакте» был опубликован новостной пост о том, что президент Ассоциации кольских саамов Елена Рочева представила проект «Саамский костюм. От истоков к современности», направленный, прежде всего, на недопущение искажения традиционной культуры представителей туристической индустрии.

21 февраля 2022 г. под хештегом #осторожнофуфло саамский активист Андрей Данилов разместил на своей личной странице в социальной

сети «ВКонтакте» несколько фотографии сувенирных кукол (рис. 9), которые репрезентируют «грубые» и «непрофессиональные» копии традиционной саамской одежды. Этнические образы могут быть легко распознаваемыми, но не всегда отражают реальный образ современного представителя этноса (Шалыгина, 2019: 73). Распространение в медиапространстве некорректных визуальных образов этнической культуры формирует ложное представление о культуре народа. В настоящее время в Мурманской области возрождается и развивается декоративно-прикладное искусство коренного населения. Представители саамского сообщества ведут активный диалог с производителями туристических продуктов с целью улучшения качества сувенирной продукции.

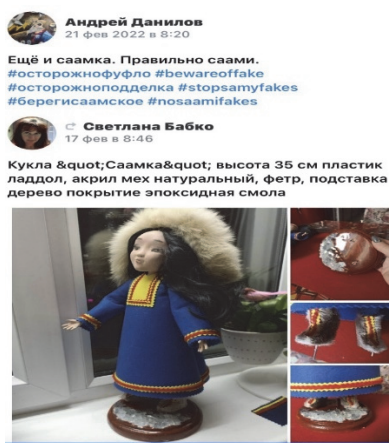

Рис. 9. Пост с хештегом #осторожнофуфло опубликован на личной странице саамского активиста Андрея Данилова

Проблема фейков саамской культуры была затронута и участниками виртуального анкетирования. Так, на открытый вопрос анкеты «Представлена ли культура вашего народа в Интернете? Каким образом?» был получен следующий ответ:

Информации много. Но много фальшивой информации и фейков (Мужчина, 52 года).

Ниже представлены ответы на другой вопрос анкеты: «Согласны ли вы с утверждением, что сегодня активность в сети отражает реальное существование этнической группы? Почему?»:

Иногда отражает некорректно, с нарушением идентичности (Женщина, 49 лет);

Не совсем, многие вещи мы не говорим из-за внимания, которое может быть со стороны властей. Многие темы поднимаются, например, фейковые деревни и продавцы пользующиеся этникой малых народов, но хотелось бы освещать больше трудностей и проблем которые окружают коренные народы (Женщина, 28 лет).

Саамы являются успешным примером того, как при помощи различных репрезентационных технологий можно бороться со стереотипами и шаблонами образа своего народа. Активная роль в привлечении внимания общественности к проблеме профанации саамской культуры и борьбе с фейками посредством распространения информации в социальных сетях принадлежит этнолидерам и общественным организациям.

В заключение

Этнические киберсообщества играют значимую роль в процессе формирования этнического самосознания и в создании новых форм культурного самовыражения. Цифровые технологии не вытесняют, а дополняют традиционные формы конструирования и репрезентации этничности. Они облегчают доступ к образовательным материалам и ресурсам, что способствует развитию и сохранению языков и культурных практик. Кроме того, виртуальное пространство стало мощным инструментом для распространения информации о социальных проблемах этнических групп и донесения их до широкой общественности. Однако развитие цифровизации ставит перед коренными народами и ряд новых проблем. Существует риск того, что цифровые технологии могут быть использованы для распространения ложных этнических стереотипов, культурного присвоения и коммерциализации традиционных знаний и культурных практик коренных народов.

Данное исследование открывает широкие перспективы для изучения особенностей репрезентации этнической идентичности кольских саамов в киберпространстве. В дальнейшем оно может быть расширено за счет привлечения материалов из других социальных сетей и мессенджеров («Одноклассники», Telegram и др.). С целью выявления специфичности саамского варианта репрезентации этничности необходимо проведение сравнительного анализа, для которого потребуется привлечение материалов по другим этническим группам.

Примечания

¹ Виртуальная анкета разработана Белоруссовой С.Ю. – руководителем проекта РНФ 23-78-10079 «Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты».

² По количеству участников (за исключением сообществ, созданных с коммерческой целью).

³ Орфография и пунктуация оригинального текста сохранены.

⁴ Орфография и пунктуация в названиях тем для обсуждения сохранены.

⁵ Здесь и далее орфография и пунктуация в цитатах сохранены.

⁶ Значение слова «гирвас» (лопарское) – самец оленя, вожак диких оленей.

Список источников

- Андреева Е. Кольские саамы за туризм, но достоверный // Официальный сайт «Мурманский вестник». 2021. 18 февраля. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslent/kolskie-saami-za-turizm-no-dostovernij/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Андреева Е. Культура саами как изюминка Мурманской области // Официальный сайт «Мурманский вестник». 2021. 5 февраля. URL: <https://www.mvestnik.ru/newslent/kultura-saami-kak-izyuminka-murmanskoj-oblasti/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 84–111.
- Борисова И.З. Роль киберпространства в формировании этнической идентичности // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 3А. С. 26–30.
- В Мурманской области состоялся диалог представителей туристической индустрии и саамов // Официальный сайт «Комсомольская правда». 2021. 19 мая. URL: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27280/4415397/> (дата обращения: 10.01.2024).
- Гимадеева Д.Р. Татарские сетевые группы как вид этнических сообществ // Культура. Духовность. Общество. 2012. № 1. С. 277–282. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_20364239_61326424.pdf (дата обращения: 12.01.2024).
- Головинёв А.В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2 (2). С. 6–45.
- Головинёв А.А., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108.
- Головинёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021.
- Головинёв А.В. Кочевники Севера: ментальность и мобильность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 15–26.
- Кузнецова Л.А. Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 99–109.
- Кузнецова Л.А., Разумова И.А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 11, № 1–18. С. 5–24.
- Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. 2016. Т. 1, № 2. С. 276–292. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-traditsiy-korenyih-malochislennyh-narodov-severa-sotsiokulturnyy-analiz-na-primere-yamalo-netskogo-avtonomnogo-okruga> (дата обращения: 12.01.2024).
- Михайлов А. Для изучения саамского языка в Заполярье создадут компьютерную игру // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2022/10/11/reg-szfo/dlia-izucheniia-saamskogo-iazyka-v-zapoliare-sozdadut-kompiuternuiu-igru.html> (дата обращения: 12.01.2024).
- Разумова И.А., Сулейманова О.А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122.
- Саами обвинили мурманские власти в оскорблении их чувств // Официальный сайт «Национальный акцент». 2013. 12 июля. URL: <https://nazaccent.ru/content/8404-saamy-obvinili-murmanskije-vlasti-v-oskorblenii.html> (дата обращения: 10.01.2024).
- Саами объявили акцию по борьбе с фейковой культурой // Официальный сайт «Центр содействия коренным малочисленным народам Севера / Учебный центр коренных народов Севера (ЦС КМНС / РИТИЦ). 2017. 14 ноября. URL: <https://www.csipn.ru/glavnaya/novosti-regionov/3632-saami-ob-yavili-aktsiyu-po-borbe-s-fejkovoj-kulturoj#.YpPm3jPP1BI> (дата обращения: 10.01.2024).

- Саами против фуфла // Официальный сайт «ДЗЕН». 2018. 5 сентября. URL: <https://dzen.ru/a/W4-GOP87jwCq3N4i> (дата обращения: 10.01.2024).
- Сулейманова О.А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // *Этнография*. 2020. № 3 (9). С. 169–199.
- Сулейманова О.А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Вып. 21. Т. 12. № 4. С. 144–153.
- Холопов Д.А. Этническая идентичность в пространстве интернета // Материалы IX Международной научной конференции «Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве». 2021. Т. 1, № 10. С. 229–236.
- Шалыгина Г.Э. Фейкlorизация в этническом туризме: риски и альтернативы // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2019. С. 69–76.
- Castells M. The Network Society: from Knowledge to Policy // *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, 2005. P. 3–21.
- Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. № 2 (2). P. 1–40.
- Lindridge A. (Virtual) ethnicity, the Internet, and well-being // *Marketing Theory*. 2015. Vol. 15, № 2. P. 279–285.
- Poster M. Critical Theory and Poststructuralism: In Search of a Context. Cornell University Press, 1989. P. 1–112.

References

- Andreeva E. (2021) Kol'skie saamy' za turizm, no dostoverny'j [Kola Sami for tourism, but reliable], *Oficial'ny'j sayt «Murmanskij vestnik»*, 18 fevralya 2021 g. [Official website "Murmansk Herald", February 18, 2021]. Available at: <https://www.mvestnik.ru/newsent/kolskie-saami-za-turizm-no-dostovernyj/> (Accessed 10 January 2024).
- Andreeva E. (2021) Kul'tura saami kak izyuminka Murmanskoj oblasti [Sami culture as a highlight of the Murmansk region], *Oficial'ny'j sayt «Murmanskij vestnik»*, 5 fevralya 2021 g. [Official website "Murmansk Herald", February 5, 2021]. Available at: <https://www.mvestnik.ru/newsent/kultura-saami-kak-izyuminka-murmanskoy-oblasti/> (Accessed 10 January 2024).
- Belorussova S.Yu. (2022) Korennye malochislennye narody: virtual'naya etnichnost' i setevye opyty [Indigenous peoples: virtual ethnicity and network experiences], *Etnografiya*, no 4, pp. 84–111.
- Borisova I.Z. (2020) Rol' kiberprostranstva v formirovanii etnicheskoy identichnosti [The role of cyberspace in the formation of ethnic identity], *Kul'tura i civilizaciya*, Vol. 10, no 3, pp. 26–30.
- Gimadeeva D.R. (2012) Tatarskie setevye gruppy kak vid etnicheskikh soobshchestv [Tatar network groups as a type of ethnic communities], *Kul'tura. Duhovnost'. Obshchestvo*, no 1, pp. 277–282. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20364239_61326424.pdf (Accessed 12 January 2024).
- Golovnev A.V. (2018) Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniya [Nomads of the Arctic: the art of Movement], *Etnografiya* no 2, pp. 6–45.
- Golovnev A.A., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. (2018) Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web ethnography and cyberethnicity], *Ural'skij istoricheskij vestnik*, no 1, pp. 100–108.
- Golovnyov A.V., Belorussova S.Yu., Kisser T.S. (2021) Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya [Virtual ethnicity and cyberethnography]. St. Petersburg: MAE RAN.
- Golovnev A.V. (2019) Kochevniki Severa: mental'nost' i mobil'nost' [Nomads of the North: mentality and mobility], *Novye issledovaniya Tuvy*, no 3, pp. 15–26.

- Kuznecova L.A. (2022) Analiz dinamiki funkcionirovaniya saamskikh setevykh soobshchestv Rossii i Murmanskoy oblasti [Analysis of the dynamics of the functioning of Sami network communities Russia and Murmansk region], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 44, no. 6, pp. 99–109.
- Kuznecova L.A., Razumova I.A. (2020) Obrazovatel'ny i kul'turno-prosvetitel'skij komponent saamskikh etnicheskikh internet-soobshchestv [Educational and cultural component of Sami ethnic online communities], *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, Vol. 11, no 1–18, pp. 5–24.
- Mahmutov Z.A., Gabdrahmanova G.F. (2016) Osobennosti etnicheskoy identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v social'noj seti VKontakte [Features of the ethnic identity of virtual Tatar communities on the social network VKontakte], *Istoricheskaya etnologiya*, Vol. 1, no 2, pp. 276–292. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokhranenie-traditsiy-korennykh-malochislennykh-narodov-severa-sotsiokulturnyy-analiz-na-primere-yamalo-nenetskogo-avtonomnogo-okruga> (Accessed 12 January 2024).
- Mihajlov A. Dlya izucheniya saamskogo yazyka v Zapolyar'e sozhdut komp'yuternuyu igru [A computer game will be created to study the Sami language in the Arctic], *Internet-portal «Rossijskoj gazety»* [Internet portal of the Rossiyskaya Gazeta]. Available at: <https://rg.ru/2022/10/11/reg-szfo/dlia-izucheniya-saamskogo-izyaka-v-zapoliare-sozhdut-kompiuternuyu-igru.html> (Accessed 12 January 2024).
- Razumova I.A., Sulejmanova O.A. (2019) Saamskie setevye soobshchestva v «etnicheskom Internete» Rossii [Sami network communities in the “ethnic Internet” of Russia], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no (179), pp. 114–122.
- Saami obvinili murmanskije vlasti v oskorblenii ix chuvstv [The Sami announced an action to combat fake culture], *Oficial'nyj sajт «Nacional'nyj akcent»*, 12 iyulya 2013 g. [Official website “National Accent”, July 12, 2013]. Available at: <https://nazaccent.ru/content/8404-saamy-obvinili-murmanskije-vlasti-v-oskorblenii.html> (Accessed 10 January 2024).
- (2018) Saami protiv fufla [Sami vs bullshi], *Oficial'nyj sajт «DZEN»*. 5 sentyabrya 2018 g. [Official website «DZEN», September 5, 2018]. Available at: <https://dzen.ru/a/W4-GOP87jwCq3N4i> (Accessed 10 January 2024).
- Sulejmanova O.A. (2020) Prezentaciya kul'tury kol'skikh saamov v social'noj seti “VKontakte”: dinamika vizual'nykh obrazov material'noj kul'tury [Sami web communities through the eyes of moderators (using the example of the social network “VKontakte”)], *Etnografiya*, no 3, pp. 169–199.
- Sulejmanova O.A. (2021) Saamskie veb-soobshchestva glazami moderatorov (na primere social'noj seti «VKontakte») [Sami web communities through the eyes of moderators (using the example of the social network “VKontakte”)], *Trudy KNC RAN. Gumanitarnye issledovaniya*, Is. 21, Vol. 12, no 4, pp. 144–153.
- Holopov D.A. (2021) Etnicheskaya identichnost' v prostranstve interneta [Ethnic identity on the Internet]. *Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve»*, Vol. 1, no 10, pp. 229–236.
- Shalygina G.E. (2019) Fejklorizaciya v etnicheskom turizme: riski i al'ternativy [FakelORIZATION in ethnic tourism: risks and alternatives], *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennyye nauki*, pp. 69–76.
- V Murmanskoy oblasti sostoyalsya dialog predstavitelej turindustrii i saamov [A dialogue between representatives of the tourism industry and the Sami took place in the Murmansk region], *Oficial'nyj sajт «Komsomol'skaya pravda»*, 19 maya 2021 g. [Official website “Komsomolskaya Pravda”, May 19, 2021]. Available at: <https://www.murmansk.kp.ru/daily/27280/4415397/> (accessed: 10.01.2024).
- Castells M. (2005) The Network Society: from Knowledge to Policy. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington, pp. 3–21.
- Diamandaki K. (2003) Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace. *Global media journal*, no. 2, pp. 1–40.

Lindridge A. (2015) (Virtual) ethnicity, the Internet, and well-being. *Marketing Theory*, Vol. 15, no 2, pp. 279–285.

Poster M. (1989) *Critical Theory and Poststructuralism: In Search of a Context*. Cornell University Press, pp. 1–112.

Сведения об авторе:

СУЛЕЙМАНОВА Олеся Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: sul-olesya@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Information about the author:

Olesya A. Suleymanova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sul-olesya@yandex.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 29 марта 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 29.03.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

Научная статья
УДК 394
doi: 10.17223/2312461X/44/5

Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов России)

Светлана Юрьевна Белоруссова¹,
Арсений Алексеевич Сюзюмов²

^{1, 2} Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
¹ svetlana-90@yandex.ru
² a.a.siuziyomov@gmail.com

Аннотация. С появлением в России этнографических знаний, т.е. исследований национальностей и этнических групп, населяющих территорию страны, карты стали использоваться для характеристики этнического состава российского общества. Размышляя о роли Интернета в повседневном общении, современные этнографы дополняют традиционные методы так называемой киберэтнографией: изучением онлайн-коммуникации внутри этнических сообществ и между ними. Задача данной статьи заключается в исследовании возможностей использования картографии для визуализации не физического, а виртуального пространства (межэтнической) коммуникации. В качестве объекта картографирования выбрана виртуальная этничность коренных малочисленных народов (КМН) России. Посредством картографирования виртуального пространства мы попытались определить современные тренды и тенденции в репрезентации идентичности КМН, а также выявить роль традиции и новации в их этнической культуре. Рассматривается виртуальный опыт трех этнических групп – води (Ленинградская область), бесермян (Республика Удмуртия) и нагайбаков (Челябинская область). Соединение одной из древнейших технологий картографирования и нового метода киберэтнографии дает возможность детализированного учета этнического взаимодействия в цифровом пространстве. Подобно различным ракурсам в кино, с помощью картографического исследования и анализа баз данных мы наблюдаем – укрупненно или отдаленно – за процессами динамики и статике, активизации и пассивизации в сети. Данная работа – первая попытка опробовать инструменты ГИС-технологий для КМН в цифровом пространстве, а последующие исследования имеют перспективы углубления и расширения, детальной проработки с привлечением дополнительных источников и материалов. Социальные сети дают возможности визуализированного отображения этничности, а как ее охватить, изучить и представить зависит порой не только от конкретного инструментария, но и от фантазии исследователя.

Ключевые слова: картография, киберэтнография, коренные малочисленные народы, води, бесермяне, нагайбаки, карты, виртуальная этничность

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079, <https://rscf.ru/project/23-78-10079/>

Для цитирования: Белоруссова С.Ю., Сюзюмов А.А. Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов России) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 93–119. doi: 10.17223/2312461X/44/5

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/5

Cartography in Cyberethnography (Using the Example of the Indigenous Peoples of Russia)

Svetlana Yu. Belorussova¹, Arsenii A. Siuziumov²

^{1,2} *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia*

¹ *svetlana-90@yandex.ru*

² *a.a.siuziumov@gmail.com*

Abstract. With the advent of ethnographic knowledge in Russia, that is, studies of nationalities and ethnic groups inhabiting the territory of the country, maps began to be used to characterize the ethnic composition of Russian society. Reflecting on the role of the Internet in everyday communication, modern ethnographers complement traditional methods with so-called cyberethnography: the study of online communication within and between ethnic communities. The purpose of this article is to explore the possibilities of using cartography to visualize not the physical, but the virtual space of (interethnic) communication. The virtual ethnicity of the indigenous peoples of Russia has been selected as the object of mapping. By mapping the virtual space, we have tried to identify trends in the representation of the identity of indigenous peoples, as well as to identify the role of tradition and innovation in their ethnic culture. The article examines the virtual experience of three ethnic groups – Vods (Leningrad region), Besermians (Republic of Udmurtia) and Nagaibaks (Chelyabinsk region). The combination of one of the oldest mapping technologies and a new method of cyberethnography makes it possible to take detailed account of ethnic interaction in the digital space. Like various camera angles in the cinema, with the help of cartographic research and database analysis, we observe – in an enlarged or remote way – the processes of dynamics and statics, activation and passivation in the network. This work is the first attempt to test the tools of GIS technologies for indigenous small peoples in the digital space, and subsequent studies have prospects for deepening and expanding, detailed study with the involvement of additional sources and materials. Social networks provide opportunities for visualized representation of ethnicity, and how to embrace, study and present it sometimes depends not only on specific tools, but also on the imagination of the researcher.

Keywords: cartography, cyberethnography, small indigenous peoples, Vods, Besermians, Nagaibaks, maps, virtual ethnicity

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-78-10079 (<https://rscf.ru/project/23-78-10079/>).

For citation: Belorussova, S.Yu. & Siuziumov, A.A. (2024) Cartography in Cyberethnography (Using the Example of the Indigenous Peoples of Russia). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 93–119 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/5

С появлением в России этнографических знаний, т.е. исследований национальностей и этнических групп, населяющих территорию страны, карты стали использоваться для характеристики этнического состава российского общества. Размышляя о роли Интернета в повседневном общении, современные этнографы дополняют традиционные методы так называемой киберэтнографией: изучением онлайн-коммуникации внутри этнических сообществ и между ними. Задача данной статьи заключается в исследовании возможностей использования картографии для визуализации не физического, а виртуального пространства (межэтнической) коммуникации.

В качестве объекта картографирования выбрана виртуальная этничность коренных малочисленных народов (КМН) России, которых на сегодняшний день насчитывается 47. С одной стороны, они представляют себя хранителями традиционной культуры, с другой – коренные народы являются активными пользователями сети, в которой создают собственное коммуникативное пространство и демонстрируют этническую культуру. Посредством картографирования виртуального пространства мы попытаемся определить современные тренды и тенденции в репрезентации идентичности коренных малочисленных народов, а также выявить роль традиции и новации в их этнической культуре. В статье рассматривается виртуальный опыт трех этнических групп – води (Ленинградская область), бесермян (Республика Удмуртия) и нагайбаков (Челябинская область).

В статье объединяются методы, предоставляемые картографией, киберэтнографией и традиционной этнографией. Авторы работы в течение длительного срока (более 10 лет) участвовали в полевых исследованиях на территории проживания КМН России и в последние годы наблюдают за процессом цифровизации их этнической культуры. Степень виртуальной активности зависит от внутреннего запроса группы, ее внешней значимости и принятия со стороны других сообществ. Этнический киберактивизм и виртуальная этничность – это не цель, а средство самопрезентации и самоактуализации. В рамках представленного экспериментального исследования особую важность составляет выявление причин обращения людей к сети (или отсутствия такового) как инструменту решения определенных задач, связанных с конструированием и функционированием этнической идентичности.

В течение последних лет мы изучали социальные сети «ВКонтакте», Facebook*, Instagram*, X (ранее Twitter), Telegram, WhatsApp, Viber, «Одноклассники», YouTube и TikTok, в которых представлены этнические сообщества. Помимо наблюдения за группами, персональными страни-

* Деятельность компании Meta, которой принадлежат социальные сети, признана экстремистской и запрещена в России.

цами, постами, комментариями и чатами мы также проводили тематические интервью и опросы. Среди обозначенных тем – цифровое неравенство, вопросы самоактуализации, коммуникации, виртуального лидерства, хештегов и других форм репрезентации этничности. Кроме того, мы обращались к членам этнических сообществ с просьбой выразить мнение о представленности (репрезентации) их культуры в сети и ответить на вопросы о том, насколько сегодняшняя виртуальная коммуникация замещает (или дополняет) реальное общение.

Для проведения исследования нами были составлены девять карт по темам «Общая информация», «Пользователи», «Язык». Для создания карт и анализа картографических материалов мы использовали QGIS 3.28.8, для сбора, анализа и презентации представляемых материалов обращались к специализированным программам, в том числе применяли код, написанный на языке программирования Python. Ресурсы Google (Spreadsheets, Drive, Colaboratory) позволили организовать, форматировать и представить данные в табличной форме. Программы VK API (Application Programming Interface) и VK API Python дали возможность работать со встроенными методами API, которые обеспечивают доступ к данным из сети «ВКонтакте». Библиотека Pandas предоставила специальные структуры данных и операции для манипулирования таблицами. Через программу Rymorphy проводился морфологический анализ данных. Через Tableau осуществлялся глубокий анализ большого количества информации, что позволило наглядно структурировать результаты исследования.

Данные были собраны по группам и сообществам социальной сети «ВКонтакте», которая на сегодняшний день является одной из самых популярных в России, и, согласно нашему исследованию, наиболее востребованной среди этнических сообществ. Несмотря на то, что наша исследовательская команда уже несколько лет занимается киберэтнографией, нам всегда не хватало наглядного представления процессов, происходящих в сети. В этом отношении мы предполагаем, что картографирование виртуального присутствия коренных народов и анализ базы данных являются необходимыми визуальными инструментами для понимания механики поведения людей в сети и динамики цифровой жизни внутри различных этнических групп, отличающихся друг от друга в культурном отношении. С помощью картографии мы попытаемся выявить общее и особенное в восприятии сети и ее возможностей среди пользователей этнических групп, а также изучим стратегии адаптации традиционной культуры к цифровому миру. Картографирование позволяет не только иллюстрировать механику поведения людей в виртуальном пространстве, но и открыть определенные аспекты цифровой жизни через новые визуальные интерпретации, что дает возможность сделать виртуальное осязаемым и понятным (Головнёв 2021: 209).

Если этничность – понятие неоднородное и во многом переходное, то виртуальная этничность кажется еще более ускользающим феноменом социальных наук. Наибольшей сложностью в проведении исследования для нас стала недолговечность рассматриваемых данных и быстрое устаревание материалов, поэтому мы выбрали сведения, которые можно четко зафиксировать на конкретный период времени (февраль 2024 г.).

В своей работе мы намеренно выбрали исследование виртуальных групп и в качестве методологической парадигмы определили концепцию, представленную в работе Р. Брубейкера «Этничность без групп». Основным постулатом автора является отказ от использования концепции «группы» и самого феномена «группизма» в связи с ограниченностью и директовностью используемой терминологии. Нередко члены «групп», в том числе этнических, не являются их постоянными участниками и имеют возможность «перетекания» из одной в другую. К тому же «группа» – неустойчивое понятие, поскольку в зависимости от временного и событийного промежутка может менять свою структуру и концептуальную наполненность. Автор предлагает использовать термин «групповость», который в себе содержит возможность динамики и адаптации, и предлагает рассматривать его как «событие», а не «данность» (Брубейкер 2012).

Инструмент объединения в группы в социальных сетях пользуется особой популярностью среди пользователей, и это обстоятельство в определенном смысле как поддержало, так и вступило в противоречие с концепцией Р. Брубейкера. С одной стороны, востребованность данного ресурса в сети показывает живучесть и актуальность концепта «группы» в общественной и социальной среде. С другой – сетевые группы демонстрируют текучесть и непостоянство: подчас они создаются для определенных целей или в связи с конкретными событиями. Часто группы «ВКонтакте» организуют представители этнических сообществ: в них они публикуют новости, актуализируют этнические проблемы, общаются и участвуют в дискуссиях. Желая определить волны и дрейфы активизации виртуальных этнических сообществ, мы отдельно рассматриваем темы «мертвых» и «живых» групп, рост и спад интереса к обсуждаемым темам и направлениям. Мы признаем, что благодаря сетям с их наглядностью мы можем отследить поведение группы, ее наполняемость, актуальные вопросы и запросы пользователей.

Данная статья состоит из четырех частей: «Картография», «Киберэтнография», «Виртуальная этничность», «Картография виртуальной этничности коренных народов». В первых разделах мы опишем методологические особенности, а также опыты, практики и подходы в картографических и киберэтнографических исследованиях. В последней части презентуем собственный опыт визуализации этнического пространства

по данным, собранным в группах представителей коренных малочисленных сообществ.

Мы выражаем благодарность членам нашего проекта за помощь в сборе и обработке материала, создании базы данных, а также всем, кто участвовал в исследовании.

Картография

Может показаться, что идея картографировать компьютерно-опосредованную коммуникацию (от англ. computer mediated communication) лишена смысла, так как такого рода явление оторвано от географической оболочки и лишено пространственных структур, следовательно, «некартографируемо». Однако исследователи картографии видели перспективу в визуализации интернет-событий: британский исследователь М. Додж в своей работе о коммуникации доказывает, что карты являются полезным и мощным инструментом для изучения сетевой среды (Dodge 2005).

Карта является уникальным инструментом, конструирующим нашу пространственную картину мира и дающим возможность отобразить и понять явления, в том числе недоступные человеческим органам чувств. В работе по истории картографии Д. Вудворд и Дж. Б. Харлей дают свое определение карты: «Карта – это графическое представление, способствующее пространственному пониманию предметов и явлений, идей, взаимосвязей процессов и событий в мире» (Woodward, Harley 1987).

Картографирование Интернета включает несколько направлений: от картографирования инфраструктуры и трафика сетей до истории развития Интернета и выявления географических закономерностей в запросах и использовании языка пользователями (Берлянт 2006). Геоизображения¹, посвященные теме Интернета, принимают различные формы: плоские или двумерные, объемные (трехмерные), динамические трех- и четырехмерные. Они могут представляться в виде различных продуктов: интерактивных и настенных картах, картах в атласах, картоподобных изображениях и схемах с различной дополнительной инфографикой.

В исследованиях карты помогают не только отобразить инфраструктуру, но и оценить, как население использует Интернет, выявить географические закономерности в неоднородности доступа к цифровым технологиям, а также поддерживают принятие управленческих решений. Третий том Национального атласа России содержит отдельный раздел, посвященный телекоммуникационной и информационной структуре, а также развитию Интернета. В атласе представлены карты, отображающие число организаций, использующих Интернет и электронную почту. Дополнительно представлена инфографика о распределении пользователей по возрасту и образованию по федеральным округам, а также даны

графики динамики численности пользователей по годам и наиболее популярным местам использования Интернета (Национальный атлас России 2008).

В исследовательской практике уже имеется опыт описания виртуальной этничности КМН на основе инфографики. Коллектив авторов из Томского государственного университета провел анализ сетевых характеристик вепсов, шорцев и хантов в сети «ВКонтакте». Авторы представили социально-демографический профиль подписчиков, а также анализ взаимосвязей пользователей и межгруппового взаимодействия (Анализ сетевых характеристик... 2024).

Используя методику математического моделирования, исследователи О.Ю. Черешня и М.В. Грибок на основе агрегирования показателей (инфраструктурный уровень, цифровые навыки пользователей и эффективность использования Интернета) оценивают цифровое неравенство регионов России. Как отмечается, при открывающихся возможностях и преимуществах Интернета (например, факт «стирания и размывания» границ, расширение доступа к информации и образованию и др.) существуют и свои проблемы доступа к цифровым технологиям, обусловленные различными причинами (цифровой разрыв или цифровое неравенство, англ. digital divide) (Черешня, Грибок 2023).

Очевидным является то, что и пользователи являются источником данных, а возможность фиксировать свое местоположение открывает новые горизонты для применения пространственного анализа и визуализации. На примере того, чем делятся в социальных сетях туристы в г. Барселоне, выявляются гендерные формы создания контента (Paül i Agustí 2021). Другим примером применения геоинформационного подхода является анализ поисковых запросов: к примеру, на основе пользовательского контента исследуется транспортная связность приграничных территорий Польши, Литвы и Калининградской области (Михайлова, Хвалей, Михайлов 2022).

Одним из ярких примеров картографирования поведения пользователей является представление динамики, где и когда пользователи Twitter используют хештэг *#sunrise* (рус. рассвет) в своих постах. Наложение смены дня и ночи со временем твита и учетом локации дает эффективное представление, с одной стороны, о географии пользователей, с другой – об их активности (40 maps that explain the internet 2024).

Пользователи могут также участвовать в совместном картографировании территории. Интерактивная карта Imptecity² дает возможность наносить эмоциональные метки восприятия городской среды, что позволяет отследить, какие типы территорий попадают в определенный спектр чувств (грустный, радостный, задумчивый, злой, веселый и др.) (Ненько, Курилова, Подкорытова 2020). С расширением круга создате-

лей и развитием технологий добавляются новые темы для картографирования. Пользователь сети X с никнеймом @VeryStrangeMaps создает карты с необычными и довольно экзотическими темами, например, в его карты продолжительности сна по странам, самых одиноких дорог Соединенных Штатов или выражения смеха в Интернете. Нередко карты могут принимать ироничный характер: к примеру, существует шуточная карта интернет-трендов, созданная на основе карты метро Токио³.

В данном исследовании карта играет ключевую роль, предоставляя возможность отобразить информационный поток в едином временном и пространственном промежутке. В этом отношении преимуществом картографирования является то, что он освобождает от текстового нагромождения, а также решает проблему структурированности и пространственного представления, что не дает табличная форма и геоинфографика. В данной работе информация представлена в сочетании всех видов отображения информации: плотного описания, картографического представления и геоинформационного анализа.

Киберэтнография

Интернет-революция сулила не только возможность обретения новой дополненной реальности, но и перспективу полного замещения физического пространства виртуальным. С начала 1990-х гг. этнографы подключились к изучению онлайн-среды, проводили исследования в сети, разрабатывали методы и подходы, открывали школы и направления. Если в 1990-е гг. исследование онлайн казалось «ненадежным» и «обманчиво легким», то уже в 2000-е гг. в киберэтнографии видели огромный потенциал и даже перспективу разрешения «кризиса» традиционной этнографии (Rutter, Smith 2005: 91–92).

Большинство ученых считает, что метод киберэтнографии должен выстраиваться на принципах традиционной этнографии: по словам Е. Круза, киберэтнография имеет много отсылок к прошлому опыту и «не обязательно означает этнографию нового» (Cruz 2016: 305). Белл-сторф приводит в пример идеи Б. Малиновского о представлении себя в чужой культуре («влезть в шкуру туземца») и заключает, что этнография всегда была связана с «аватаризацией» и «воображаемостью», что также свойственно киберсреде (Boellstorff 2008: 6).

Полевая киберработа требует не меньшей (иногда значительно большей) подготовки для этнографа, чем исследование в физическом пространстве. Опыт показал, что для работы в онлайн-сообществе геймеров World of Warcraft необходимо «экстраординарное количество времени» для наработки навыков игры, обретения «совместного социального интеллекта» и получения места в рейдерском отряде (Williams et al. 2006).

Виртуальной этнографической практике, в сравнении с реальной, свойственны менее длительные по времени, но более насыщенные по погруженности исследования, для которых Х. Кноблаух предлагает термин «сфокусированная этнография» (Knoblauch 2001: 129–135).

Р. Брубейкер в работе «Цифровая гиперсвязанность и личность» утверждает, если цифровая связанность существует уже несколько десятилетий, то цифровая гиперсвязанность – это продукт недавнего времени. Под ее влиянием изменились способы мышления и чувствования, привычки, ритмы жизни, ощущения времени и пространства, отношение к миру и другим людям. В новом виртуальном пространстве возникли множественные способы объективировать себя, в том числе через создание профиля в социальных сетях и приложениях. При этом сегодняшнее сознание подчинено алгоритмизации: самоизмерение происходит посредством лайков, а контент формируется из внешних запросов или «одобрений» окружения. Пользователи имеют свободу цифрового выбора, но условную и зависимую от внешних факторов: заданные установки «по умолчанию» формируют его предпочтения и ориентиры. В работе Р. Брубейкер использует метафору «колонизированного я», которое является результатом «завоевания» сетевыми схемами и сценариями (Brubaker 2020).

К. Хайн в работе «Виртуальная этнография» пыталась сопоставить мир реальности и виртуальности, исследовала «внедрение» цифровой действительности в реалии традиционной этнографической работы, анализировала потенциал нового «поля» онлайн-исследований (Hine 2000). Она предложила алгоритм E^3 – *Embedded, Embodied, Everyday* (встроенное, воплощенное, повседневное) – для изучения «укорененных в практиках, повседневных неререфлексивных явлений» (Hine 2020). В киберпространстве практики онлайн не способны происходить без учета текущей ситуации и культурных связей с реальностью; смысл изучения виртуальности заключается в определении контекстов, которые происходят во взаимодействии онлайн и офлайн. Она предлагает исследователю отправиться в «виртуальное поле», проводить наблюдение, контактировать с сообществом и включаться в «онлайн-жизнь» группы (Hine 2020).

Т. Беллсторфф в работе «Достижение совершеннолетия в Second Life: антрополог исследует виртуальное человечество» («Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human») изучает онлайн-мир Second Life, используя традиционные методы этнографии, в том числе «включенное наблюдение», работу с фокус-группами, опросы и интервью. Автор считает Second Life полноценным пространством для этнографического исследования, не сравнивает его с реальностью и не рассматривает практики взаимодействия вне виртуального мира. (Boellstorff 2008).

Проект Д. Миллера «Why We Post» в течение последних 15 лет занимается исследованием влияния медиатехнологий на повседневную жизнь и изучает роль социальных сетей в формировании современных

практик взаимоотношений. Участники проекта (ученые из разных университетов мира) проводили анализ социальных медиа в разных частях света. Цель проекта «Why We Post» состоит в изучении взаимовлияния человека и информационной среды: «Наше исследование посвящено тому, как мир изменил социальные сети, и тому, как социальные сети изменили мир». Согласно концепции Миллера, разделение реальности и виртуальности выглядит неактуальным – «социальные медиа вплетены в обычную жизнь, неотделимы от повседневных практик и встроены в другие социальные пространства» (Miller et al. 2016: 31–32).

Несмотря на различие техник проведения онлайн-исследования, представленные методы являются не противоречащими, а дополняющими друг друга; в своей совокупности они позволяют комплексно изучить модификации практического взаимодействия в интернет-пространстве (Белоруссова 2021).

Виртуальная этничность

Возможность самовыражения в сети дала новый импульс проявлениям этничности, нередко подавляемым формальной этикой соседства и политкорректности. Обрел популярность и так называемый этнический Интернет, включающий этнически ориентированные ресурсы и сервисы для поддержания и актуализации самосознания. Не так давно было распространено мнение, что Интернет чреват размыванием этнической идентичности. Однако в XXI в. обозначился обратный тренд: как заметил Т. Эриксен, «нации процветают в Интернете», и «Интернет стал ключевой технологией по поддержанию наций» (Eriksen 2007). Понятие «виртуальная этничность» ввел М. Постер в 1998 г. (Poster 1998), имея в виду «взаимодействие реальных и виртуальных элементов в конструировании этнических групп».

Согласно наблюдениям, сегодня наибольшую киберактивность проявляют малые этнические сообщества. В Канаде с долей шутки говорят, что «инуиты перешли из каменного века в кибервек в течение одного поколения», поскольку в Интернете «нашли потенциальный инструмент для строительства новых культурных связей» (Diamandaki 2003). По словам М. Форте, для коренных народов Карибского бассейна «Интернет, с его разнообразными мультимедийными связями, стал самым прочным и убедительным средством сохранения и передачи культурных знаний через барьеры времени и пространства» (Forte 2005: 37). Коренные общины США, Канады и Австралии начали создавать собственные виртуальные площадки с середины 1990-х гг.: веб-сайт индейских племен сауков и фоксов был запущен в 1998 г. (Meskwaki Nation 2022), чумашей – в 2002 г. (Chumash Indians 2022), онондага – в 2005 г. (Onondaga Nation 2022) (Белоруссова 2022).

«Ренессанс» коренных малочисленных народов России случился в 1990-е гг., когда смена политической парадигмы дала возможность свободы этнического выбора. С 2000-х гг. представители коренных народов стали подключаться к сетям, постепенно осваивая новое пространство и присваивая его себе. Их интерес к виртуальному миру можно объяснить следующими основными причинами:

1. В советское время у большей части КМН не было возможности самовыражения, а некоторые и вовсе не имели официального признания как отдельного народа. Опираясь на подход Р. Брубейкера, можно предположить, что сетевое взаимодействие стало толчком к отрыву от старой схемы представления (от образа «отсталых» и «угнетенных») и дало ресурс для выбора желаемой репрезентации.

2. Посредством сети у коренных малочисленных народов происходит компенсация дефицита реальной территориальной близости и коммуникации. Часто они создают виртуальные группы и сообщества, ориентированные на «сбор» и объединение своих членов в «этническую команду». К тому же с помощью цифрового пространства группа становится более устойчивой и менее уязвимой при внешних обстоятельствах и угрозах.

3. Мода на аутентичность и популяризация традиционной культуры в сети дают возможность коренным народам создавать собственный уникальный контент и получать отклик от внешних пользователей. Часто представители сообществ опираются на тренды в презентации этнических традиций. К примеру, проводят рэп-баттлы или флешмобы – в том числе для привлечения большего пользовательского ресурса среди соотечественников и сторонних участников в представлении культуры.

Картография виртуальной этничности коренных народов

Для демонстрации инструмента картографирования используется опыт трех коренных малочисленных народов России – бесермян, води и нагайбаков. Они представляют разные (и даже противоположные) модели позиционирования в сети, что и стало основным критерием для выбора данных этнических групп:

1. Бесермяне компактно обосновались на территории Северной Удмуртии и по последней переписи насчитывают 2 067 человек. Они проживают преимущественно в сельской местности, говорят на бесермянском наречии удмуртского языка, по религии являются православными. Бесермян можно охарактеризовать как этнических экстравертов, всюду демонстрирующих свою культуру, готовых к внешней коммуникации и заинтересованных в отстаивании собственной идентичности. Они проявляют себя в сети, их виртуальные сообщества многочисленны и от-

крыты, что подчеркивает их желание свободы самовыражения. В последние годы этничность бесермян не имеет деления на реальное и виртуальное, а скорее слита – ни одно этническое мероприятие не проходит без поддержки сети и наоборот, цифровой проект получает свое отражение и в реальных событиях.

2. Представителей води относят к финно-угорским народам, проживающим на территории Ленинградской области. На сегодняшний день води является одним из самых малочисленных сообществ в России и насчитывает, согласно переписи 2020 г., 105 человек. При этом воджане проявляют повышенную активность в социальных сетях: во «ВКонтакте» у води более 10 сообществ, самое многочисленное из которых ««Общество Водской Культуры»» включает более тысячи человек. Свою невысокую численность члены сообщества преподносят в качестве бренда и уникальности, называясь «самым малочисленным народом России».

3. Нагайбаки проживают на территории Челябинской области и, согласно последней переписи, насчитывают 5 719 человек. Они являются православными по религии, тюрками по языку и в прошлом представляли казачье сословие. Еще 10 лет назад нагайбаки были заинтересованы в отстаивании своей самобытности, что выражалось в повышенной виртуализации – создании интернет-сообществ, цифровом межатническом общении и демонстрации себя в сети. При снижении потребности быть увиденными со стороны других – в том числе при повышении внимания со стороны СМИ, ученых и сторонних пользователей, у нагайбаков снизилась самостоятельная интернет-активность. Еще год назад группы во «ВКонтакте» нагайбаков почти не функционировали, а сообщества не обновлялись. Их цифровая среда была похожа на заброшенные города с остатками прошлого – виртуальными записями 7–10-летней давности (Белоруссова 2023). Однако последние несколько месяцев нагайбаки вновь активизировались в сети: в этот раз через создание групп, направленных на помощь участникам военных действий.

Стоит оговориться, что представленные карты как результат работы геоинформационной системы являются *временным срезом*. На момент создания их уже можно считать устаревшими или «историческими», поскольку они фиксируют феномен, развивающийся в едином моменте. Интернет демонстрирует скорость (Головнёв 2020): появляются новые пользователи, платформы для коммуникации, меняются тренды и формы представления информации. Кроме того, нельзя не учитывать и множество внешних факторов, в том числе роль политики, социальных отношений и экономического развития, что также оказывает влияние на развитие виртуальных сообществ.

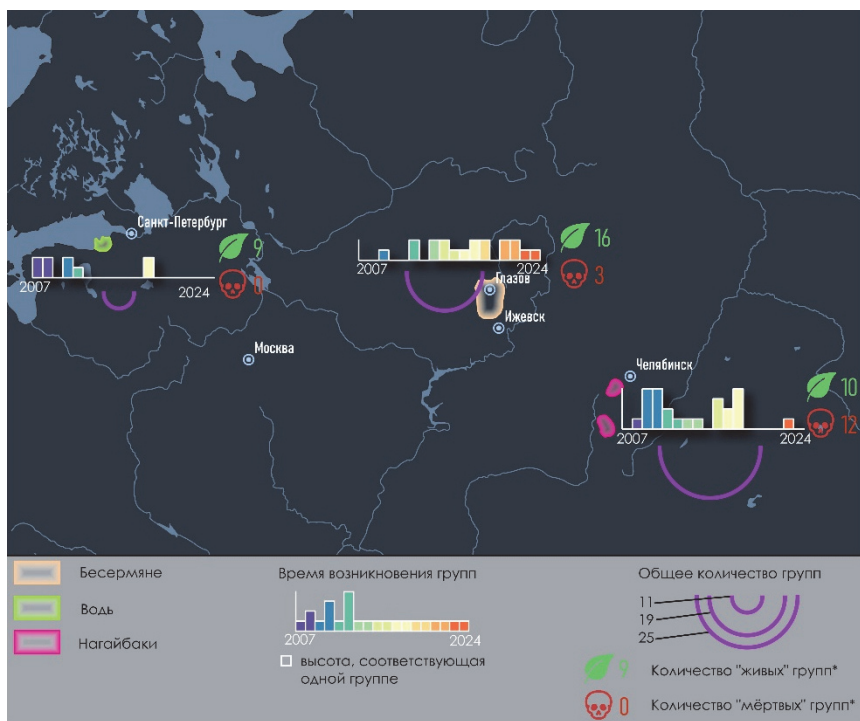

Рис. 1. Динамика создания групп по годам. Функциональность групп: живая/мертвая

На рис. 1 представлена динамика создания групп по годам, а также функциональность групп, исходя из категорий «живая» или «мертвая». Из представленных данных видно, у воды не так много созданных групп, но есть основообразующая – «~Общество Водской Культуры~». По меркам сетевого пространства группы воды созданы достаточно давно – около 10–15 лет назад. Причем все из них остаются функциональными и не переходят в статус «мертвых». При этом новые группы, посвященные этнической культуре воды, не создаются. Существенное значение для поддержки виртуальной идентичности народа имеют этнические (кибер) лидеры. К примеру, хранитель музея водской культуры Марина Ильина часто публикует посты про воду и тем самым поддерживает виртуальную жизнь группы; в своих записях она обращается к пользователям: «Вожане, друзья вожан и друзья друзей вожан!». Одновременно Интернет выступает и местом полемики среди водских активистов.

Первая группа бесермян во «ВКонтакте» была создана в 2009 г. и имела название «Бесермяне – Бесерманъёс», а в 2012 г. была основана группа «МИ БЕСЕРМАНЪЁС» [«Я Бесермянин». – *Авт.*]. Если группа «Бесермяне – Бесерманъёс» с 2022 г. перешла в статус «мертвых», то

«МИ БЕСЕРМАНЬЁС» до сих пор является одной из ключевых сообществ бесермян. В 2018 г. случился бум киберактивности бесермян в виде создания новых виртуальных сообществ; на сегодняшний день существует более 20 групп со средней численностью 500–700 участников в каждой. Почти все виртуальные сообщества имеют открытый доступ, тем самым приглашая внешних пользователей к диалогу. Большинство сетевых групп бесермян несколько лет поддерживают функциональность своих страниц и не переходят в статус «заброшенных».

У нагайбаков довольно много групп, созданных в период с 2010 по 2018 г. Среди этих групп сложно выделить основную – все они были созданы разными пользователями, модераторами и активистами исходя из собственных тематических запросов и интересов. Половина из этих групп сегодня не функционирует и перешла в статус «заброшенных». Судя по всему, многие из них были созданы ситуативно или не ставили задачу продолжительного существования. Если в начале 2010-х гг. интернет-пространство служило площадкой виртуального позиционирования нагайбаков, то за последние 5 лет было заметно снижение киберактивности: обсуждения в группах практически не велись, а прежние блогеры не выкладывали записей. В 2015 г. 78-летняя пенсионерка Ольга Барышникова занималась переводом интерфейса «ВКонтакте» на родной язык (ее инициатива была встречена с интересом в медиапространстве), однако данная работа так и не была завершена.

В последнее время нагайбаки вновь активизировались в сети: поводом стало создание виртуальных групп для желающих помочь специальной военной операции. В ноябре 2023 г. была образована группа «Нагайбак_фронту», которая сегодня является одной из востребованных в нагайбакском сообществе. При этом в группе нет выраженного этнического акцента, в большей степени в нее приглашаются «нагайбакцы» – жители Нагайбакского района Челябинской области. При этом для обоснования некоторых действий, в том числе самого желания помогать, используются этнические акценты: дяди пишут о том, что, к примеру, «нагайбаки всегда стояли на страже родины». В мае 2023 г. нагайбаки собрали средства и отправили на фронт автомобиль «УАЗ 452» («буханка»), который украшает надпись «Нагайбак». В начале 2024 г. поступила информация, что «народный» автомобиль был подбит, что опять же спровоцировало нагайбаков на сбор средств по его восстановлению через группу во «ВКонтакте».

Из данных по классификации видно, что у бесермян и нагайбаков группы во «ВКонтакте» преимущественно локального типа (рис. 2). У нагайбаков общение через «сельский» чат (к примеру, «Подслушано Париж») проходит более активно и продуктивно, чем через чат этнический. Отдельным видом виртуальных групп являются сообщества, созданные пользователями, которые недавно покинули родные места.

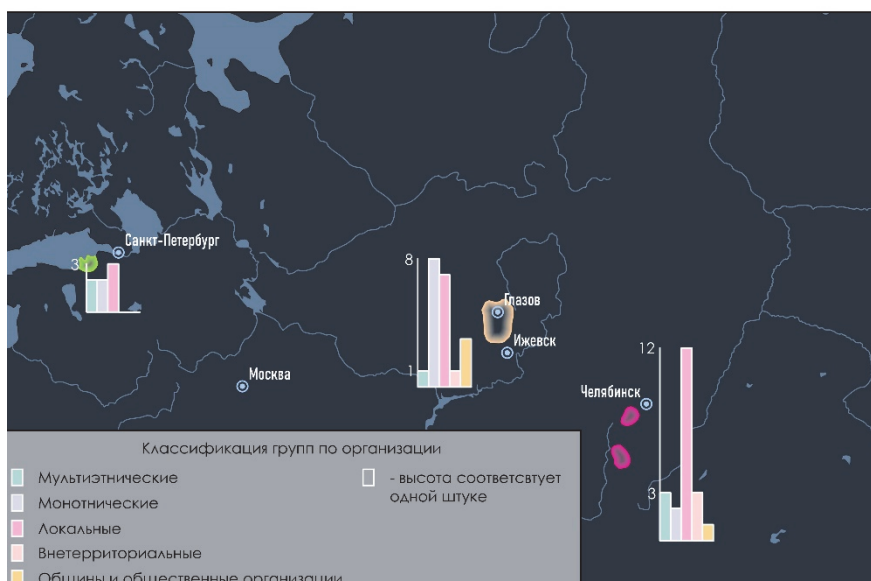

Рис. 2. Классификация по организации групп

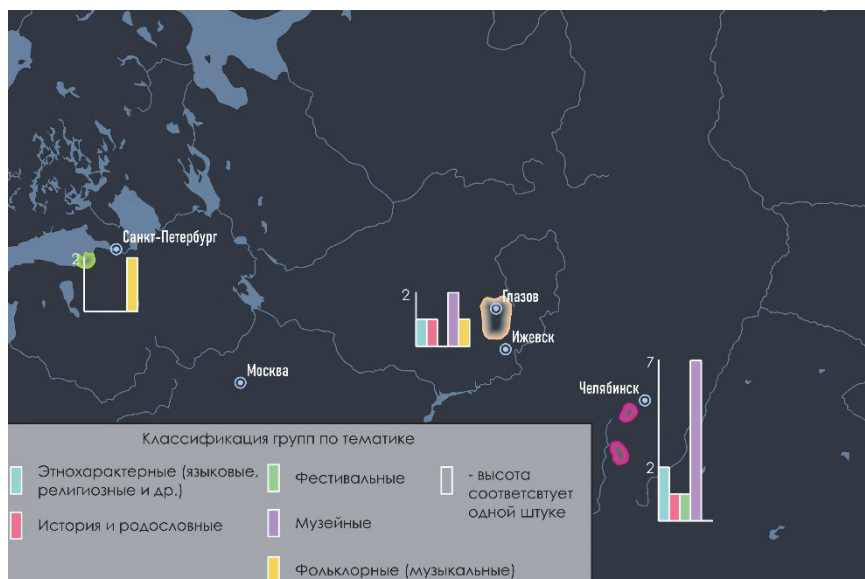

Рис. 3. Классификация по внутреннему содержанию

Сообщество «Питерские нагайбаки» основано уроженцем пос. Остроленский Петром Юскиным: по его описанию, «группа создана для помощи, общения и взаимодействия тех, кто переехал из Нагайбакского

района в Санкт-Петербург либо является другом или знакомым из Нагайбакского района». Хотя в группе так и не случилось общения между питерскими нагайбаками (контент группы не обновлялся несколько лет), вероятно, создание виртуального сообщества послужило психологической опорой для пользователя, желающего на новом месте найти соплеменников. Подобная судьба у группы «Париж и парижане», основанной уехавшими в Казань жителями села Париж Дмитрием и Викторией Кадыкеевыми. Сегодня сообщество неактивно, правда, время от времени в нем оставляют объявления и вопросы по поводу переезда в Париж – но не в нагайбакский, а французский.

Относительно тематического распределения, то у нагайбаков преобладают музейные группы, что связано с высокой значимостью музеев для их этнической культуры (см. рис. 3). Сегодня в каждом нагайбакском селении есть свой музей, экспозиции которого в большей степени ориентированы на самих представителей сообщества и являются внутренним пространством актуализации их идентичности. В этом отношении виртуальное позиционирование в виде музейных групп отражает запрос этнического сообщества. Бесермяне, в свою очередь, ориентированы на создание групп, посвященных сохранению собственного языка, а также на организацию тех сообществ, в которых бы использовался только родной язык. К примеру, в октябре 2023 г. была основана группа «Бесерман-нёс сярёсь бесерман сямен», которая переводится как «О бесермянах побесермянски».

Важное значение для народа представляют группы, посвященные родословным. Особенно актуальным это является для тех этнических сообществ, чья этничность в прошлом была под сомнением или запретом, и сегодня они хотят задокументировать «обоснованность» своего существования. В этом отношении особенно активны и продуктивны бесермянские сообщества во «ВКонтакте», где важную роль играют киберактивисты. К примеру, бесермянка Вероника Баглай с недавних пор занимается созданием родословных. При этом она живет в Краснодаре, в отдалении от своей этнической родины на севере Удмуртии, что и стало мотивом обращения к этничности: «Я живу за тысячи километров от родины своих предков. Хотелось от этого только больше лезть в глубины, искать информацию о своем народе и все это в просторах интернета, потому что других источников у меня не было». Впоследствии Вероника стала публиковать результаты своих поисков в созданной ей группе «Бесермянские родословные», чем увлекла соплеменников. Бесермянские пользователи по примеру Баглай стали также создавать собственные родословные, искать родственников и изучать родню. Несмотря на то, что не все знают Веронику лично, она пользуется авторитетом среди сородичей: к ней обращаются за помощью и советом, пишут благодарности в комментариях и просят дать экспертное мнение по вопросам родословных.

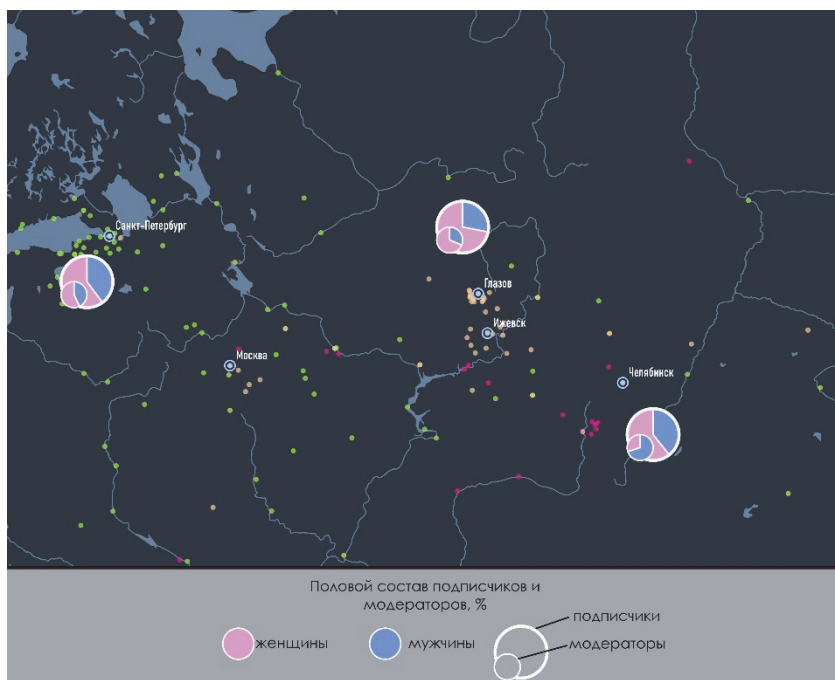

Рис. 4. Гендерное распределение подписчиков.
Гендерное распределение модераторов. Уникальные подписчики

Подписчиками водских, бесермянских и нагайбакских групп являются преимущественно женщины (см. рис. 4). Наиболее высокий процент наблюдается у бесермян – 72% (мужчины – 28%), у нагайбаков и води процентное соотношение примерно равное: у нагайбаков 60,7% женщин и 39,3% мужчин, у води – 60,2 и 39,8% соответственно. У бесермян и води модераторами групп в основном являются женщины, при этом в процентном соотношении модераторов среди мужчин больше, чем подписчиков. У бесермян модераторами являются 66,7% женщин и 33,3% мужчин, а у води – 57,1% женщин и 42,9% мужчин. У нагайбаков иная ситуация – их группы модерирует преимущественно мужское население, которое составляет 70%. Вероятно, это можно объяснить этнокультурными факторами: одной из черт нагайбакской идентичности является сословная принадлежность к казачеству. Вплоть до Гражданской войны нагайбаки были связаны с защитой границ и участвовали в сражениях, в том числе в Отечественной войне 1812 г. и Первой мировой войне (Белоруссова 2014). Впрочем, воинственность как долг перед Отечеством прослеживалась и после 1920-х гг. при отсутствии закрепленной казачьей сословности. Нагайбаки гордятся своими героями Великой Отечественной войны, чтят участников вооруженных действий Афгани-

стана, сегодня среди представителей данного КМН пользуются уважением участники специальной военной операции. Таким образом, идентичность нагайбаков имеет черты мускулинной культуры, что выражается в создании и модерировании нагайбакских страниц в виртуальном пространстве.

Количество уникальных подписчиков во всех этнических группах следующее: у води – 2 452 чел., у бесермян – 2 678, у нагайбаков – 6 479 чел. Во всех группах количество виртуальных участников превосходит реальные показатели. Наибольшая разница наблюдается у води, у которых количество подписчиков превышает численность населения почти в 25 раз. Можно предположить, что условные сетевые участники составляют большинство сообщества. Также это показывает, что малую численность в реальности можно компенсировать и за счет активности в сети.

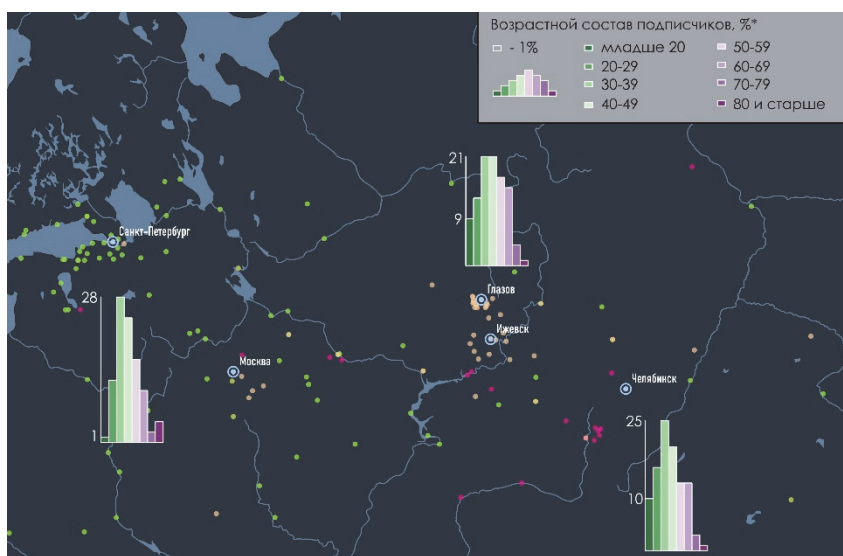

Рис. 5. Возрастное распределение

Что касается возрастного распределения (см. рис. 5), то основными пользователями этнических групп являются люди в возрасте 30–39 лет. У води они составляют 27,9%, у нагайбаков – 24,7%. Среди бесермян такими пользователями являются 20,9%, у них примерно одинаковое процентное соотношение с пользователями 40–49 лет – 20,8%. Среди води и нагайбаков пользователи 40–49 лет также составляют высокий процент участия в виртуальных группах – 23,6 и 20,2% соответственно. Следующими по числу подписчиков среди води и бесермян являются возрастные категории 50–59 лет: у води они составляют 15,6%, у бесермян – 16,4%. Несколько иная ситуация у нагайбаков: для них следующей

референтной группой являются участники в возрасте 20–29 лет (16,1%), а затем идут участники 50–59 лет (13%). Следует оговориться, что не все пользователи указывают свой год рождения, в среднем их количество составило 40–60% от общего числа уникальных подписчиков: у води – 922 чел. (35,7%), у бесермян – 1 350 (50,41%), у нагайбаков – 3 957 чел. (61,07%).

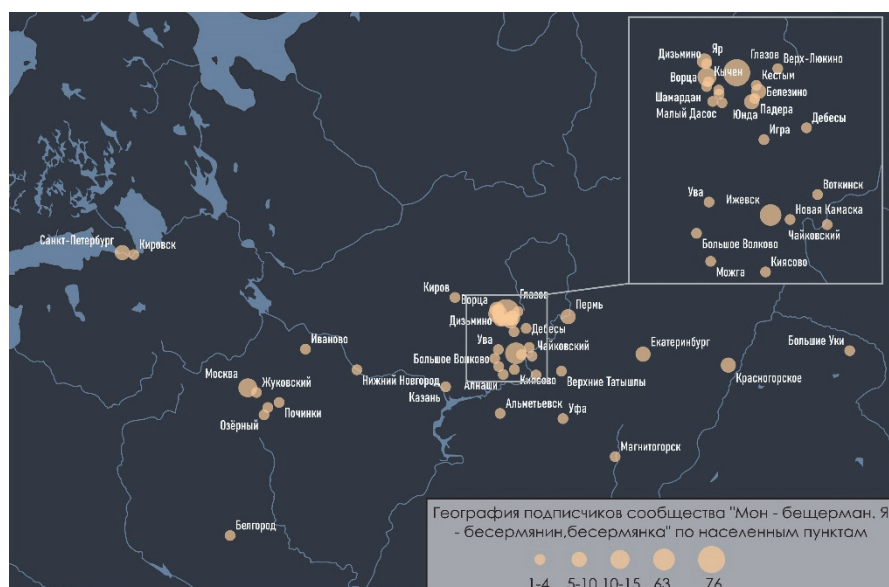

Рис. 6. География подписчиков: бесермяне

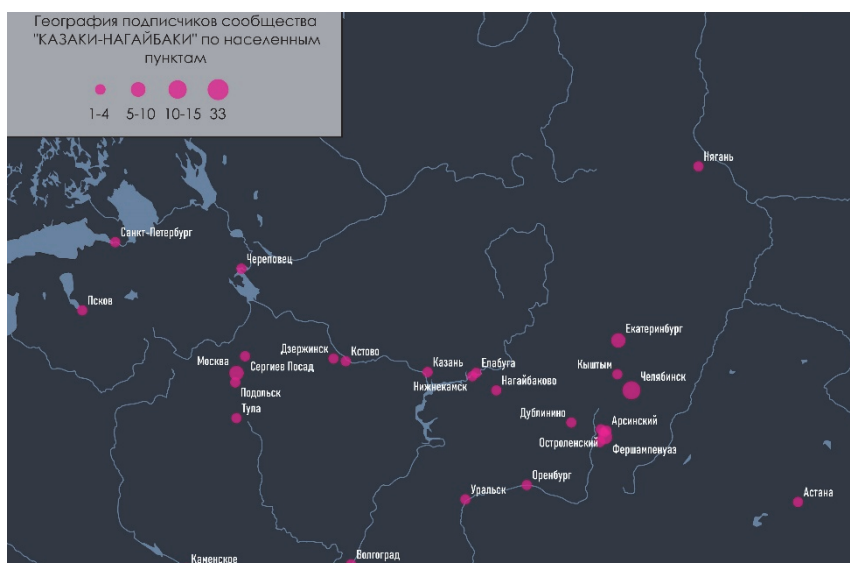

Рис.7. География подписчиков: нагайбаки

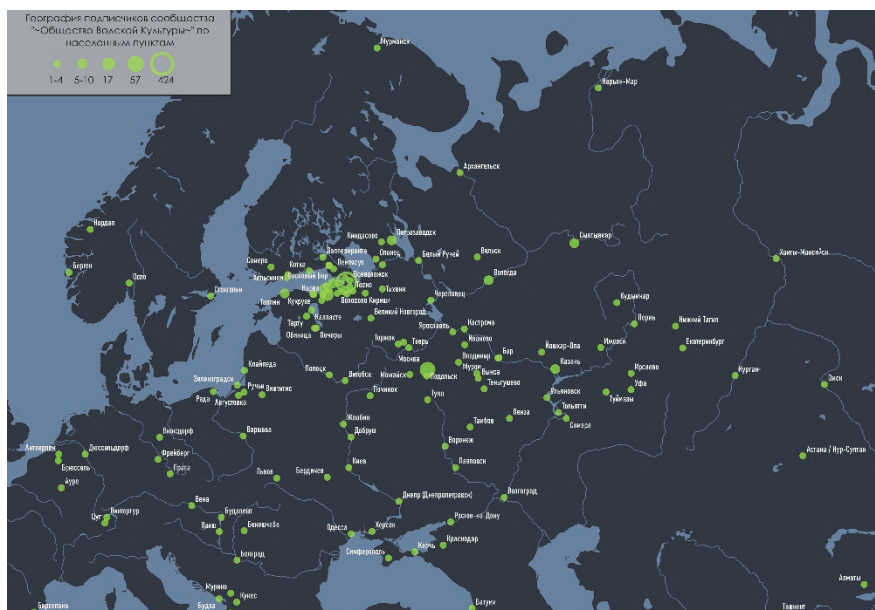

Рис. 8. География подписчиков: водь

На рис. 5 видно, что у бесермян более равномерное распределение среди всех возрастных категорий, чем у нагайбаков и воды. Кроме того, бесермянские подписчики представляют наиболее возрастное население. При этом водь является наиболее «молодым» виртуальным сообществом среди других.

В рамках работы (рис. 6–8) мы исследовали географию подписчиков трех ключевых групп во «ВКонтакте» – бесермян («Мон – бещерман. Я – бесермянин, бесермянка», 511 подписчиков), нагайбаков («Казак-нагайбаки», 158 подписчиков) и воды (~Общество Водской Культуры~, 1 109 подписчиков). Выяснилось, что участники контрольных бесермянской и нагайбакской групп географически совпадают с территорией проживания их этнических сообществ: бесермянские подписчики обозначили себя преимущественно в Республике Удмуртия, нагайбакские – в Челябинской области. Иная ситуация у воды: мало того, что количество подписчиков ключевой группы в 10 раз превышает реальную численность народа, ее участниками оказались представителями не только своего региона, но и центральной и северной частей России, Урала, а также центральной, восточной и северной частей Европы.

Исходя из указанных данных, выделяются следующие закономерности. Во-первых, невысокая численность воды, рассеянной по большому периметру, приводит к концентрации их сообщества в единую виртуальную группу. Другая тенденция у нагайбаков, которые проживают

обособленно и по последней переписи их численность превышает количество бесермян и води: их группы во «ВКонтакте» малочисленные и рассредоточенные. Во-вторых, у води ключевая группа оказалась превосходящей по количеству участников среди трех рассматриваемых групп, а у нагайбаков – самая меньшая по подписчикам. Таким образом, свою малую численность води компенсирует не только за счет повышенной активности в виртуальной среде, но и географически обширным коммуникативным сообществом в России и за рубежом. При этом Интернет и, в частности, виртуальные группы во «ВКонтакте» оказываются одним из основных инструментов по поддержанию жизнеспособности этнического сообщества.

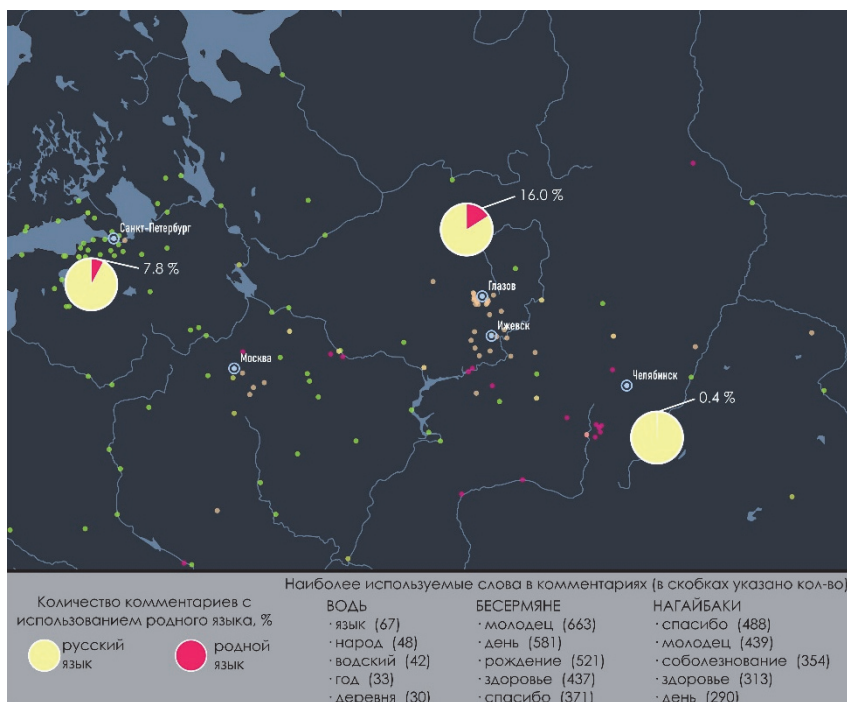

Рис. 9. Использование родного/неродного языка в комментариях.
Наиболее популярные слова в комментариях

Согласно исследованию групп во «ВКонтакте» бесермяне, води и нагайбаки в комментариях используют преимущественно русский язык (см. рис. 9). В процентном соотношении это выглядит так: у води русский язык применяется в 92,2% случаев, родной – 7,8%, у бесермян русский – 83,7%, родной – 16,3%, у нагайбаков русский – 99,6%, родной – 0,4%. Всего в бесермянских группах 4 175 комментариев, в водских – 654, в нагайбакских – 8 005. Согласно полевым наблюдениям, данная

статистика по комментариям в целом отражает общую ситуацию по языку и в реальном взаимодействии внутри этнических групп. Наиболее высокий показатель использования родного языка у бесермян объясняется в том числе внутренними усилиями по его поддержке. Кроме того, проживание в республиканском субъекте дает большие ресурсы для развития языка. Согласно анкетированию среди бесермян, 55% общается в сети преимущественно на русском языке, 20% опрошенных предпочитает коммуникацию на родном языке, 15% – только на русском, 10% – только на родном. У нагайбаков другой случай: проживая среди этнического большинства русских, наблюдается уменьшение использования родного языка, что также отражает статистика комментариев групп во «ВКонтакте».

Исследование используемых слов в комментариях участников выявило следующее: у представителей водских групп чаще встречаются слова «язык», «народ», «водский», «год», «деревня», «вось». У бесермян в основном используются лексемы «молодец», «день», «рождение», «здоровье», «спасибо», «поздравлять», «успех», «счастье». В группах нагайбаков чаще в комментариях пишут «спасибо», «молодец», «соболезнование», «здоровье», «день», «память», «небесный», «Париж». Исходя из данных, можно предположить, что комментарии в большей степени направлены на обсуждения этнической идентичности. Использование слов «народ», «вось», «водский» показывает, что комментирующие пользователи как будто дистанцированы от этнического сообщества, однако ощущают с ним сопричастность и переживают за его судьбу. Неслучайно, что слово «язык» оказался на первом месте в обсуждениях, поскольку, как правило, тема сохранения родного языка является одной из волнующих среди коренных народов.

У бесермян используемые слова имеют позитивную коннотацию: они написаны в контексте поздравлений, эмоциональных реакций на благоприятные новости и посты. В целом это отражает положительный настрой сообщества, которое сегодня мотивировано на реализацию этнических проектов и поддержку развития собственной культуры. У нагайбаков комментарии также имеют позитивный настрой, однако отдельно следует отметить слово «соболезнование», которое находится на третьем месте среди используемых. Существительное «соболезнование» употребляется 354 раза, а глагол «соболезновать» – 212, что в совокупности является самой используемой лексемой у нагайбаков. Вероятно, их посты имеют в том числе грустную коннотацию, поэтому реакции нагайбаков направлены на поддержку и сочувствие в отношении тех или иных событий. Судя по анализу слов в комментариях бесермян и нагайбаков, их реакции в большей степени ориентированы на самих представителей группы, которые общаются и обмениваются впечатлениями внутри своего сообщества.

Соединение одной из древнейших технологий картографирования и нового метода киберэтнографии дает возможность детализированного учета этнического взаимодействия в цифровом пространстве. Подобно различным ракурсам в кино, с помощью картографического исследования и анализа баз данных мы наблюдаем – укрупненно или отдаленно – за процессами динамики и статики, активизации и пассивизации в сети. Виртуальность сегодня неразрывна с реальностью, но, как показывает данное исследование, по мере необходимости этнические сообщества используют его как инструмент для достижения определенных целей. К примеру, представители води, которые географически являются наиболее рассредоточенным сообществом, в сети демонстрируют концентрацию своего сообщества. Бесермяне, которые сегодня заняты реализацией этнических проектов, выражают это в том числе через создание и активность в различных группах во «ВКонтакте». Для нагайбаков этничность в виртуальности сегодня не представляет той значимости, что 15 лет назад, однако в связи с различными событиями они также обращаются к этому инструменту.

Созданная ГИС в рамках проекта является основой для дальнейшего «отслеживания» ситуации, описания динамики развития, поиска закономерностей и определения причин того или иного явления. Данная работа – первая попытка опробовать инструменты ГИС-технологий для коренных малочисленных народов в цифровом пространстве, а последующие исследования имеют перспективы углубления и расширения, детальной проработки с привлечением дополнительных источников и материалов. Социальные сети дают возможности визуализированного отображения этничности, а как ее охватить, изучить и представить – зависит порой не только от конкретного инструментария, но и от фантазии исследователя.

Примечания

¹ «Геоизображение – любая пространственно-временная, масштабная, генерализованная модель земных (планетных) процессов, представленная в графической, образной форме (все множество карт, снимков и других подобных моделей)» (Берлянт 2006: 35).

² <https://imprecit.ru/analytics>

³ ia.net/topics/webtrends2007

Список источников

Анализ сетевых характеристик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в социальной сети «ВКонтакте». URL: https://ataskmns.ru/page/ru/papers_003_tomsk_soc.html (дата обращения: 12.03.2024).

Белоруссова С.Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135.

- Белоруссова С.Ю. Исчезают ли нагайбаки? // *Этнография*. 2023. № 1 (19). С. 203–224.
- Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 123–145.
- Белоруссова С.Ю. Коренные малочисленные народы: виртуальная этничность и сетевые опыты // *Этнография*. 2022. № 4 (18). С. 84–111.
- Берлянт А.М. Теория геонизображений. М.: ГЕОС, 2006.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Головнёв А.В. Киберскорость // *Этнография*. 2020. № 3 (9). С. 6–32.
- Головнёв А.В. Игра в карты: визуализация Севера // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 207–243.
- Михайлова А.А., Хвалец Д.В., Михайлов А.С. Геоинформационная оценка интереса интернет-пользователей приграничного региона к трансграничной мобильности // *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы Междунар. конф. М.: Географический факультет МГУ, 2022. Т. 28, ч. 2. С. 146–159.*
- Национальный атлас России. Т. 3: Население, экономика. М.: Минтранс РФ, Роскартография, 2008.
- Ненько А.Е., Курилова М.А., Подкорытова М.И. Анализ эмоционального восприятия территорий и развитие «Умного города» // *International Journal of Open Information Technologies*. 2020. Т. 8, № 11. С. 128–136.
- Черешня О.Ю., Грибков М.В. Комплексная оценка цифрового неравенства в регионах России // *ИнтерКарто. ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы Междунар. конф. М.: Географический факультет МГУ, 2023. Т. 29, ч. 1. С. 143–157.*
- 40 maps that explain the internet. URL: <https://www.vox.com/a/internet-maps> (дата обращения: 12.03.2024).
- Boellstorff T. *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. New Jersey: Princeton University Press, 2008.
- Brubaker R. Digital Hyperconnectivity and the Self // *Theory and Society*. 2020. Vol. 49. P. 771–801.
- Chumash Indians. URL: <https://www.santaynezchumash.org/letterarmenta.html> (дата обращения: 04.10.2022).
- Cruz E.G. The (Be)coming of Selfies: Revisiting an Onlife Ethnography on Digital Photography Practices // *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge, 2016. P. 300–307.
- Diamandaki K. Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace // *Global Media Journal*. 2003. № 2. P. 3–14.
- Dodge M. The Role of Maps in Virtual Research Methods // *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. New York: Berg, 2005. P. 113–128.
- Eriksen T.H. Nations in Cyberspace. 2007. URL: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (дата обращения: 30.12.2017).
- Forte M.C. *Centring the Links: Understanding Cybernetic Patterns of Co-Production, Circulation and Consumption* // *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. Oxford; New York: Berg, 2005. P. 93–106.
- Hine C. *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. New York: Taylor & Francis Group, 2020.
- Hine C. *Virtual Ethnography*. London: Sage Publications, 2000.
- Knoblauch H. Fokussierte Ethnographie als Teil einer soziologischen Ethnographie. Zur Klärung einiger Missverständnisse // *Sozialer Sinn*. 2001. № 3 (1). S. 129–135.
- Meskwaki Nation. URL: <https://www.meskwaki.org/> (дата обращения: 04.10.2022).
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press, 2016.

- Onondaga Nation. URL: <https://www.onondaganation.org/> (дата обращения: 11.10.2022).
- Paül i Agustí D. Mapping Gender in Tourist Behaviour Based on Instagram // *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*. 2021. № 35. Art. number 100381.
- Poster M. Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications // *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage, 1998. P. 184–211.
- Rutter J., Smith G.W.H. Ethnographic Presence in a Nebulous Setting // *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. Oxford; New York: Berg, 2005. P. 81–92.
- Williams D., Ducheneaut N., Xiong L., Zhang Y., Yee N., Nickell E. From tree house to barracks: The social life of guilds in World of Warcraft // *Games and Culture*. 2006. № 1. P. 338–361.
- Woodward D., Harley J.B. The History of Cartography, Volume 1: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

References

- 40 maps that explain the internet. Available at: <https://www.vox.com/a/internet-maps> (Accessed 12 March 2024)
- Analiz setevykh kharakteristik korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sotsial'noi seti «VKontakte» [Analysis of network characteristics of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the social network “VKontakte”]. Available at: https://atlaskmns.ru/page/ru/papers_003_tomsk_soc.html (Accessed 12 March 2024).
- Belorussova S.Yu. (2014) Iz Parizha v Parizh: puteshestvie nagajbakov po dorogam predkov [From Paris to Paris: the journey of nagaibaks along the roads of their ancestors]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3 (44), pp. 128–135.
- Belorussova S.Yu. (2021) Kiberetnografiya: metodologiya i tekhnologiya [Cyberethnography: methodology and technology]. *Etnografiya*, no. 3 (13), pp. 123–145. doi: 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145
- Belorussova S.Yu. (2022) Korennye malochislennye narody: virtual'naia etnichnost' i setevye opyty [Minor Indigenous Peoples: Virtual Ethnicity and Network Experiences]. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 84–111. doi: 10.31250/2618-8600-2022-4(18)-84-111
- Belorussova S.Yu. (2023) Ischezaiut li nagajbaki? [Are Nagaibaks disappearing?]. *Etnografiya*, no. 1 (19), pp. 203–224. doi: 10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224
- Berlyant A.M. (2006) *Teoriya geoizobrazhenij* [Theory of geoimages]. Moscow: GEOS.
- Boellstorff T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. New Jersey. Princeton University Press.
- Brubaker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Moscow: Izdatel'skij dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russian)
- Brubaker R. (2020) Digital Hyperconnectivity and the Self. *Theory and Society*, Vol. 49, pp. 771–801.
- Chereshnia O.Yu., Gribok M.V. (2023) Kompleksnaya ocenka cifrovogo neravenstva v regionah Rossii [Complex assessment of digital inequality in the Regions of Russia]. In: *InterCarto. InterGIS. Geoinformacionnoe obespechenie ustojchivogo razvitiya territorij* [InterCarto. InterGIS. GI support of sustainable development of territories]. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. no. 1 (29), pp. 143–157. doi: 10.35595/2414-9179-2023-1-29-143-157
- Chumash Indians. Available at: <https://www.santaynezechumash.org/letterarmenta.html> (Accessed 4 October 2022).
- Cruz E.G. (2016) The (Be)coming of Selfies: Revisiting an Onlife Ethnography on Digital Photography Practices. In: *The Routledge Companion to Digital Ethnography*. New York: Routledge. pp. 300–307.

- Diamandaki K. (2003) Virtual ethnicity and digital diasporas: Identity construction in cyberspace, *Global Media Journal*, no. 2, pp. 3–14.
- Dodge M. (2005) The Role of Maps in Virtual Research Methods. In: *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. Oxford, New York: Berg, pp. 113–128.
- Eriksen T.H. *Nations in Cyberspace*. 2007. Available at: <http://tamilnation.co/selfdetermination/nation/erikson.htm> (Accessed 30 December 2017).
- Forte M.C. (2005) Centring the Links: Understanding Cybernetic Patterns of Co-Production, Circulation and Consumption. In: *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. Oxford, New York: Berg, pp. 93–106.
- Golovnev A.V. (2021) Igra v karty: vizualizaciya Severa [Playing Maps: Visualization of the North]. *Etnografika*, no. 3 (13), pp. 207–243. doi: 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-207-243
- Hine C. (2000) *Virtual Ethnography*. London: Sage Publications.
- Hine C. (2020) *Ethnography for the Internet: Embedded, Embodied and Everyday*. New York: Taylor & Francis Group.
- Knoblauch H. (2001) Fokussierte Ethnographie als Teil einer soziologischen Ethnographie. *Zur Klärung einiger Missverständnisse. Sozialer Sinn*, vol. 3 (1), pp. 129–135.
- Meskwaki Nation. Available at: <https://www.meskwaki.org/> (Accessed 4 October 2022).
- Mikhaylova A.A., Hvalev D.V., Mikhaylov A.S. (2022) Geoinformacionnaya ocenka interesa internet-pol'zovatelej pri granichnogo regiona k transgranichnoj mobil'nosti [Geoinformational assessment of the interest of internet users in the border region to cross-border mobility]. In: *InterCarto. InterGIS. Geoinformacionnoe obespechenie ustojchivogo razvitiya territorij* [InterCarto. InterGIS. GI support of sustainable development of territories]. Moscow: izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. no 2 (28), pp. 146–159. doi: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-146-159
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. (2016) *How the World Changed Social Media*. London: UCL Press.
- Nacional'nyj atlas Rossii. T. 3. Naselenie. *Ekonomika* (The National Atlas of Russia. Volume 3 “Population. Economy”) Moscow: Mintrans RF, Roskartografiya, 2008.
- Nen'ko A.E., Kurilova M.A., Podkoritova M.I. (2020) Analiz emocionalnogo vospriyatiya territorii i razvitiye «umnogo goroda» [Analysis of emotional perception of urban spaces and “smart city” development]. *International Journal of Open Information Technologies*. no. 8 (11), pp. 128–136.
- Onondaga Nation. Available at: <https://www.onondaganation.org/> (Accessed 11 October 2022).
- Paül i Agustí D. (2021) Mapping Gender in Tourist Behaviour Based on Instagram. *Journal of Outdoor Recreation and Tourism*, Vol. 35 (100381).
- Poster M. (1998) Virtual Ethnicity: Tribal Identity in an Age of Global Communications. *CyberSociety 2.0. Revisiting Computer-Mediated Communication and Community*. Thousand Oaks: Sage, pp. 184–211.
- Rutter J., Smith G.W.H. (2005) Ethnographic Presence in a Nebulous Setting. In: *Virtual methods: issues in social research on the Internet*. Oxford, New York: Berg, pp. 81–92.
- Williams D., Ducheneaut N., Xiong L., Zhang Y., Yee N., Nickell E. (2006) From tree house to barracks: The social life of guilds in World of Warcraft. *Games and Culture*. Vol. 1 (4), pp. 338–361.
- Woodward D., Harley, J.B. (1987) *The History of Cartography, Volume 1: Cartography in Prehistoric, Ancient, and Medieval Europe and the Mediterranean*. Chicago: University of Chicago Press.

Сведения об авторах:

БЕЛОРУССОВА Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией музейных технологий, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: svetlana-90@yandex.ru

СЮЗИУМОВ Арсений Алексеевич – младший научный сотрудник лаборатории музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: a.a.siuziyomov@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Svetlana Yu. Belorussova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana-90@yandex.ru
Arsenii A. Siuzyumov, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: a.a.siuzyumov@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 22 апреля 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 22.04.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

MISCELLANEA

Original article

UDC 327

doi: 10.17223/2312461X/44/6

Human Capital Development in a Long-Term Governmental Planning: OECD Case-Study

Vladimir V. Pavlov¹,
Ekaterina Y. Arapova²

^{1, 2} MGIMO-University, Moscow, Russian Federation

¹ Pavlov_V@mgimo.ru

² arapova_katrin@mail.ru

Abstract. The notion and theory of human capital has been in development for scores of decades if not centuries. Today, conventional wisdom holds that human capital serves as a driver for growth and human resources development and should serve as one of the top priorities for national governments striving for economic growth and development. This paper adds to the academic discussion on a subject concerned by providing a case-study of Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) strategic planning documents. We present an analysis of the latest studies and official reports on the matter concerned, adopted by OECD in the period between its 50th and 60th anniversary (2010–2021). We later study national strategies and policy plans delivered during this period of time by the national governments of OECD member-states on the subjects of national security, healthcare, education, and socio-economic development. (For the instruments available in English we also use special IP for machine semantic analysis). We later compare OECD findings and recommendations to actual policies adopted by member-states hereinunder. We find that the governments concerned underscore the necessity of human capital development (including a number of issues connected thereto in OECD findings), but they do not necessarily do it in the manner suggested by OECD. We do not manage to identify the existence of viable inter-institutional networks for human capital planning hereinunder, while we also show a relatively low level of homogeneity between the member-states in terms of their approaches towards human capital development.

Keywords: OECD, human capital, human resources development, strategic planning, machine analysis, semantic analysis

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

For citation: Pavlov, V.V. & Arapova, E.Y. (2024) Human Capital Development in a Long-Term Governmental Planning: OECD Case-Study. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 120–143. doi: 10.17223/2312461X/44/6

Научная статья

doi: 10.17223/2312461X/44/6

Развитие человеческого капитала в стратегическом государственном планировании: исследование ОЭСР

Владимир Владимирович Павлов¹,
Екатерина Яковлевна Арапова²

^{1, 2} МГИМО МИД России, Москва, Россия

¹ Pavlov_V@mgimo.ru

² arapova_katrin@mail.ru

Аннотация. Понятие и теория исследования проблематики человеческого капитала разрабатывались на протяжении длительного времени. Сегодня общепринятое мнение гласит, что человеческий капитал служит движущей силой роста, а развитие человеческих ресурсов должно составлять один из главных приоритетов национальных правительств, которые стремятся к такому росту. Данная статья дополняет академическую дискуссию по рассматриваемой теме, представляя исследование документов стратегического планирования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В статье представлен анализ последних исследований и официальных отчетов, принятых ОЭСР в период между ее 50-ти и 60-летием (2010–2021 гг.). Далее авторы проводят анализ национальных стратегий и планов, разработанных в обозначенный период правительствами государств-членов ОЭСР, по вопросам национальной безопасности, здравоохранения, образования и социально-экономического развития (для инструментов, доступных на английском языке, также используется специальное программное обеспечение для машинного семантического анализа). Далее авторы производят сопоставление выводов и рекомендаций ОЭСР с фактической практикой, принятой государствами-членами. Установлено, что правительства подчеркивают необходимость развития человеческого капитала (включая ряд связанных с этим выводов ОЭСР), но не обязательно делают это так, как рекомендуется ОЭСР. Авторам также не удалось выявить существование полноценных межинституциональных сетей планирования в сфере человеческого капитала; в то же время обозначился относительно низкий уровень гомогенности между государствами-членами в вопросе подходов к развитию человеческого капитала в разных государствах – участниках Организации.

Ключевые слова: ОЭСР, человеческий капитал, развитие человеческих ресурсов, стратегическое планирование, машинный анализ, семантический анализ.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.).

Для цитирования: Pavlov V.V., Arapova E.Y. Human Capital Development in a Long-Term Governmental Planning: OECD Case-Study // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 120–143. doi: 10.17223/2312461X/44/6

Introduction

Analyzing individual's 'position' in the system of social and economic relations dates back to the Orient and Eastern civilizations, Ancient Greece and Rome, with first modern theories of what can be regarded as the studies on human capital going back to late 17th century and can be found in the works

of such prominent researches as Sir William Petty (1623-1687), Adam Smith (1723-1790), and David Ricardo (1772-1823) to name a few. Objective developments and contemporary theories of human capital, including by such prominent theorists and practitioners like Theodore W. Schultz and Gary S. Becker¹, cemented the issue into both scholarly research and public policy practices. Numerous international institutions and think-tanks today provide corresponding reports and indices on the matter concerned also accounted by national governments. For the latter conventional wisdom holds that human capital serves as a driver of overall growth resulting in citizens wellbeing.

But how do governments articulate their approaches and strategies to human resources development? How do they define their goals and what notions do they use? Are there any patterns and homogeneity thereto in the cases of institutionalized cooperation of states? This paper aims at giving answers to these questions by studying the example of Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD), first, by analyzing its latest studies and official reports on the subject-matter concerned; and second, by scrutinizing respective national governments strategies and development plans and later comparing results attained. Thus, this paper will add additional knowledge to the academic debate on human capital development and public policy strategic planning in the sphere.

State and Human Capital in Academic Community Research

When analyzing contemporary literature devoted to the studies of human capital and state politics connected thereto (also with the emphasis on OECD case-studies), we can distinguish a number of ‘priority’ areas of research.

The larger number of writings are associated with human capital evaluation and overall growth measurement (Eicher et al. 2009; Schwerdt, Turunen 2009; Kottaridi, Stengos 2010; Sakalas, Liepe 2013; Giménez, López-Pueyo, Sanaú-Villarroya 2015; Balcerzak 2016) and cross-country and regional studies in human capital development (Harris 1996; Lim 2003; Dakhli, De Clercq 2004; Oketch 2006; Ahmed, Krishnasamy 2013; Lim et al. 2018; De Neve, Harttgen, Verguet 2020; Fang, Yu 2020; Sadeghi et al. 2020). What is important though is the fact that the majority of these academic papers focus foremost on quantitative evaluation and measurement of different indices and aggregate human capital inputs and its quality across states or regions. Government planning and programs are mostly mentioned here as a starting point, as idle political wisdom holds that knowledge-based economy serves as a prerequisite for economic growth and competitiveness and thus must be supported by the state. This in turn serves as a ground for farther topically nuanced research on interconnections between human capital and innovation

¹ See, e.g., Schultz 1960 and 1961, Becker 1962.

performance and digital economy (Boucekkine, Crifo 2008; Pater, Lewandowska 2015; Suseno et al. 2020; Švarc, Lažnjak, Dabić 2020; Grigorescu et al. 2021), sustainable development and smart growth (Sabadie 2014; Skrodzka 2018; Sineviciene et al. 2020), etc.

The majority of researches further develop this larger field by focusing on particular aspects thereof, namely a connection between human capital accumulation and economic growth and financial development (Middendorf 2006; Vinod, Kaushik 2007; Teixeira, Queirós 2016; Lindley, McIntosh 2017; Zaidi et al. 2019; Ogbeifun, Shobande 2021); fiscal expenditures on human capital (Kiss 2018); human capital as a mediating factor between entrepreneurship and economic growth (Rodrigues, Teixeira 2020), human capital influence on inflation dynamics (Geronikolaou, Spyromitros, Tsintzos 2020); effects of education policies and investments on human capital, including per capita income (Wolf, Zohlnhöfer 2009; Gillies 2011; Cappellari et al. 2017; Égert, Botev, Turner 2020); health and human capital (Chang, Ying 2006; Madsen 2016; Railaite, Ciutiene 2020; Yang 2020), etc. These studies point to a “significant impact of human capital on growth” (Bassanini, Scarpetta 2002) and a two-prong connection between education (human capital) and economic growth in developed economies, including OECD (Bayraktar-Saglam 2016). A number of studies (Cornali 2017; Naval, Silva, Vázquez-Grenno 2020; Agasisti, Johnes, Paccagnella 2021; Angrist et al. 2021) also use international institution metrics (e.g., OECD Survey of Adult Skills) as a starting point and basis for the research.

It is also worth mentioning that more recent studies tend to focus on a more specific agenda reflecting current developments in communities and public policy. These include, but are not limited to, association between gender gap/overall inclusion and economic progress (Pasternak-Malicka, Migala-Warchol 2018; Suci, Noja, Cristea 2020; Ghosh, Ramanayake 2021); human capital and migration, including immigrant societies (Orefice 2010; Beenstock, Ramos, Suriñach 2015; Gvozdeva et al. 2017; Demireva, Fellini 2018; Skoglund, Bretthauer 2019; Akhvlediani, Ciešlik 2020; Janicki, Ledwith 2021); dependence between human capital development and fossil sources energy/renewables consumption, energy consumption, CO₂ emission, etc. (Yao et al. 2019; Alvarado et al. 2021; Çakar et al. 2021; Khan 2021; Sohag, Chukavina, Samargandi 2021).

Academic (sic.!) writings with overall explicit focus on state strategies of human capital development are still being developed, but a number of valuable conclusions should be noted at this point. The “*systemic* development of human resources” (authors’ emphasis) has been among the priorities of governments of (foremost) developed states for quite a number of years (Naydenov 2019), while human capital potential can fully be unlocked with introduction of appropriate “social environment and conditions” (Benko 2021). It is argued that career guidance policy process should form a feeling

of self-management responsibility supported by government practices and normative processes (Bengtsson 2011), while formation of a system of interconnections between foreign direct investments, human capital strategies and state institutions provide for better FDI and human resources inflows (Dutta, Osei-Yeboah 2013). Perfection of education systems and utilization of related policies eventually lead to increase in human capital and national security (Strandell 2013; Diene, Diene, Azomahou 2016; Bar-El, Pecht, Tishler 2018), and the quality of public service (including leadership development and those dealing with security and defence issues) and overall security capabilities are in function of the quality of human capital (Holmes 2012; Pecht, Tishler 2017). Appropriate utilization of working hours and proper domestic investments are also recommended (Tahir et al. 2020). Human capital development strategies show a “positive effects on agency performance” (Wesemann 2021) making human capital accumulation and coherent corporate strategies a valuable addition to governmental strategies (Grosu, Mardiros, Dicu 2011; Galabova, McKie 2013; Bondarenko 2015; Levenson, Fink 2017; Veltri, Silvestri 2017; Rosińska-Bukowska 2019; Park et al. 2021). In other words, overall national grows and development depend on and proceed from a systemic strategic planning implying a direct path dependency (Auzan 2016).

Taking the above-mentioned into account, we would like to focus on a combination of cross-country studies with a research of nation-wide human capital development planning, thus adding additional value to the debates in this subject-area.

Methodology

Our study looks into the period of 2010-2021 when OECD celebrated its 50th and 60th anniversary respectively, presenting a number of documents related to the issue of human capital development. Hence, we begin our study by presenting OECD approaches to the notion of human capital and official recommendations for member-states governments introduced by the Organisation thereto. We later analyze the provisions of related top-level strategic planning documents of all 38 member-states mainly being the result of executive authorities' planning; they form the basis for official long-term planning of any country with all government and institutional activities being subordinate thereto. Thus, to qualify for this research, the instrument (1) should be officially adopted and acting as of the end of 2021 (for this purpose we excluded statements of intentions, speeches and declarations, etc., and instruments that lost their force between 2010 and 2021) and (2) should represent the results of executive branch activities (no bills passed into laws or judiciary branch rulings were included). The authors' final research base comprised of 135 official documents. For the purpose of this research, we

distinguish tier-1 and tier-2 top-level instruments, with tier-1 uniting all National Security Strategies (or equivalents thereof) serving as a main starting ground of political planning in any state; and tier-2 representing institutional level of planning for education, health and overall wellbeing (i.e., socio-economic development, sustainable development, digitalization for development purposes, etc.) in accordance with overall OECD approach (see below). As a page-count is vast, and to provide for a less judgmental results interpretation for a bigger group of states, for support of the research in the segment of instruments presented in English (for 31 states; documents for remaining 7 states are analyzed in their original language manually), we will be using Voyant Tools¹, an open-source application² for performing text analysis originally developed by researches with McGill and University of Alberta on the basis of software including HyperPo, Taporware, and TACT. The software shall allow for identifying most commonly used words, visualizing logical connections between ‘primary’ and ‘subordinate’ words and phrases, and representing the text semantics in a form of graphs.

The texts will be first divided into four semantic areas mentioned above and analyzed as a corpus. We also account for words and phrases that are directly related to the topic of human capital (i.e., education, health, skills, wellbeing, human development, human resources, etc.) in order to identify their frequency (words per corpus, hereinafter wpc; and words per page, hereinafter wpp) relative to other words and phrases to make conclusions on priorities of member-states. A particular word or phrase will be semantically significant if it is repeated on a regular basis in relation to the top most frequent words. It should also be noted thereto that the number of documents in each corpus and their subject-areas are a derivative of peculiarities of political planning and functioning of an executive branch in each individual state and the areas and issues that each individual government prioritizes in a particular moment.

Then the instruments in English will be divided in accordance with their country of origin and analyzed in order to compare separate national planning with OECD findings and recommendations. At this stage the analysis will also include our findings from the analysis of the corpus of the seven remaining member-states presenting their strategies in the national languages.

We then provide the results of this analysis with the emphasis on declared government priorities, emergence of viable inter-governmental systems for human capital development, and the level of homogeneity across member-states on the matter concerned – all in light of OECD recommendations.

¹ See Voyant Tools. <https://voyant-tools.org/>.

² “About. Voyant Tools Help,” Voyant Tools, accessed September 2, 2021, <https://voyant-tools.org/docs/#!/guide/about>.

OECD and Human Capital Development Theory: Constructing the Iron Cage

To define the notion of ‘human development’ OECD uses¹ a definition provided by the Glossary of Environment Statistics under the United Nations where human development is understood in ‘value terms’ as “the process of enlarging people’s choices” thus emphasizing the categories of freedom and self-development. The three main/ basic choices thereto are (1) healthy life, (2) education in a broader sense (i.e., knowledge) and (3) an ability to access resources for “a decent standard of living.” Thus, everything comes to wellbeing of an individual. These basic choices are further elaborated into the categories of freedom, human rights and creativity as “additional choices” of interest for many people.

According to OECD Secretary-General Angel Gurría², OECD is “to help member and partner country’s governments to formulate and implement better policies for better lives.” An official report titled *Better policies for better lives. The OECD at 50 and beyond*, presented in celebration of Organization’s 50th anniversary, clearly states the goal of evolving states’ policies to achieve ‘lifelong employability and lifelong learning’ for the citizens (p. 21), while developing of human capital can bring about a “greater prosperity and social inclusion” (p. 25). Presented in the aftermath of the 2008 global financial crisis, it enumerates unemployment (including among the young people) as one of the key problems for the majority of advanced economies (p. 16); it also points out to growing pressure of the population aging on public budgets (p. 17). In line with the abovementioned definition’s basic choices, the authors of the report believe that, first of all, investment in training personnel – especially those with low to none skills – is in high demand (p. 20). According to OECD, higher scores and levels of education lead to higher per capita income and productivity, better health and more active civic participation (p. 25). In medicine, to control expenditures whilst providing the treatment needed – being the main challenge to the healthcare systems according to OECD, – the states should invest more in preventive medicine and public health campaigns and introduce results-based financing for healthcare providers (p. 28). Overall human capital development also requires a better work/ life balance, appropriate child facilities for women to pursue their carriers and a smart use of technology (p. 20-21).

¹ “Human Development,” Glossary of Statistical Terms, OECD, accessed May 1, 2021, <https://stats.oecd.org/glossary/detail.asp?ID=1265>.

² “Better policies for better lives. The OECD at 50 and beyond,” OECD, accessed May 1, 2021, <https://www.oecd.org/about/47747755.pdf>.

In its subsequent anniversary report¹ of 2020, the key issue is “supporting inclusive, sustainable growth that delivers greater well-being” (p. 8). Interestingly, the overall emphasis of this report was transferred on the category of wellbeing with the notion appearing 15 times in 32-pages-long text, with ‘human development’ or ‘human capital’ terms being notoriously absent. Nevertheless, last decade OECD has launched a Center for Skills² and strengthened the Programme for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC)³ to concentrate on better skills policies and to measure key skills needed today.

In 2015, OECD introduced its updated *Policy Framework for Investment* report⁴ with a chapter being devoted to human resources development (HRD). Although the report itself is first and foremost aimed at facilitating private investments for economic growth, it provides valuable insights into OECD approaches towards the subject concerned. Human resources development is positioned as one of the key elements in “enabling environment for investment and economic development”; respective policies “should be a part of a coherent and comprehensive framework in line with the country’s development and investment strategies” (p. 83). These policies cannot exist separately as basic education, vocational training, population health and labor policies and standards are closely interconnected, while policy-makers should periodically engage with respective stakeholders to review existing policies to provide for “flexibility and adaptability of the overall HRD framework” (p. 85). It is recommended that the governments put forward strategies to increase participation in basic schooling; encourage life-long learning; promote training programs; support an appropriate health system; sustain adequate labor policies; create adaptable workforce, etc. (p. 85-86) Yet again, HRD policies are to be ‘coherent and comprehensive’ and in line with overall development strategy. At the same time, the recent *2019 OECD Skills Outlook* report⁵ concentrates on the issue of digitalization and digital change as primary factors of HRD, recommending the governments to formulate policies allowing the population to benefit from technological developments as much

¹ “The OECD at 60. 60 Years of Consensus Building,” OECD, accessed May 1, 2021, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/afb7f6a8-en.pdf?expires=1619872700&id=id&accname=guest&checksum=1E1104E55134E535564E35FF46764178>.

² “Centre for Skills,” OECD, accessed May 1, 2021, <https://www.oecd.org/skills/centre-for-skills/>.

³ “OECD Skills Surveys,” OECD, accessed May 1, 2021, <https://www.oecd.org/skills/piaac/>.

⁴ “Policy Framework for Investment. 2015 edition,” OECD, accessed May 2, 2021, <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/9789264208667-en.pdf?expires=1619950282&id=id&accname=guest&checksum=4A8B6E45E0EF7D18B25EC6E46DDB0EF1>.

⁵ “OECD Skills Outlook 2019. Thriving in a Digital World,” OECD, accessed May 3, 2021, <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/df80bc12-en/index.html?itemId=/content/publication/df80bc12-en>.

as possible while also bridging possible gaps digitalization can widen (p. 3); policies on education, labor, taxes, housing, social protection, overall development and R&D must be intertwined. The key skills for individuals in this new reality are cognitive, socio-emotional and ICT, yet again requiring lifelong learning.

Human Capital and National Strategies: Where Do We Really Stand?

I. The issue of human capital development and support appears in various strategic documents adopted by the OECD member-states. All these documents, as we have mentioned above, can be divided into four larger groups: National Security Strategies, education strategies, healthcare strategies and instruments dedicated to the overall wellbeing/socio-economic development. The last group is the most 'diverse' as it includes a variety of instruments related to national development, economic growth, progress, sustainable development, digital, etc. Genuine success in these areas is hardly achievable without prior investment in human capital development, hence national governments inevitably cover this topic and attach a degree of an importance to it. Healthcare strategies appear as general and subject-specific documents (cancer, HIV, prevention of suicide, antibiotics, mental health, etc.) depending upon a country. As a general rule, national strategies dealing with education, research, innovation, economic growth and development are adopted for a period of some five years, subject to a review and prolongation.

In addition to commonly adopted strategies (education, healthcare, research and innovation, economic growth, etc.) EU member-states also draft special policy documents, namely the National Reform Programs and Stability Programs (for euro area countries), Convergence Programs (for non-euro area countries) to give an overview of economic development, financial sector developments, economic and budgetary challenges and goals, etc. The National Reform Programs aim to provide comprehensive information on various ongoing challenges, ways to overcome them and national plans to implement the EU country-specific recommendations. The National Reform Programs focus on different aspects of development with special attention being paid to education, science and research, social affairs and healthcare.

National strategies comprise elaborated comprehensive approaches to ensure a thriving economy and decent standards of living for all (usually) by, *inter alia*, concentrating on training, employment opportunities, quality of life, accessibility of healthcare, etc. Although national goals are alike and development of human resources remains a matter of great focus, a general review of national strategies of the OECD member-states, at first sight, reveals imbalances in approaches and elaboration of the human capital concept. For instance, a comparison of similar development strategies up to 2030 of two (relatively comparable) EU and OECD member-states, Latvia and Slovenia,

shows that Latvia elaborates much on the long-term investments in its labor force and makes it one of the seven main areas of development¹; while Slovenia highlights the importance of a healthy lifestyle, knowledge and skills for a high quality of life and work but does not consider human capital as a separate category².

A review of national strategies also shows instances of a low number of usages of the word collocation 'human capital', even in the sections specifically dealing with this field (e.g., the Strategy of the Ministry of Education of Finland as of 2015³, Switzerland's International Strategy on Education, Research and Innovation as of 2018⁴ do not include such word collocation). Some OECD member-states, e.g., Austria, Denmark, and France, are somewhat lacking this collocation in national strategies, while it is widely used in documents of Costa Rica, Finland, Japan, New Zealand, etc.

II. To provide for measurable results thereto, we started our analysis⁵ with the documents related to national security strategic planning. Our corpus in English incorporated 25 files. Here, it should be additionally noted that some states (e.g., Israel) do not have a tradition of drafting codified documents thereto, while some other governments (e.g., that of Belgium) tend to focus on the issues of defence and military which obviously shifts the overall emphasis of the document adopted by the executive branch. Our machine analysis provided the following most frequent words in the 'national security corpus': security (5,424 wpc); national (3,703 wpc); defence (2,818 wpc); international (1,688 wps); and development (1,557 wpc). The principal semantic connections proceeded from the words: defence, security, and national with the main subordinate words being: planning, strategy, framework, policy, and capabilities (see Fig. 1). In other words, in this basic area of national planning the governments speak of grand politics and basic national security needs and interests, their security and defence strategies and capabilities. Without any doubt we do find this logic coherent and grounded in national security realities. Still, our findings hereinunder show that national

¹ "Sustainable development strategy of Latvia until 2030," Cross-Sectoral Coordination Centre. Republic of Latvia, accessed February 13, 2022, https://www.pkc.gov.lv/sites/default/files/inline-files/LIAS_2030_en_1.pdf.

² "Slovenian Development Strategy 2030," Republika Slovenija, accessed February 13, 2022, <https://www.gov.si/assets/vladne-sluzbe/SVRK/Strategija-razvoja-Slovenije-2030/Slovenian-Development-Strategy-2030.pdf>.

³ "Ministry of Education Strategy 2015," UNESCO, accessed February 13, 2022, <https://uil.unesco.org/i/doc/lifelong-learning/policies/finland-ministry-of-education-strategy-2015.pdf>.

⁴ "Switzerland's International Strategy on Education, Research and Innovation 2018," The State Secretariat for Education, Research and Innovation, accessed February 13, 2022, <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/services/publications/data-base-publications/int-strategy-eri.html>.

⁵ Here, we will be speaking of instruments presented in English if another is not specified.

security planning does not primarily proceed and is not primarily focused on nation's human resources and its wellbeing; in other words, national security is a prerequisite and a provider for the latter. We conclude that as identified human capital related words: people (585 wpc), population (456 wpc), health (434 wpc), education (344 wpc), citizens (295 wpc), employment (283 wpc), appear on a frequency from 5.5 to 9.3 times lower if we compare the first and last most used words in each group respectively.

Figure 1. Visualization of most frequent words and principal semantic connections in the corpus of national security instruments

For the education corpus we collected official instruments being national education strategies, regular ministerial plans and officially adopted reviews incorporating strategic planning depending on the practice existing in each particular state. Here, the governments speak of: education per se (4,682 wpc), higher (2,327 wpc) education, research (1,459 wpc); institutions (1,324 wpc) connected thereto and students (1,206 wpc). An important connection to OECD findings and recommendations is a frequent use of the word 'digital' (1,100 wpc) which implies an importance of both the use of digital technologies in education and promotion of digital literacy among citizens. Of an equal importance and interest is the fact that the following words: opportunities (418 wpc), skills (400 wpc), and competences (296 wpc) are used in a comparatively rarer fashion, although OECD boldly speaks of the latter two being specifically important and serving as a prerequisite for the former. Still the most interesting finding that the word 'adult' (177 wpc) is mostly absent in the texts that provides for a conclusion that lifelong learning/continuous education is not among top-level issues hereinunder to differ from OECD recommendations. The governments rather tend to speak of (education and research) innovation and institutions and respective strategies and development (see Fig. 2).

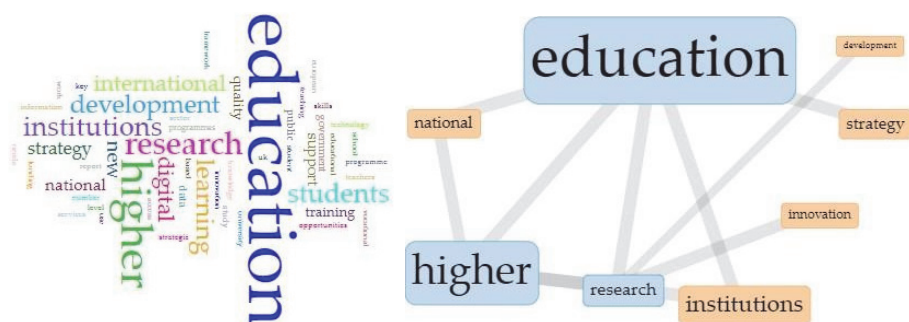

Figure 2. Visualization of most frequent words and principal semantic connections in the corpus of instruments on education

Apart from health itself as a priority and principal issue (3,940 wpc), the healthcare corpus (for visualization, see Fig. 3) is focused on respective services (950 wpc, second most used word) and care (650 wpc); also on access (343 wpc) thereto, although less frequently. Interestingly, healthcare quality (295 wpc) and wellbeing (173 wpc) as a derivative of the former are less pronounced. But two most interesting conclusions, if accounting for OECD's position, are that (1) prevention (343 wpc) as a priority is not on a top list; and (2) child-care and health is a rear topic in the corpus (the word 'children' is used only 142 times).

Figure 3. Visualization of most frequent words in the corpus of instruments on healthcare

Arguably another most interesting finding is that there is a growing number of governmental instruments regulating overlapping spheres of public administration which is accompanied by active introduction of strategies and

III. We shall now turn to the results of an analysis carried out for each separate national government case. After a machine analysis of each separate corpus of available documents in English for 31 member-states we have first looked at the most frequent human capital – related words identified in our study above. Interestingly enough the governments tend to speak of this issue in broader terms. The words ‘education’, ‘health’ and ‘people’ stand among most widely used terms – in some cases up to 1,387, 798 and 464 words per country corpus respectively, at times giving us more than 2 wpp as in the case of the world ‘health’ for Ireland. At the same time the overall word count of the most frequent words does not indicate that these larger areas are always specified in terms of priorities we have presented when discussing OECD legal framework and recommendations (e.g., women, children, prevention, continuous education, etc.). Still, two specific subject-areas stand out as the most pronounced, namely digitalization and sustainability. The use of the word ‘digital’ in some states’ corpora is impressive. For example, in the documents produced by the government of Spain it is used 495 times (2.73 wpp), for Denmark – 3.18 wpp, Slovak Republic – 3.69 wpp, with Belgium and Germany using it on every other page. The word ‘sustainability’ and its derivatives are also used in all program – examined corpora with its usage at times acceding 100 words per corpus (for Germany, Ireland, and Israel). This appears convincing as an average length of a corpus is 229.87 pages (almost one in two pages). But how do we exclude a *mauvais ton situation*, i.e., how do we define if these words are grounded in implementation; and if the governments do not address human capital in direct terms, how do they define this priority they all share? Here we should analyze the corpora for the most frequent words and their logical clusters (both in English and national languages).

When we look at Top-20 most-used words for corpora in English (those well exceeding 100 wpc and thus appearing on every page or once in two pages depending on a length of a particular corpus) and what is even more important – those logical connections a number of this words make and meanings these connections convey, and give a close read to the instruments in national languages, we can conclude that all governments primarily speak of supporting the progress made in nation-building and economy, or underscore an importance of achieving this progress through solving pressing issues. In other words, all governments speak of one particular issue, sometimes in direct terms, namely of development; and they address the issue of human capital through this main goal, with human capital category serving as both means and a result of country’s development. Thus, human capital is not necessarily always the cause, and wellbeing is not always the endgame. What is more important and interesting is the fact that development can be spoken of in multiple ways depending on the accents; but these accents can be

limited to a number of priority areas that allow us to divide all OECD member-states in particular groups (although indicative as with any systematization)¹.

The first group is represented by the state developmentalists. Those are usually² larger states with highly developed state institutes and/or stronger central power. These governments make visible emphasis on security, ministries, institutions and programs as a prerequisite for farther developments, including their citizens' wellbeing. Here we speak of: **the United States** (with prominent words among overall Top-20 being: national (292 wpc), department (190), management (188), federal (164)); **Canada** (Canada (864), national (314), security (271)); **Germany** (sustainable (1,722) development (1,737), federal (1,254) government (1,327), energy (653)); **Italy** (defence (369), development (257), military (227)); **Latvia** (development (783), society (302), energy (290), services (276), economic (265)); **Lithuania** (development (410), social (203), economic (186), sustainable (167), environment (147)); **Poland** (development (243), national (225), financial (192), energy (185)); **Portugal** (national (254), Portugal (181), security (175), strategic (138), defence (89)); **the United Kingdom** (innovation (887), international (710), government (641)) and **Israel** (development (489), national (482), program (405), government (395)). What is interesting here is that (1) the UK is the only country in the group speaking pronouncedly of innovation (2.65 wpp); (2) Canada builds its strategies around Sustainable Development Goals³ (170 wpc and 0.84 wpp); and (3) Israel is consistent in the issues connected to women (262 wpc, 0.61 wpp – one in two pages or above).

The second group is comprised of stable developmentalists. Strategic documents of these governments convey the feeling of important results achieved and target the issue of sustaining socio-economic situation they regard as positive. This group is formed by **Belgium** (support (869), capability (540), development (535), social (507)); **Finland** (preparedness (296), growth (259), development (212), supply (156)); **Luxembourg** (development (256), government (246), research (236), social (188), sustainable (173)); **Switzerland** (sustainable (435) development (410), confederation (191), data (187)); **Japan**; and **the Republic of Korea**. The latter' planning can be characterized by a straightforward system of priorities provided by a president who can occupy a position for only one five-years term. The example of the

¹ The names for the aforementioned groups are provided by the authors to better illustrate the conclusions achieved and do not vie for omnitude.

² But not necessarily; thus we also conclude that the size of the territory is not a primary, although an important, factor.

³ "Sustainable Development," Department of Economic and Social Affairs. United Nations, accessed July 3, 2022, <https://sdgs.un.org/goals>.

latest Plan¹ in the time period concerned provided by the president Moon Jae-in is especially remarkable in the context of this study as each government goal is accompanied by a ministry or a number of ministries names responsible for its implementation. The Plan and respective subordinate documents² prioritize inclusive economy, labor and healthcare; Internet of things and 5G; social guarantees and wellbeing for all (including housing, all levels of education and discrimination elimination). What is also highly important (and distinguishing) in the context of this study is that this group shows a more active usage of words that convey the spirit of approaches specified by OECD we have analyzed above (i.e., capability, preparedness, research, data etc.).

Members of the third group are active developmentalists, the states that are aiming for additional economic progress or growth or overcoming a number of ‘shocks’ experienced by their economies or financial sector. These include **Greece** (development (321), growth (307), national (278), social (215), management (137), economy (132)); **Spain** (security (482), national (360), infrastructure (118), sector (118)); and **Turkey**. The latter (judging by the available instruments – for at least some 10 years with correspondent reviews) sets forward a number of goals³, including “high and sustainable economic growth” (\$2 trillion in GDP, 5% unemployment and single-digit inflation rate) through labor market reforms, quality of institutions, ICT, and inclusive and continuous education⁴; some issues, like elderly support (both due to economic demands and national traditions) and national emergencies (wildfires, etc.), still require further state attention.

The fourth group is made of R&D developmentalists, the states with the most pronounced accent on one specific OECD focus area relating to human capital, namely research and innovation. These include **Austria** (research (207), reform (134), digital (116)); **Czech Republic** (development (488), innovation (206), research (191), sustainable (190)); **Denmark** (digital (627),

¹ “국민의 나라 — 정의로운 대한민국: 문재인 정부 국정운영 5개년 계획. 대한민국 정책브리핑 (The Country of Citizens – A Just Republic of Korea: Moon Jae-in Government’s 5-Year Public Policy Plan),” Republic of Korea Government, accessed July 3, 2022, <https://www.korea.kr/archive/expDocView.do?docId=37595>.

² See e.g., “보건복지부 2021년업무계획, 보건복지부 (The main working plan of the Ministry of Health and Welfare for 2021),” Ministry of Health and Welfare, accessed July 3, 2022, http://www.mohw.go.kr/react/policy/policy_bunissPlan_ls.jsp?PAR_MENU_ID=06&MENU_ID=0650; “2021년 업무계획. 교육부 (Working Plan for 2021. Ministry of Education),” Ministry of Education, July 3, 2022, <https://www.moe.go.kr/sub/info.do?m=680000&page=680000&num=02&s=moe>.

³ “Eleventh Development Plan (2019-2023),” Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı, accessed July 3, 2022, https://www.sbb.gov.tr/wp-content/uploads/2021/12/Eleventh_Development_Plan_2019-2023.pdf.

⁴ “2023 Eğitim Vizyonu (Education Vision 2023),” Ministry of National Education, accessed July 3, 2022, https://2023vizyonu.meb.gov.tr/doc/2023_VIZYON_ENG.pdf.

data (364), companies (333), growth (204)); **Estonia** (development (544), research (276), knowledge (171)); **France** (research (281), innovation (131), development (94)); **Slovakia** (digital (632), research (630), innovation (331), data (206), technologies (198)); and **the Netherlands** (research (577), science (486), education (219), knowledge (217)).

The fifth group is formed by nuanced developmentalists, the states speaking of specific areas of development/ human capital important for their further success and the level of wellbeing achieved. These include **Australia** (mental (301), prevention (178), care (124)); **New Zealand** (services (190), students (124), response (102)); **Iceland** (services (449), science (183), local (156), responsible (142)); **Ireland** (higher (933), planning (734), environment (600), quality (591), local (499), wellbeing (477)); **Norway** (research (309), university (231), sustainable (221), environmental (217), climate (188)); and **Sweden** (innovation (369), society (189), businesses (142), knowledge (132)). What is important, a brief example of the most used words for the studied corpora shows the (relatively) closest connection to the OECD guidance in terms of nuance but still, interestingly, lacking a number of spheres in the corpora' top mentions.

The last group accounted for, group number six, is probably the most peculiar as it can be termed human capital advocates. The states comprising this group tend to speak of a number of issues directly related to human capital or use this collocation/ address social needs and human development among their top priorities. This group includes two EU member states – **Hungary** (digital (979), training (482), vocational (266), competences (224), teachers (217)) and **Slovenia** (education (920), higher (813), development (548), social (240) programmes (237)), – and four states from Latin America – **Chile**, **Columbia**, **Costa Rica**, and **Mexico**. The government of Chile concentrates¹ on economic problems as a prerequisite for any form of wellbeing and solving pressing social issues. Human capital development can only be achieved through continuous eradication of new forms of poverty; providing for early, school and especially engineering education; cooperation between educational institutions and business; and a support for the more vulnerable groups. Columbia prioritizes² the goal of allowing its citizens to “freely choose who they want to be and what to practice in their lives” (a remarkable alignment with a definition of the notion of human capital) through achieving higher income, better life conditions, law, inclusive labor, scaling pension system for a better coverage of those not included, eradicating barriers in education,

¹ See e.g., “+100 Propuestas para el Desarrollo Integral de Chile,” Informe - Acuerdo para el Desarrollo Integral, accessed July 3, 2022, <https://acuerdodesarrollointegral.hacienda.cl/>.

² “Bases del Plan Nacional de Desarrollo 2018-2022. Pacto por Colombia, pacto por la equidad,” Superintendencia de Industria y Comercio, accessed July 3, 2022, https://www.sic.gov.co/sites/default/files/documentos/122018/Bases_Plan_Nacional_de_Desarrollo_2018-2022.pdf.

healthcare and social support. Costa Rica government aims¹ to “ensure inclusive economic growth at national and regional levels, in harmony with environment, creating quality jobs, reducing poverty and inequality.” The recent Plan² of the government of Mexico, in resembling terms, reads that population’ wellbeing is achieved through “elimination of corruption, tax discipline, debt servicing, respect for decisions of the autonomous bodies of the Bank of Mexico, creating jobs, strengthening internal market, development of agriculture, research, science and education.” All studied texts abound with words: development, education, health, income, integral, investments, opportunities, social, sustainable, wellbeing, and human capital; while the governments speak of numerous targeted programs and cooperation of different agencies for achieving them (up to 684 programs and 103 responsible ministries and institutions in Chile for 2020 in accordance with a respective 2021 Report³).

Conclusions and Areas for Further Research

Our study aims at adding additional value to academic writings dedicated to the issue of human capital development in public policy planning. We commenced our study by indicating the overall importance attributed to the category of human capital both in theoretical studies and national governments and international organizations practices. OECD makes no exception. Our analysis of the key OECD instruments and reports presented between 2010 and 2021 indicated significance of the notion, while during this 11-years period the emphasis of a discussion switched from the category of human capital to the category of wellbeing also underscoring the necessity and challenges of digitalization and an importance of advanced planning and preparedness in the spheres like medicine, and life-long learning. Intergovernmental frameworks and feedback from representatives of business and civil society for correspondent reviews of the strategies were listed as a must.

As we have showed analyzing related instruments of all 38 OECD member-states (including with the help of machine analysis), the states do underscore the necessity of their citizens’ human capital development, but they do not necessarily do it in the manner suggested by OECD. Most of the

¹ “Plan Nacional de Desarrollo y de Inversión Pública 2019-2022,” Ministerio de Planificación Nacional y Política Económica, accesed July 3, 2022, https://documentos.mideplan.go.cr/share/s/ka113rCgRbC_BylVRHGgrA.

² “Plan Nacional de Desarrollo 2018-2022,” Diario Oficial de la Federación, accessed July 3, 2022, https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5565599&fecha=12/07/2019.

³ “El Informe de Desarrollo Social 2021,” Ministerio de Desarrollo Social y Familia, accessed July 3, 2022, <https://www.desarrollosocialyfamilia.gob.cl/storage/docs/ids/Informe-desarrollo-social-2021.pdf>.

governments avoid using the notion ‘human capital’ (those doing this ‘a lot’ usually have a long way to go in terms of providing for better life conditions for their citizens), while the word count and page-by-page analysis (where applicable) indicate that basic human capital – related spheres are rather presented in generic terms: prevention, quality, skills, life-long learning and the issues related to women and children do not form a central core in strategic planning, while human resources development and wellbeing is not always regarded as an asset but rather as a positive consequence of economic development and national security. Still, digitalization and sustainable development are the topics typical for the states concerned. The relatively vast amount of the instruments dedicated to overall wellbeing, when comparing to other spheres studied, proves that the governments understand the challenge and importance of interconnectivity in planning thereto, but we did not manage to identify the existence of viable inter-institutional networks for human capital planning hereinunder, or clearly stated priorities of forming them and stable feedback networks with the civil society. The Republic of Korea may serve as an exception which rather emanates from a national tradition; while the governments of the Latin America states, although putting forward a vast number of interagency programs, acknowledge their constraints and, at times, failures. Also, notwithstanding all the strategies convey the spirit of the importance of wellbeing, there is a relatively low level of homogeneity between the member-states in terms of their approaches towards human capital development which is evident in our clustering of the states in six distinct groups.

Considering all the challenges laying ahead with the national governments and available theoretical studies we could recommend to farther concentrate on the issues of intergovernmental networks in human capital development planning and execution, the problem of human capital – related rhetoric in strategic planning transforming into viable programs, and states performance and positions in related indices, including OECD Better Life Index¹.

References

- Agasisti T., Johnes G., Paccagnella M. (2021) Tasks, occupations and wages in OECD countries. *International Labour Review*, 160, no. 1: 85–112. <https://doi.org/10.1111/ilr.12169>.
- Ahmed E.M., Krishnasamy G. (2013) Human Capital Investment to Achieve Knowledge-Based Economy in ASEAN5: DEA Applications. *Journal of the Knowledge Economy*, 4, no. 4: 331–342. <https://doi.org/10.1007/s13132-011-0059-2>.
- Akhvlediani T., Cieřlik A. (2020) Human capital, technological progress and technology diffusion across Europe: education matters. *Empirica*, 47, no. 3: 475–493. <https://doi.org/10.1007/s10663-019-09468-z>.

¹ “OECD Better Life Index,” OECD, accessed July 9, 2022, <https://www.oecdbetterlifeindex.org/>.

- Alvarado R., Deng Q., Tillaguango B.S., Méndez P., Bravo D., Chamba J., Alvarado-Lopez M.R., Ahmad M. (2021) Do economic development and human capital decrease non-renewable energy consumption? Evidence for OECD countries. *Energy*, 215. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.119147>.
- Angrist N., Djankov S., Goldberg P.K., Patrinos H.A. (2021) Measuring human capital using global learning data. *Nature*, 592: 403–408. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03323-7>.
- Auzan A. (2016) Transition to new economic strategy based on the specific nature human capital in Russia. *Social Sciences*, 47, no. 2: 3–10. <https://doi.org/10.21557/SSC.46698024>.
- Balcerzak A.P. (2016) Multiple-criteria evaluation of quality of human capital in the European union countries. *Economics and Sociology*, 9, no. 2: 11–26. <https://doi.org/10.14254/2071-789X.2016/9-2/1>.
- Bar-El R., Pecht E., Tishler A. (2018) Human Capital and National Security. *Defence and Peace Economics*: 1–21. <https://doi.org/10.1080/10242694.2018.1485088>.
- Bassanini A., Scarpetta S. (2002) Does human capital matter for growth in OECD countries? A pooled mean-group approach. *Economics Letters*, 74, no. 3: 399–405. [https://doi.org/10.1016/S0165-1765\(01\)00569-9](https://doi.org/10.1016/S0165-1765(01)00569-9).
- Bayraktar-Sağlam B. (2016) The Stages of Human Capital and Economic Growth: Does the Direction of Causality Matter for the Rich and the Poor? *Social Indicators Research*, 127, no. 1: 243–302. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0963-0>.
- Becker G.S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, 70, no. 5: 9–49.
- Beenstock M., Ramos R., Suriñach J. (2015) Migration, human capital and social capital: Lessons for the EU neighbouring countries. *International Journal of Manpower*, 36, no. 4: 434–440. <https://doi.org/10.1108/IJM-01-2015-0001>.
- Benko N. (2021) Dominants of development and reproduction of human capital as a strategic component of change. *Baltic Journal of Economic Studies*, 7, no. 2: 28–36. <https://doi.org/10.30525/2256-0742/2021-7-2-28-36>.
- Bengtsson A. (2011) European Policy of Career Guidance: the interrelationship between career self-management and production of human capital in the knowledge economy. *Policy Futures in Education*, 9, no. 5: 616–627. <http://dx.doi.org/10.2304/pfie.2011.9.5.616>.
- Bondarenko N. (2015) The role of companies in human capital accumulation: A cross-country analysis. *Foresight Russia*, 9, no. 2: 22–37. <https://doi.org/10.17323/1995-459X.2015.2.22.37>.
- Boucekkine R., Crifo P. (2008) Human capital accumulation and the transition from specialization to multitasking. *Macroeconomic Dynamics*, 12, no. 3: 320–344. <https://doi.org/10.1017/S1365100507070162>.
- Çakar N.D., Gedikli A., Erdoğan S., Yıldırım D.Ç. (2021) Exploring the nexus between human capital and environmental degradation: The case of EU countries. *Journal of Environmental Management*, 295. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2021.113057>.
- Cappellari L., Castelnovo P., Checchi D., Leonardi M. (2017) Skilled or educated? Educational reforms, human capital, and earnings. *Research in Labor Economics*, 45: 173–197. <https://doi.org/10.1108/S0147-912120170000045005>.
- Cornali F. (2017) Measuring the intangibles: Testing the human capital theory against the OECD programme for the international assessment of adult competencies. *Studies in Classification, Data Analysis, and Knowledge Organization*, 2: 261–268. https://doi.org/10.1007/978-3-319-55477-8_24.
- Dakhli M., De Clercq D. (2004) Human capital, social capital, and innovation: A multi-country study. *Entrepreneurship and Regional Development*, 16, no. 2: 107–128. <https://doi.org/10.1080/08985620410001677835>.
- De Neve J.-W., Harttgen K., Verguet S. (2020) Nationally and regionally representative analysis of 1.65 million children aged under 5 years using a child-based human development index: A multi-country cross-sectional study. *PLoS Medicine*, 17, no. 3: 1–18. <https://doi.org/10.1371/JOURNAL.PMED.1003054>.

- Demireva N., Fellini I. (2018) Returns to human capital and the incorporation of highly-skilled workers in the public and private sector of major immigrant societies: An introduction. *Social Inclusion*, 6, no. 3: 1–5. <https://doi.org/10.17645/si.v6i3.1642>.
- Diene M., Diene B., Azomahou T.T. (2016) Human capital productivity, endogenous growth, and welfare: the role of uncertainty. *Macroeconomic Dynamics*, 20, no. 8: 2067–2092. <https://doi.org/10.1017/S1365100515000309>.
- Dutta N., Osei-Yeboah K. (2013) A new dimension to the relationship between foreign direct investment and human capital: the role of political and civil rights. *Journal of International Development*, 25: 160–179. <https://doi.org/10.1002/jid.1739>.
- Égert B., Botev J., Turner D. (2020) The contribution of human capital and its policies to per capita income in Europe and the OECD. *European Economic Review*, 129: 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103560>.
- Eicher Th., Ochel W., Röhn O., Rohwer A. (2009) Institutions and growth in OECD countries. *CESifo DICE Report*, 7, no. 2: 24–29.
- Fang Z., Yu J. (March 2020) The role of human capital in energy-growth nexus: an international evidence. *Empirical Economics*, 58, no. 3: 1225–1247. <https://doi.org/10.1007/s00181-018-1559-8>.
- Galabova L., McKie L. (2013) “The five fingers of my hand”: Human capital and well-being in SMEs. *Personnel Review*, 42, no. 6: 662–683. <https://doi.org/10.1108/PR-01-2012-0017>.
- Geronikolaou G., Spyromitros E., Tsintzos P. (2020) Progressive taxation and human capital as determinants of inflation persistence. *Economic Modelling*, 88: 82–97. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2019.09.011>.
- Ghosh T., Ramanayake S.S. (2021) The macroeconomics of gender equality. *International Journal of Finance and Economics*, 26, no. 2: 1955–1977. <https://doi.org/10.1002/ijfe.1888>.
- Gillies D. (2011) State education as high-yield investment: human capital theory in European policy discourse. *Journal of Pedagogy*, 2, no. 2: 224–245. <https://doi.org/10.2478/v10159-011-0011-3>.
- Giménez G., López-Pueyo C., Sanaú-Villarroya J. (2015) Human capital measurement in OECD countries and its relation to GDP growth and innovation. *Revista de Economía Mundial*, 39, no. A007: 77–108.
- Grigorescu A., Pelinescu E., Ion A.–E., Dutcas M.F. (2021) Human capital in digital economy: An empirical analysis of central and Eastern European countries from the European Union. *Sustainability (Switzerland)*, 13, no. 4: 1–21. <https://doi.org/10.3390/su13042020>.
- Grosu M., Mardiros D.N., Dicu R.M. (2011) Corporate social responsibility and its influence on human capital in the SMEs from EU's emerging economies. *Creating Global Competitive Economies: A 360-Degree Approach – Proceedings of the 17th International Business Information Management Association Conference, IBIMA*, 4: 1676–1686.
- Gvozdeva M., Kazak M., Lyubimov I., Nesterova K. (2017) Immigration, school system and human capital. *Ekonomicheskaya Politika*, 12, no. 1: 40–57. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-1-02>.
- Harris R.G. (1996) Human capital and measurable dynamic gains from economic integration: An application to the economic integration of North and South America. *Empirical Economics*, 21, no. 1: 45–75. <https://doi.org/10.1007/BF01205494>.
- Holmes M.H. (2012) Raising the Ranks of Public Sector Leaders: Results of a National Survey of Executive Masters of Public Administration Programs. *Public Personnel Management*, 41, no. 3: 449–463. <https://doi.org/10.1177/009102601204100304>.
- Janicki W., Ledwith V. (2021) Replacement migration on the edge of the European Union: Wasting human capital? *International Migration*. <https://doi.org/10.1111/imig.12888>.
- Khan Z., Ali S., Dong K., Li R.Y.M. (February 2021) How does fiscal decentralization affect CO₂ emissions? The roles of institutions and human capital. *Energy Economics*, 94. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2020.105060>.

- Kiss J.T. (2018) Examination of fiscal expenditures on education and research as human capital investments. *MATEC Web of Conferences*, 184, no. 04018: 1–4 <https://doi.org/10.1051/mateconf/201818404018>.
- Kottaridi C., Stengos T. (2010) Foreign direct investment, human capital and non-linearities in economic growth. *Journal of Macroeconomics*, 32, no. 3: 858–871. <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2010.01.004>.
- Levenson A., Fink A. (2017) Human capital analytics: too much data and analysis, not enough models and business insights. *Journal of Organizational Effectiveness*, 4, no. 2: 145–156. <https://doi.org/10.1108/JOEPP-03-2017-0029>.
- Lim G. (2003) What Causes the Difference of Human Capital across Countries? *International Area Review*, 6, no. 1: 115–134. <https://doi.org/10.1177/223386590300600108>.
- Lim S.S. et al. (2018) Measuring human capital: a systematic analysis of 195 countries and territories, 1990–2016. *Lancet*, 392, no. 10154: 1217–1234. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31941-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31941-X).
- Lindley J., McIntosh S. (2017) Finance Sector Wage Growth and the Role of Human Capital. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 79, no. 4: 570–591. <https://doi.org/10.1111/obes.12155>.
- Madsen J. (2016) Health, human capital formation and knowledge production: two centuries of international evidence. *Macroeconomic Dynamics*, 20, no. 4: 909–953. <https://doi.org/10.1017/S1365100514000650>.
- Middendorf T. (2006) Human capital and economic growth in OECD countries. *Jahrbucher für Nationalökonomie und Statistik*, 226, no. 6: 670–686. <https://doi.org/10.1515/jbnst-2006-0607>.
- Naval J., Silva J.I., Vázquez-Grenno J. (2020) Employment effects of on-the-job human capital acquisition. *Labour Economics*, 67. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2020.101937>.
- Naydenov K. (2019) Human resources development as a factor for regional development. *International Multidisciplinary Scientific GeoConference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*, 19 no. 5.4: 475–481. <https://doi.org/10.5593/sgem2019/5.4/S23.063>.
- Ogbeifun L., Shobande O. (2021) A reevaluation of human capital accumulation and economic growth in OECD. *Journal of Public Affairs*: 1–12. <https://doi.org/10.1002/pa.2602>.
- Oketch M. (2006) Determinants of human capital formation and economic growth of African countries. *Economics of Education Review*, 25, no. 5: 554–564. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2005.07.003>.
- Orefice G. (2010) Skilled migration and economic performances: Evidence from OECD countries. *Swiss Journal of Economics and Statistics*, 146, no. 4: 781–820. <https://doi.org/10.1007/BF03399337>.
- Park Hun, Jun-Hwan Park, Sujin Lee, and Hyuk Hahn (2021) A study on the impact of R&D intensity on business performance: Evidence from South Korea *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 7, no. 2: 1–12. <https://doi.org/10.3390/joitmc7020135>
- Pasternak-Malicka M., Migala-Warchol A. (2018) Women's professional activity as an element of human capital. *Problems and Perspectives in Management*, 16, no. 4: 375–383. [https://doi.org/10.21511/ppm.16\(4\).2018.31](https://doi.org/10.21511/ppm.16(4).2018.31).
- Pater R., Lewandowska A. (2015) Human capital and innovativeness of the European Union regions. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 28, no. 1: 31–51. <https://doi.org/10.1080/13511610.2014.962487>.
- Pecht E., Tishler A. (2017) Budget allocation, national security, military intelligence, and human capital: a dynamic model. *Defence and Peace Economics*, 28, no. 3: 367–399. <https://doi.org/10.1080/10242694.2015.1101885>.
- Railaite R., Ciutiene R. (2020) The impact of public health expenditure on health component of human capital. *Engineering Economics*, 31, no. 3: 371–379. <https://doi.org/10.5755/j01.ee.31.3.25158>.

- Rodrigues D., Castro Teixeira A.A. (2020) Opportunity and necessity entrepreneurship and economic growth: the moderating effect of human capital. *Journal of Developmental Entrepreneurship*, 25, no. 4. <https://doi.org/10.1142/S1084946720500259>.
- Rosińska-Bukowska M. (2019) Human Capital and Intellectual Capital in Modern International Business – Based on Studies of the Strategies of Transnational Corporations. *Comparative Economic Research*, 22, no. 2: 141–158. <https://doi.org/10.2478/cer-2019-0017>.
- Sabadie J.A. (2014) Technological innovation, human capital and social change for sustainability. Lessons learnt from the Industrial Technologies Theme of the EU's Research Framework Programme. *Science of the Total Environment*, 481, no. 1: 668–673. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2013.09.082>.
- Sadeghi P., Shahrestani H., Kiani K.H., Torabi T. (2020) Economic complexity, human capital, and FDI attraction: A cross country analysis. *International Economics*, 164: 168–182. <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.08.005>.
- Sakalas A., Liepe Ž. (2013) Human capital system evaluation in the context of the European union countries. *Engineering Economics*, 24, no. 3: 226–233. <https://doi.org/10.5755/j01.ee.24.3.2787>.
- Schwerdt G., Turunen M.J. (2009) Changes in human capital: Implications for productivity growth in the euro area. In: *Productivity Measurement and Analysis*, pp. 259–281. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/9789264044616-14-en>.
- Sineviciene L., Lakstutiene A., Ali A.I.Y., Matsenko O., Denysenko P., Kasyanenko V. (2020) Human capital development as a factor in achieving sustainable development and enterprise competitiveness. *International Journal of Global Environmental Issues*, 19, no. 1–3: 231–242. <https://doi.org/10.1504/IJGENVI.2020.114878>.
- Schultz T.W. (1960) Capital Formation by Education. *Journal of Political Economy*, 68, no. 6: 571–583.
- Schultz T.W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 51, no. 1: 1–17.
- Skoglund E., Bretthauer A. (2019) Starting early with language learning. Enhancing human capital and improving the integration of migrant families in the Danube region. Examples from Bavaria. *Sudosteuroopa*, 67, no. 2: 234–263. <https://doi.org/10.1515/soeu-2019-0016>.
- Skrodzka I. (2018) National intellectual capital and smart growth of EU countries. *Proceedings of the European Conference on Knowledge Management*, ECKM, 2: 802–810.
- Sohag K., Chukavina K., Samargandi N. (2021) Renewable energy and total factor productivity in OECD member countries. *Journal of Cleaner Production*, 296. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126499>.
- Strandell H. (2013) After-school Care as Investment in Human Capital – From Policy to Practices. *Children & Society*, 27: 270–281. <https://doi.org/10.1111/chso.12035>.
- Suciu M.-C., Noja G.G., Cristea M. (2020) Diversity, social inclusion and human capital development as fundamentals of financial performance and risk mitigation. *Amfiteatru Economic*, 22, no. 55: 742–757. <https://doi.org/10.24818/EA/2020/55/742>.
- Suseno Y., Standing C., Kiani-Mavi R., Jackson P. (2020) National innovation performance: the role of human capital and social capital. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 33, no. 3: 296–310. <https://doi.org/10.1080/13511610.2018.1536536>.
- Švarc J., Lažnjak J., Dabić M. (2020) The role of national intellectual capital in the digital transformation of EU countries. Another digital divide? *Journal of Intellectual Capital*, 22, no. 4: 768–791. <https://doi.org/10.1108/JIC-02-2020-0024>.
- Tahir M., Hayat A., Rashid K., Afridi A. (2020) Human capital and economic growth in OECD countries: some new insights. *Journal of Economic and Administrative Sciences*, 36, no. 4: 367–380. <https://doi.org/10.1108/JEAS-07-2019-0073>.
- Teixeira A.A.C., Queirós A.S.S. (2016) Economic growth, human capital and structural change: A dynamic panel data analysis. *Research Policy*, 45, no. 8: 1636–1648. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2016.04.006>.

- Veltri S., Silvestri A. (2017) Investing in human capital: An analysis of the mismatch between theoretical claim and managerial behaviour. *International Journal of Knowledge-Based Development*, 8, no. 1: 5–23. <https://doi.org/10.1504/IJKBD.2017.082432>.
- Vinod H.D., Kaushik S.K. (2007) Human Capital and Economic Growth: Evidence from Developing Countries. *American Economist*, 51, no. 1: 29–39. <https://doi.org/10.1177/056943450705100103>.
- Wesemann A. (2021) The Performance Rewards of Human Capital Development in the Federal Government. *Public Personnel Management*. <https://doi.org/10.1177/00910260211039876>.
- Wolf F., Zohlnhöfer R. (2009) Investing in human capital? The determinants of private education expenditure in 26 OECD countries. *Journal of European Social Policy*, 19, no. 3: 230–244. <https://doi.org/10.1177/0958928709104738>.
- Yang X. (2020) Health expenditure, human capital, and economic growth: an empirical study of developing countries. *International Journal of Health Economics and Management*, 20, no. 2: 163–176. <https://doi.org/10.1007/s10754-019-09275-w>.
- Yao Y., Ivanovski K., Inekwe J., Smyth R. (2019) Human capital and energy consumption: Evidence from OECD countries. *Energy Economics*, 84: 1–14. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2019.104534>.
- Zaidi H., Wei Z., Gedikli A., Zafar M.W., Hou F., Iftikhar Y. (2019) The impact of globalization, natural resources abundance, and human capital on financial development: Evidence from thirty-one OECD countries. *Resources Policy*, 64: 1–9. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2019.101476>.

Information about the authors:

Vladimir V. Pavlov, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: Pavlov_V@mgimo.ru

Ekaterina Y. Arapova, MGIMO-University (Moscow, Russian Federation). E-mail: arapova_katrin@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

ПАВЛОВ Владимир Владимирович – кандидат политических наук, заместитель декана Факультета МО по учебной работе; научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: Pavlov_V@mgimo.ru

АРАПОВА Екатерина Яковлевна – кандидат экономических наук, заместитель декана Факультета МО по научной работе и международному сотрудничеству; директор Центра экспертизы санкционной политики, ведущий научный сотрудник ИМИ МГИМО МИД России (Москва, Россия). E-mail: arapova_katrin@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 25.11.2022;
accepted for publication 01.05.2024.*

*Статья поступила в редакцию 11 ноября 2022 г.;
принята к публикации 1 мая 2024 г.*

Научная статья
УДК 613.87
doi: 10.17223/2312461X/44/7

Эмпатия: динамика поведения на фоне глобального стресса пандемии COVID-19 в России

Валентина Николаевна Буркова¹,
Марина Львовна Бутовская²,
Алексей Михайлович Ермаков³,
Азат Булатович Галимханов⁴,
Алексей Валерьевич Емельянов⁵,
Раушания Ильшатовна Зинурова⁶,
Ольга Вячеславовна Калиниченко⁷,
Наталья Викторовна Рымаренко⁸,
Николай Юрьевич Симаков⁹,
Виктория Ивановна Сподина¹⁰

^{1, 2} Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

³ Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

⁴ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

⁵ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

⁶ Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, Россия

⁷ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

⁸ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия

⁹ Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Россия

¹⁰ Обско-Угорский институт прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры,
Ханты-Мансийск, Россия

¹ burkovav@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – анализ динамики эмпатического поведения, измеряемого с помощью Межличностного индекса реактивности, в России во время трех волн пандемии COVID-19; исследование взаимосвязей между эмпатией, тревожностью и агрессией во время пандемии. Исследование поведения человека во время пандемии способствует пониманию лучших путей адаптации в ситуации глобального стресса. Эмпатия может вызывать как позитивные (развитие взаимопомощи и кооперации во время COVID-19), так и негативные последствия (фактор риска развития депрессии и повышения тревоги) для психического здоровья. В работе изучалась динамика эмпатии во время трех волн пандемии в России, а также связь между эмпатией, тревожностью и агрессией. Наличие и характер взаимосвязей проверялись через многомерный ковариационный анализ и регрессионный анализ. Общая выборка составила 7 174 чел. и была собрана

среди студентов из нескольких регионов России. Использовались русскоязычные версии опросников: на эмпатию – Межличностный индекс Реактивности, на агрессивное поведение – Басса–Перри, на тревожность – Генерализованное тревожное расстройство (ГТР-7). На большой выборке из разных регионов России во время трех волн пандемии новой коронавирусной инфекции показана динамика эмпатического поведения: минимальный уровень эмпатии наблюдался во время первой волны, далее достиг своего максимума ко второй волне и начал снижаться к третьей. Также были обнаружены значимые позитивные взаимосвязи всех шкал эмпатии с тревожностью – более эмпатичные люди имели более высокие самооценки по стрессу. С агрессией ассоциации имеют более сложный характер в зависимости от шкалы эмпатии и шкалы агрессии. С началом пандемии наблюдалось увеличение эмпатии с последующим снижением. Существует взаимосвязь между шкалами эмпатии, уровнем тревожности и шкалами агрессии.

Ключевые слова: COVID-19, эмпатия, тревожность, стресс, пандемия

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение 075-15-2022-328).

Для цитирования: Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Емельянов А.В., Зинурова Р.И., Калининченко О.В., Рымаренко Н.В., Симак Н.Ю., Сподина В.И. Эмпатия: динамика поведения на фоне глобального стресса пандемии COVID-19 в России // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 144–163. doi: 10.17223/2312461X/44/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/7

Empathy: Behavioral Dynamics During the Global Stress of the COVID-19 Pandemic in Russia

Valentina N. Burkova¹, Marina L. Butovskaya², Alexey M. Ermakov³,
Azat B. Galimkhanov⁴, Alexey V. Emelyanov⁵,
Raushaniia I. Zinurova⁶, Olga V. Kalinichenko⁷,
Natalya V. Rymarenko⁸, Nikolay Yu. Simakov⁹,
Victoriya I. Spodina¹⁰

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

² *National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation*

³ *Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation*

⁴ *Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation*

⁵ *Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation*

⁶ *Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation*

⁷ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation*

⁸ *V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation*

⁹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation*

¹⁰ *Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development, Khanty-Mansiysk, Russian Federation*

¹ *burkovav@gmail.com*

Abstract. Objective of the study: analysis of the dynamics of empathic behavior, measured using the Interpersonal Reactivity Index, in Russia during three waves of the

COVID-19 pandemic. Analysis of the relationships between empathy, anxiety and aggression during the pandemic. Research of human behavior during a pandemic contributes to understanding the best ways to adapt to global stress. Empathy can have both positive (development of mutual assistance and cooperation during COVID-19) and negative consequences (risk factor for depression and increased anxiety) for mental health. The study examined the dynamics of empathy during three waves of the pandemic in Russia, as well as the relationship between empathy, anxiety and aggression. The presence and nature of relationships were tested through multivariate analysis of covariance and regression analysis. The total sample was 7,174 people and was collected among students from several regions of Russia. Russian-language versions of questionnaires for empathy by Interpersonal Reactivity Index, for aggressive behavior by Buss-Perry, and for anxiety Generalized Anxiety Disorder (GAD-7). A large sample from different regions of Russia during three waves of the COVID -19 pandemic shows the dynamics of empathic behavior: the minimum level of empathy was observed during the first wave, then reached its maximum by the second phase, and began to decline by the third. Significant positive correlations of all empathy scales with anxiety were also found - more empathic people had higher self-ratings of stress. Associations with aggression are more complex depending on the empathy scale and the aggression scale. Since the beginning of the pandemic, there has been an increase in empathy followed by a decrease. There is a relationship between empathy scales, anxiety levels and aggression scales.

Keywords: COVID-19, empathy, anxiety, stress, pandemic

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

For citation: Burkova, V.N., Butovskaya, M.L., Ermakov, A.M., Galimkhanov, A.B., Emelyanov, A.V., Zinurova, R.I., Kalinichenko, O.V., Rymarenko, N.V., Simakov, N.Yu. & Spodina, V.I. (2024) Empathy: Behavioral Dynamics During the Global Stress of the COVID-19 Pandemic in Russia. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 144–163 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/7

Введение

Пандемия COVID-19 стала самым большим глобальным испытанием для человечества за последние десятилетия. Этот длинный период нестабильности и неопределенности изменил и продолжает изменять жизнь людей во всех странах. В определенной мере население Земли адаптировалось к изменившимся условиям среды и научилось жить в новых реалиях, однако социальные, психологические, экономические, политические последствия пандемии COVID-19 еще долго будут влиять на поведение людей.

Одной из глобальных угроз человечества во время пандемии помимо самой болезни является значительное повышение тревожности и стресса, что исследовано и продолжает исследоваться в разных обществах и социальных группах (Kowal et al. 2020; Burkova et al. 2021, 2022;

Micillo et al. 2022; Moret-Tatay, Murphy 2022). Важным направлением работ является изучение эмпатии и проявлений альтруизма на фоне глобального стресса и того, насколько сочувствие и сопереживание могут помочь или, напротив, усугубить глобальный стресс на фоне COVID-19 (Butovskaya et al. 2021). Однако работ, изучающих уровень эмпатии в кризисных ситуациях, в целом не так много и в основном они касаются общеполитических дискуссий о глобальном цивилизационном кризисе (см., например: (Rifkin 2009; Yim, Park 2021)), а в условиях COVID-19 исследований по эмпатии и взаимопомощи довольно мало, и в основном они касаются групп, задействованных в лечении людей или их психологической поддержке (медицинские работники, социальные службы) (Феденко, Буркова 2020; Barello, Graffigna 2020; Butovskaya et al. 2021; Cerami et al. 2020; Pfattheicher et al. 2020; Baiano et al. 2022).

Эмпатия как способность воображать, переживать и понимать, что чувствует другой человек, является ключевым компонентом социальных взаимодействий, поскольку она способствует просоциальному поведению и препятствует агрессивному поведению по отношению к другим. Проведенные исследования показали позитивное влияние как когнитивной (принятие точки зрения других), так и аффективной (забота и понимание других) эмпатии на благополучие других людей. Так, когнитивная эмпатия была связана с уменьшением межгрупповых конфликтов и предвзятостей, а аффективная способствовала альтруизму и заботе (Sassenrath et al., 2016; Pfattheicher et al., 2020). В одном исследовании, проведенном в Германии, Великобритании и США во время пандемии было обнаружено, что эмпатия положительно связана с мотивацией соблюдать физическое дистанцирование, использовать маски, и что стимулирование сочувствия к людям, наиболее уязвимым к вирусу, способствует мотивации придерживаться этих мер (в то время как простое предоставление информации о важности профилактических мер не дает такого эффекта) (Pfattheicher et al., 2020).

Наши данные по московским студентам показали, что мужчины и женщины по-разному реагировали на стресс: у мужчин уровень эмпатии стабильно увеличивался от первой к третьей волне, тогда как у женщин пик оценок приходился на вторую волну, а далее снижался (Буркова, Бутовская, Симаков 2022). Кроме того, наблюдались кросс-культурные различия в проявлении разных видов эмпатии (Butovskaya et al. 2021). Есть данные и о том, что некоторые люди испытывают чувство «вынужденной симпатии», которое может заставить людей дистанцироваться от других, усиливая социальные фобии (Saladino, Alderi, Auriemma 2020). Исследования, проведенные до и во время пандемии, показали, что эмпатия также порождает уязвимость к симптомам, связанным со стрессом, таким как усталость от сострадания и выгорание, особенно у медицинских работников в экстремальных условиях (см. например: (Barello,

Graffigna 2020)). Известно, что дефицит эмпатии наблюдается при некоторых психопатологиях (Schreiter, Pijnenborg, Aan Het Rot 2013). Таким образом, аффективный компонент эмпатии может вызывать не только позитивные, но и негативные последствия, а также быть фактором риска развития депрессии и повышения тревоги в экстремальных условиях, включая COVID-19. Имеющиеся в настоящее время данные свидетельствуют о том, что распространение информации о чужих случаях заражения или смертях и большое количество фейков, несущих негативные чувства по поводу COVID-19, могут вызвать сверхэмпатическую реакцию и усугублять панику и депрессию среди населения (Deroux et al. 2020; Буркова, Бутовская 2023).

Цель данного исследования – проследить динамику эмпатического поведения, измеряемого с помощью многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса (Межличностный индекс реактивности) (Davis 1980), в России во время трех волн пандемии COVID-19, а также проследить взаимосвязи между эмпатией, уровнем тревожности и агрессией во время пандемии.

Методы

Схема проведения исследования. Для проведения опросов во время ограничений и карантина была использована специально созданная Google Форма с открытыми, полуоткрытыми и закрытыми типами вопросов, размещенная в сети Интернет. Участники исследования перед началом опроса давали письменное добровольное согласие. Все респонденты заполняли демографический опросник (пол, возраст, этничность и др.), а также отвечали на ряд вопросов относительно условий проживания в период распространения новой коронавирусной инфекции. Протокол исследования утвержден Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН (протокол № 01 от 9 апреля 2020 г.).

Выборка исследования. Общая выборка составила 7 174 чел. (табл. 1) и была собрана среди студентов различных вузов из нескольких регионов России. В выборку не вошли респонденты младше 18 лет, а также лица, имеющие хронические депрессивные заболевания (на основании самооценок участников). Несмотря на то, что выборка имела количественный перекося в сторону женщин, полученные данные репрезентативны.

Опросы проведены в течение трех волн пандемии COVID-19: 1-я волна – основной массив данных собран в мае 2020 г. (медиана – 5 мая 2020 г.); 2-я волна – в декабре 2020 г. (медиана – 7 декабря 2020 г.); 3-я волна – в мае–июне 2021 г. (медиана – 28 мая 2021 г.). Периоды сбора материала в целом соответствуют датировкам волн, указанным Роспотребнадзором (рис. 1).

Таблица 1

Выборка исследования

Волна COVID-19	Кол-во респондентов	ПОЛ		Средний возраст ($\pm$ SD), лет
		мужской	женский	
Первая	1 904	486	1 418	20,99 ($\pm$ 4,72)
Вторая	1 606	681	925	20,14 ($\pm$ 3,96)
Третья	3 664	971	2 693	23,44 ($\pm$ 8,57)
Итого	7 174	2138	5 036	21,89 ($\pm$4,69)

Рис. 1. Динамика волн заболеваемости COVID-19 по России по данным открытого портала Yandex DataLens, основанных на официальной статистике Роспотребнадзора¹

Методы исследования. Для оценки уровня эмпатии использовался многофакторный опросник эмпатии М. Дэвиса (Межличностный индекс реактивности) (Davis 1980) в русскоязычной адаптации (Будаговская, Дубровская, Карягина 2013). Данный опросник основан на самооценке респондентами своего поведения и состоит из 28 пунктов, разбитых по четырем шкалам, отражающим разные аспекты эмпатии: 1) Шкала Децентрация (Perspective-Taking) оценивает тенденцию восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека; 2) Шкала Фантазия (Fantasy) отражает тенденцию к воображаемому перенесению себя в чувства и действия вымышленных героев книг, фильмов, спектаклей и т.д.; 3) Шкала Эмпатическая забота (Empathic Concern) оценивает чувства, направленные на другого (симпатии и сочувствия к несчастьям других, жалости, желания помочь); 4) Шкала Личный дистресс (Personal Distress) измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей и направленные на себя (Будаговская и др. 2013). В нашем исследовании

¹ Портал Yandex DataLens предоставляет в открытом доступе данные по заболеваемости COVID-19 в России на странице, основанные на официальной статистике Роспотребнадзора: https://datalens.yandex/7o7is1q6ikh23?tab=X1&utm_source=cbmain&state=4d4ea3bc211

мы не использовали Шкалу Фантазии, так как в условиях пандемии COVID-19 данный вид эмпатии малоприменим. Суммарная оценка уровня эмпатии не подсчитывается. Коэффициенты надежности альфа Кронбаха были: децентрация (0,71), эмпатическая забота (0,58), личный дистресс (0,64).

Для самооценки уровня тревожности использована русскоязычная версия опросника Генерализованного тревожного расстройства (ГТР-7) (Spitzer et al. 2006), состоящая из семи пунктов, описывающих симптомы тревожности и генерализованного тревожного расстройства (ГТР) на основе личных ощущений респондента в течение последних 14 дней. Оценка тревоги происходит по 4-балльной шкале Ликерта (от 0 (совсем не) до 3 (почти каждый день)). Сумма баллов по всем пунктам дает представление об уровне тревожности: 0–4 (минимальный), 5–9 (умеренный), 10–14 (средний), 15–21 (высокий). Коэффициент надежности альфа Кронбаха для ГТР-7 был 0,91.

Для самооценки агрессивного поведения был применен опросник Басса–Перри (Buss, Perry 1992), включающий четыре шкалы: физическая агрессия, вербальная агрессия, гнев, враждебность. Оценка производится по 5-балльной шкале Ликерта (1 – абсолютно нехарактерно для меня; 5 – абсолютно характерно для меня). Коэффициенты надежности альфа Кронбаха были: физическая агрессия (0,78), вербальная агрессия (0,75), гнев (0,81) и враждебность (0,83).

Полученные данные проанализированы с использованием статистического пакета SPSS-27.

Результаты

Статистический анализ (многомерный ковариационный анализ GLM MANCOVA) со шкалами эмпатии в качестве зависимых переменных и набором независимых переменных (волна COVID-19, пол, ГТР-7, шкалы агрессии) показал более значимый эффект волны пандемии, чем пола (табл. 2).

Таблица 2

Взаимодействие шкал эмпатии в качестве зависимых переменных и периода исследования, пола, тревожности и шкал агрессии в качестве независимых переменных

Зависимые переменные	R ² *	Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
Децентрация	0,260	Волна	2	323,227	< 0,001	,090
		Пол	1	3,844	0,050	,001
		ГТР-7	21	1,809	0,013	,006
		Физ. агрессия	37	5,252	< 0,001	,029
		Верб. агрессия	20	5,209	< 0,001	,016
		Гнев	28	17,931	< 0,001	,071
		Враждебность	32	7,742	< 0,001	,036

Зависимые переменные	R ² *	Независимые переменные	Степень свободы	F-критерий	Значимость	Частная Eta ² **
Эмпатическая забота	0,170	Полна	2	112,824	< 0,001	,033
		Пол	1	22,957	< 0,001	,003
		ГТР-7	21	1,327	не значимо	,004
		Физ. агрессия	37	6,660	< 0,001	,036
		Верб. агрессия	20	4,651	< 0,001	,014
		Гнев	28	7,710	< 0,001	,032
		Враждебность	32	3,979	< 0,001	,019
Личный дистресс	0,390	Волна	2	787,070	< 0,001	,194
		Пол	1	117,215	< 0,001	,018
		ГТР-7	21	10,177	< 0,001	,032
		Физ. агрессия	37	3,593	< 0,001	,020
		Верб. агрессия	20	2,489	< 0,001	,008
		Гнев	28	2,910	< 0,001	,012
		Враждебность	32	22,574	< 0,001	,099

* R² (коэффициент детерминации) объясняет процент изменчивости по каждому из тестируемых признаков.

** Частная эта в квадрате показывает, какая доля общей дисперсии зависимой переменной обусловлена данным фактором.

Шкала Тревожность ГТР-7 являлась наименее значимым из факторов, тогда как среди шкал агрессии наибольшие нагрузки имели гнев и враждебность для шкалы Децентрация, гнев и физическая агрессия – для Эмпатической заботы, Враждебность – для Личного дистресса (см. табл. 2).

На рис. 2–4 представлена динамика каждой шкалы эмпатии в течение трех волн новой коронавирусной инфекции в России в зависимости от пола. Уровень децентрации (оценивает тенденцию восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения, опыта другого человека) повысился ко второй волне и далее снизился к третьей (однако не достиг исходного уровня) как у мужчин, так и у женщин; половые различия значимо проявились только во второй волне пандемии COVID-19 – женщины имели более высокие оценки по этому виду эмпатии (рис. 2). Уровень эмпатической заботы (оценивает чувства, направленные на другого) также повысился ко второй волне и снизился к третьей, не достигнув уровня первой волны, однако во всех трех периодах женщины были значимо более эмпатичны, чем мужчины (рис. 3). Еще более выраженная тенденция наблюдалась по шкале Личный дистресс (измеряет чувства собственной тревоги и дискомфорта, возникающие в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей) – пик эмпатии также пришелся на вторую волну, женщины демонстрировали более высокие оценки (рис. 4). Таким образом, по всем трем шкалам эмпатии наивысшие оценки приходились на второй пик волн пандемии, минимальные оценки наблюдались в начале пандемии.

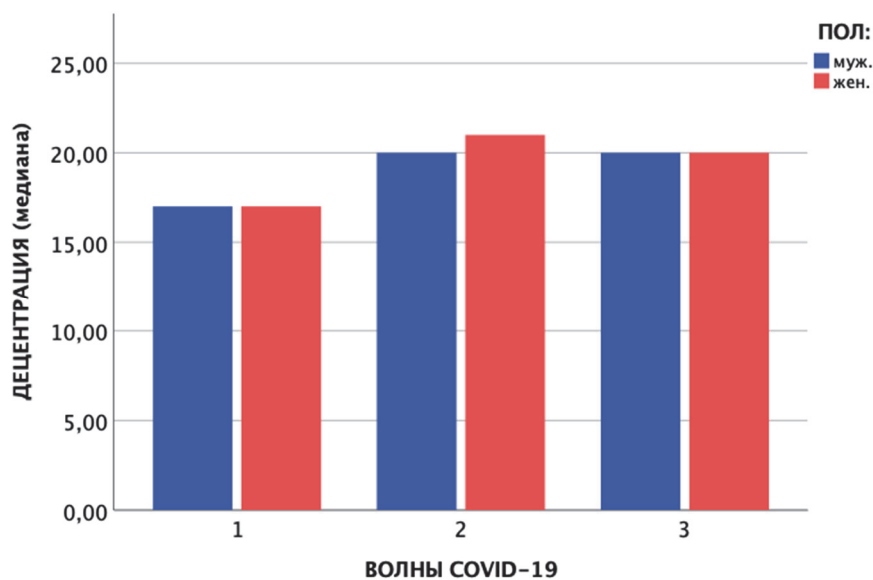

Рис. 2. Динамика шкалы Децентрация в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

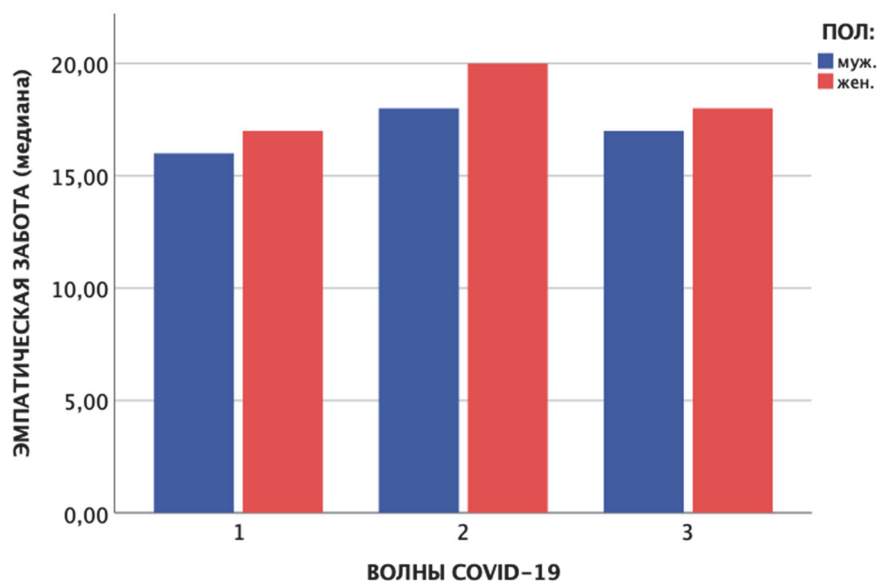

Рис. 3. Динамика шкалы Эмпатическая забота в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

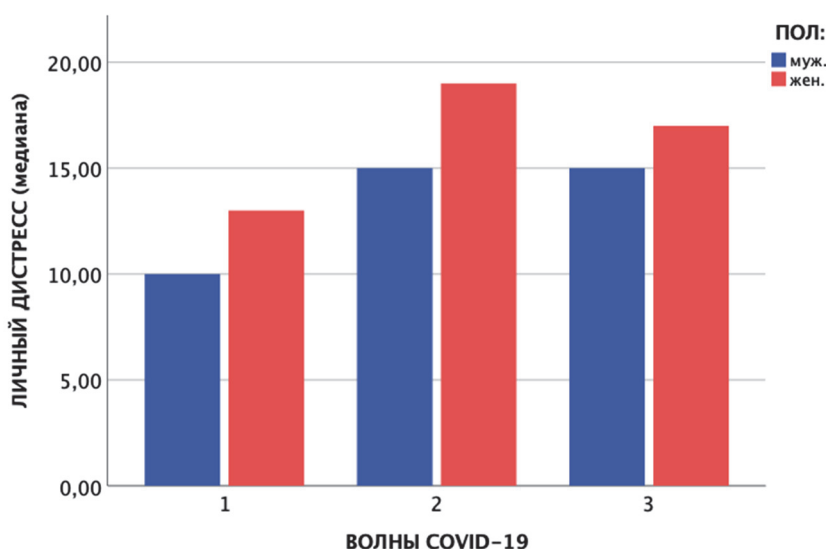

Рис. 4. Динамика шкалы Личный дистресс в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

Для оценки взаимосвязи между шкалами эмпатии и самооценками тревожности и агрессии был применен регрессионный анализ (табл. 3, рис. 5–7). Респонденты, имеющие более высокие самооценки по всем видам эмпатии, имели и более высокие самооценки по уровню тревожности. Наиболее выраженная взаимосвязь наблюдалась со шкалой Личный дистресс (рис. 7), так как данная шкала эмпатии является выражением личной тревожности при наблюдении за другими людьми и их неприятностями и проектирующей на индивида лично, тем самым отражая негативную сторону эмпатии.

Таблица 3

Взаимосвязи шкал эмпатии (зависимая переменная) и тревожности и агрессии (предикторы) в течение трех волн COVID-19 (общая выборка)

Предиктор	B	SE	Beta	t	P	R ²
<i>Децентрация</i>						
ГТР-7	0,082	0,013	0,073	6,196	<0,000	0,073
Физическая агрессия	-0,064	0,012	-0,067	05,462	<0,000	0,067
Вербальная агрессия	0,163	0,015	0,129	10,633	<0,000	0,129
Гнев	-0,078	0,012	-0,079	-6,449	<0,000	0,079
Враждебность	0,128	0,010	0,160	13,278	<0,000	0,160
<i>Эмпатическая забота</i>						
ГТР-7	0,100	0,011	0,108	9,199	<0,000	0,108
Физическая агрессия	-0,063	0,010	-0,079	-6,498	<0,000	0,079
Вербальная агрессия	0,144	0,013	0,136	11,256	<0,000	0,136
Гнев	0,001	0,010	0,001	0,090	Не значимо	0,001
Враждебность	0,106	0,008	0,159	13,204	<0,000	0,159

Предиктор	B	SE	Beta	t	P	R ²
<i>Личный дистресс</i>						
ГТР-7	0,373	0,012	0,342	30,843	<0,000	0,117
Физическая агрессия	0,044	0,012	0,046	3,801	<0,000	0,046
Вербальная агрессия	0,237	0,015	0,190	15,858	<0,000	0,190
Гнев	0,232	0,012	0,238	20,093	<0,000	0,238
Враждебность	0,306	0,009	0,388	34,491	<0,000	0,388

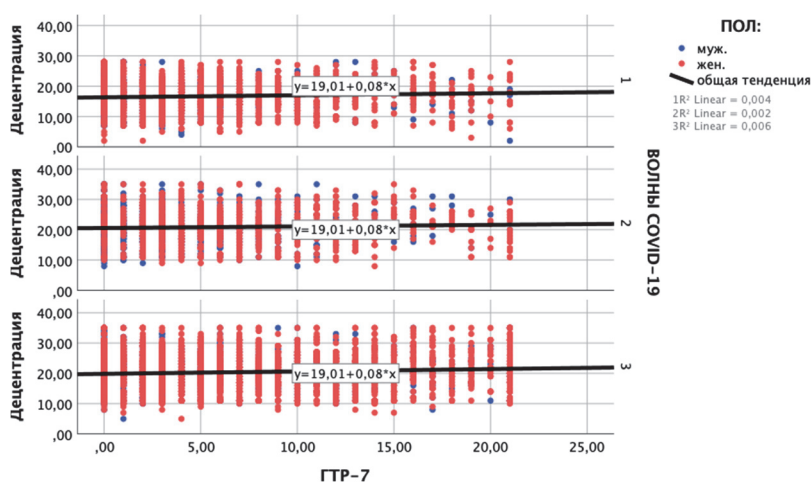

Рис. 5. Взаимосвязь Децентрации и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

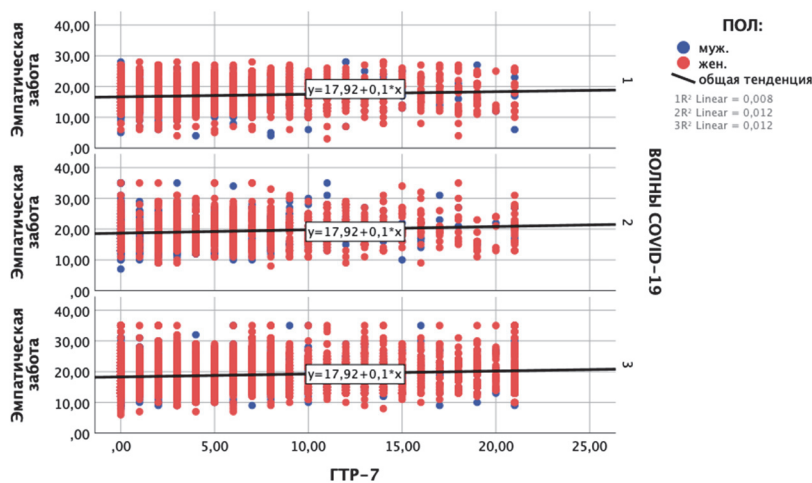

Рис. 6. Взаимосвязь Эмпатической заботы и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

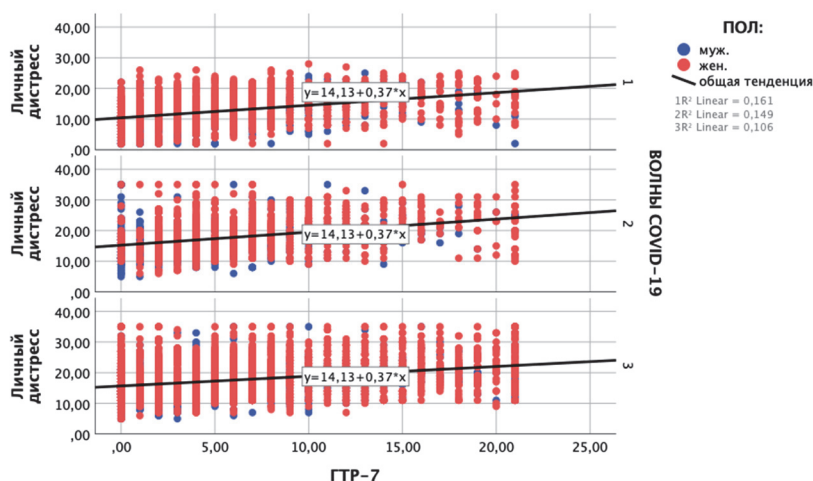

Рис. 7. Взаимосвязь Личного дистресса и тревожности ГТР-7 в течение трех волн COVID-19 с учетом пола

Взаимосвязь шкал эмпатии и шкал агрессии имела более сложный характер: наблюдается негативная взаимосвязь между физической агрессией и двумя шкалами рациональной (Децентрация) и эмоциональной (Эмпатической заботой) эмпатии. С одной стороны, индивиды, оценивающие себя физически более агрессивными, менее эмпатичны, с другой – у таких респондентов были высокие оценки по личному дистрессу (тревожной эмпатии) (см. табл. 3). Оценки по вербальной агрессии во всех трех случаях имели позитивную ассоциацию с эмпатией – люди, чаще практикующие такие виды агрессии, как крики, ругательства, словесные перепалки, были и более эмпатичны. Самооценки по гневу имели негативную значимую взаимосвязь с децентрацией и очень сильную позитивную взаимосвязь с личным дистрессом (табл. 3). Таким образом, более гневливые люди хуже распознают и понимают точку зрения, опыт другого человека (хуже распознают чувства и переживания других), при этом сильнее тревожатся за свое благополучие, глядя на страдания других людей. Враждебность имела самые большие нагрузки по связи со всеми видами эмпатии – индивиды, оценивающие себя как более враждебные, при этом являлись и более эмпатичными, в том числе и были больше стрессированы от наблюдений за переживаниями других (табл. 3).

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы проследили динамику эмпатического оведения в России во время трех волн пандемии COVID-19, а также проанализировали направление взаимосвязей между эмпатией, тревожностью и агрессией. Так же, как в более ранних работах, женщины в целом

были более эмпатичны по сравнению с мужчинами до и во время пандемии новой коронавирусной инфекции (Davis 1980; Будаговская и др. 2013; Di Tella et al. 2020; Butovskaya et al. 2021). По всем исследуемым видам эмпатии пик оценок приходился на вторую волну пандемии COVID-19 в России, минимальные оценки были выявлены во время первой волны, к третьей фазе уровень эмпатии снижался, однако не достиг своих исходных оценок. Интересно отметить, что допандемийные данные по эмпатии, полученные в работе Н.А. Будаговской с соавторами (2013), показывают более низкие цифры. Таким образом, можно предположить, что на фоне пандемии уровень эмпатии повысился. Лонгитюдных исследований эмпатии во время разных фаз COVID-19 практически нет или они не сравнимы по временным срезам с нашими.

В одной из работ оценивалась группа молодых людей до и через несколько месяцев после строгой социальной изоляции первой волны пандемии COVID-19 в Испании. Результаты показали усиление когнитивной эмпатии (децентрации), но не аффективной (эмпатической заботы) (Baiano et al. 2020). В работе, проведенной в Италии среди студентов с разницей в один год (в период с октября 2019 г. по первые дни февраля 2020 г. и в период с декабря 2020 г. по февраль 2021 г.), было показано снижение уровня эмпатических социальных навыков (активное слушание, очередность, способность делиться и сотрудничать) и увеличение уровня эмоциональной и когнитивной эмпатии через год после вспышки пандемии COVID-19 по сравнению с допандемийными данными (Baiano et al. 2022). Авторы работы предполагают, что оба эти компонента эмпатии связаны с многочисленными аспектами осознанности, которая является защитным фактором от беспокойства и тревоги во время вспышки COVID-19 (Baiano et al. 2022). Наши данные согласуются с этими результатами по когнитивной и эмоциональной эмпатии. Полученные в другом нашем исследовании данные об участии респондентов в волонтерской деятельности (которая, несомненно, связана с эмпатическими установками) также показали, что пик сочувствия и помощи людям пришелся на вторую волну пандемии COVID-19 в России (Буркова и др. 2022).

Взаимосвязь уровня тревожности со шкалами эмпатии была прямолинейна и позитивна. Более эмпатичные респонденты были и более тревожны, наиболее выраженная взаимосвязь наблюдалась со шкалой Личный дистресс, отражающей негативную сторону эмпатии. Данная ассоциация вполне объяснима с точки зрения теории об эмоциональном заражении: наблюдение за эмоциями других вызывает аналогичные состояния и чувства у смотрящих (Healey, Grossman, 2018; Preston, de Waal 2001). С нашими данными согласуются и полученные результаты по канадской выборке – более высокие показатели по шкалам эмпатии Дэвиса

также были связаны с более высокими показателями депрессии и тревоги во время первого карантина (Guadagni, Umilta', Iaria 2020). Схожие данные получены на китайской выборке – те, кто сообщил о получении большей социальной поддержки и сочувствия в социальных сетях, сами проявляли больше сочувствия к другим, несмотря на повышенный уровень тревоги (Qin et al. 2022). По-видимому, люди, которые сильнее тревожатся и переживают в кризисной ситуации, больше заботятся и о благополучии других и сочувствуют им. Повышение тревожности и приобретаемый за счет этого эмоциональный ущерб частично компенсируются за счет увеличения эмпатии по отношению к другим. Психологическое состояние тех, кто сочувствует, может улучшаться, поскольку они осознают положительное влияние своей доброты на других. Однако осознание угрозы, в том числе личный опыт заболевания и наблюдения за опытом других людей, включая смертельные случаи, приводят к повышению тревожности. Данная взаимосвязь подтверждается нашими данными о сильной позитивной связи тревожности и личного дистресса как формы негативной эмпатии.

Взаимодействие шкал эмпатии с агрессивными шкалами имело сложный характер и зависело от видов поведения. Схожие результаты были получены в исследовании хорватских студентов – связи между типами эмпатии зависели от вида агрессии: реактивная (ответная) агрессия была положительно связана с личным дистрессом, тогда как проактивная (инициативная) была отрицательно связана с эмпатической заботой (Sokić, Qureshi, Khawaja 2021). В исследовании семейного насилия на фоне пандемии COVID-19 было показано, что эмпатическая забота в ассоциации с тревожностью была одним из самых сильных предвестников вербальной агрессии по отношению к детям (Todorovic et al. 2022). Наши результаты показывают, что только в случае физической агрессии наблюдалась отрицательная взаимосвязь с децентрацией и эмпатической заботой, а также гнева с децентрацией. В остальных случаях связи были позитивные. Высокий уровень эмпатии мог снижать прямую физическую или эмоциональную агрессию (такую как гнев), но при этом не влиять на другие виды агрессии, поскольку данная взаимосвязь была также опосредована уровнем тревожности. В одном из наших исследований динамики агрессии на фоне пандемии COVID-19 среди российских студентов мы наблюдали снижение уровня самооценок по агрессии от волн к волне, при этом более агрессивные респонденты имели и более высокие оценки по тревожности (Буркова, Бутовская, Зинурова 2021).

Полученные результаты можно использовать при разработке профилактических мер, так как эмпатия и эмоциональное заражение делают всех участников здравоохранения более ответственными. При этом осведомленность общественности о вкладе каждого в борьбу с пандемией может сыграть решающую роль в эффективном преодолении стрессовых

последствий (Barello, Graffigna 2020). В одном из исследований, проведенном с 18 марта по 23 мая 2020 г., было показано, что в этот период уровень эмпатии во взаимодействии с воспринимаемой угрозой способствовали повышению превентивного поведения (Morstead et al. 2022). Будущие исследования должны выяснить, продолжает ли эмпатическое реагирование играть роль в профилактическом поведении на более поздних стадиях пандемии. Кроме того, необходимо исследовать влияние эмпатического, агрессивного и тревожного поведения в их взаимодействии.

Заключение

Эмпатия является одним из ключевых компонентов взаимодействия людей, который поддерживает просоциальное и кооперативное поведение, с одной стороны, и снижает агрессивные столкновения по отношению к иным – с другой. Изучение роли эмпатии в прогнозировании профилактического поведения во время стрессовых ситуаций побуждает исследователей все больше обращать внимание на этот вид просоциальных действий. Однако в условиях глобального стресса эмпатия может усиливать тревожность и даже агрессию, что имеет негативные последствия для психического здоровья человека. Результаты нашего исследования на большой выборке из разных регионов России во время трех волн пандемии новой коронавирусной инфекции показали динамику эмпатического поведения: минимальный уровень эмпатии наблюдался во время первой волны, далее достиг своего максимума ко второй волне и начал снижаться к третьей. Также были обнаружены значимые позитивные взаимосвязи всех шкал эмпатии с тревожностью – более эмпатичные люди имели и более высокие самооценки по стрессу. С агрессией ассоциации имеют более сложный характер в зависимости от шкалы эмпатии и шкалы агрессии.

Полученные результаты могут иметь прикладное значение при планировании профилактических мер. Пандемия COVID-19 продолжается, а следовательно, любые исследования в данной области могут способствовать борьбе с ней. В дальнейшем планируется продолжить сбор данных в новую волну пандемии, а также проанализировать региональные различия полученных данных.

Список источников

- Будаговская Н.А., Дубровская С.В., Карягина Т.Д. Адаптация многофакторного опросника эмпатии М. Дэвиса // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 1. С. 202–227.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л. Коронафобия, инфодемия и фейки во время COVID-19 // Сибирские исторические исследования. 2023. № 2. С. 55–75. doi: 10.17223/2312461X/40/3

- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Симаков Н.Ю. Эмпатия и взаимопомощь до и во время COVID-19 (данные по московским студентам) // Вопросы психологии. 2022. Т. 68, № 1. С. 28–40.
- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Зинурова Р.И. Агрессия и тревожность до и во время COVID-19 (на основе опроса московских и казанских студентов) // Вопросы психологии. 2021. Т. 67, № 6. С. 65–77.
- Феденок Ю.Н., Буркова В.Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–40. doi: 10.17223/2312461X/28/1
- Barello S., Graffigna G. Caring for health professionals in the COVID-19 pandemic emergency: toward an “epidemic of empathy” in healthcare // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11, № 1431.
- Baiano C., Zappullo I., The LabNPEE Group, Conson M. Tendency to Worry and Fear of Mental Health during Italy's COVID-19 Lockdown // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Vol. 17, № 5928.
- Baiano C., Raimo G., Zappullo I., Marra M., Cecere R., Trojano L., Conson, M. Empathy through the pandemic: changes of different emphatic dimensions during the COVID-19 outbreak // *International journal of environmental research and public health*. 2022. Vol. 19 (4), № 2435.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries // *Sustainability*. 2021. Vol. 13, № 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries // *Frontier in Psychology*. 2023. Vol. 13, № 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.8055
- Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 452–459.
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K. et al. Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19's first wave // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (13), № 7431. doi: 10.3390/su13137431
- Cerami C., Santi G.C., Galandra C. et al. Covid-19 outbreak in Italy: are we ready for the psychosocial and the economic crisis? Baseline findings from the PsyCovid study // *Frontiers in psychiatry*. 2020. Vol. 11, № 556. doi: 10.3389/fpsy.2020.00556
- Davis M.H. A multidimensional approach to individual differences in empathy // *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*. 1980. Vol. 10. P. 85.
- Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak // *Journal of travel medicine*. 2020. Vol. 27 (3). № taaa031.
- Di Tella M., Miti F., Ardito R.B., Adenzato M. Social cognition and sex: Are men and women really different? // *Pers. Individ. Differ*. 2020. Vol. 162, № 110045.
- Guadagni V., Umiltà A., Iaria G. Sleep quality, empathy, and mood during the isolation period of the COVID-19 pandemic in the Canadian population: Females and women suffered the most // *Front. Glob. Women's Health*. 2020. Vol. 1, № 585938. P. 1–10.
- Healey M.L., Grossman M. Cognitive and affective perspective-taking: evidence for shared and dissociable anatomical substrates // *Frontiers in neurology*. 2018. Vol. 9, № 491.
- Kowal M., Coll-Martín T., Ikizer G. et al. Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas // *Applied Psychology: Health and Well-Being*. 2020. Vol. 12, № 4. P. 946–966. doi: 10.1111/aphw.12234
- Micillo L., Rioux P.A., Mendoza E. et al. Time perspective predicts levels of anxiety and depression during the COVID-19 outbreak: A cross-cultural study // *PLoS One*. 2022. Vol. 17 (9), № e0269396. doi: 10.1371/journal.pone.0269396

- Moret-Tatay C., Murphy M. Anxiety, resilience and local conditions: A cross-cultural investigation in the time of covid-19 // *International Journal of Psychology*. 2022. Vol. 57, № 1. P. 161–170. doi: 10.1002/ijop.12822
- Morstead T. et al. Adherence to recommended preventive behaviors during the COVID-19 pandemic: the role of empathy and perceived health threat // *Annals of Behavioral Medicine*. 2022. Vol. 56, № 4. P. 381–392.
- Pfafftheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M.B. The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic // *Psychological Science*. 2020. Vol. 31 (11). P. 1363–1373.
- Preston S.D., de Waal F.B.M. Empathy: Its Ultimate and Proximate Bases // *Behavioral and Brain Sciences*. 2001. Vol. 25, № 1. P. 1–20.
- Qin X., Yang F., Jiang Z., Zhong B. Empathy not quarantined: social support via social media helps maintain empathy during the COVID-19 pandemic // *Social Media+ Society*. 2022. Vol. 8 (1), № 20563051221086234.
- Rifkin J. The empathic civilization: The race to global consciousness in a World in Crisis. New York : Penguin, 2009.
- Saladino V., Algeri D., Auriemma V. The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being // *Frontiers in psychology*. 2020. Vol. 11, № 2550.
- Sassenrath C., Diefenbacher S., Siegel A., Keller J. A person-oriented approach to hand hygiene behaviour: Emotional empathy fosters hand hygiene practice // *Psychology and Health*. 2016. Vol. 31. P. 205–227.
- Schreier S., Pijnenborg G.H., Aan Het Rot M. Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms // *Journal of Affective Disorder*. 2013. Vol. 150. P. 1–16.
- Sokić K., Qureshi F.H., Khawaja S. Aggression, empathy, and life satisfaction during the COVID-19 pandemic among students in private higher education // *European Journal of Education Studies*. 2021. Vol. 8, № 12.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. A brief measure for assessing generalized anxiety disorder // *Arch. Int. Med*. 2006. Vol. 166, № 10. P. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Todorovic K., O'Leary E., Ward K.P., Devarasetty P.P., Lee S.J., Knox M., Andari E. Prevalence, increase and predictors of family violence during the COVID-19 pandemic, using modern machine learning approaches // *Frontiers in psychiatry*. 2022. Vol. 13, № 883294.
- Yim M.C., Park H.S. The Effects of Corporate Elitism and Groupthink on Organizational Empathy in Crisis Situations // *Public Relations Review*. 2021. Vol. 47 (1), № 101985.

References

- Budagovskaya N.A., Dubrovskaya S.V., Karyagina T.D. (2013) Adaptacija mnogofaktornogo oprosnika empatii M. Djevisa [Adaptation of multyafactor questionnaire empathy M. Davis]. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*, no. 1. P. 202–227.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L. (2023) Coronaphobia, infodemic and fakes during COVID-19. *Sibirskie istoricheskie issledovanija – Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 55–75. (In Russ.).
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Simakov N.Y. (2022) Empatija I vzaimoposch' do i vo vremja COVID-19 (dannie po moskovskim studentam) [Empathy and cooperation until and during COVID-19 (based on research of Moscow students)]. *Voprosi psihologii*, no. 68 (1), pp. 28–40.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Zinurova R.I. (2021) Agressija i trevozhnost' do I vo vremja COVID-19 (na osnove oprosa moskovskih I kazanskih studentov) [Aggression and anxiety until and during COVID-19 (based on research of Moscow and Kazan students)]. *Voprosi psihologii*, no. 67 (6), pp. 65–77.
- Fedenok J.N., Burkova V.N. (2020) Social'noe distancirovanie kak al'truizm v uslovijah pandemii koronavirusa: kross-kul'turnoe issledovanie [Social distancing as altruism in the

- context of the coronavirus pandemic: A cross-cultural study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 6–40.
- Barello S., Graffigna G. (2020) Caring for health professionals in the COVID-19 pandemic emergency: toward an “epidemic of empathy” in healthcare. *Frontiers in Psychology*, Vol. 11, no. 1431.
- Baiano C., Zappullo I., The LabNPEE Group, Conson M. (2020) Tendency to Worry and Fear of Mental Health during Italy's COVID-19 Lockdown. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, Vol. 17, no. 5928.
- Baiano C., Raimo G., Zappullo I., Marra M., Cecere R., Trojano L., Conson, M. (2022) Empathy through the pandemic: changes of different emphatic dimensions during the COVID-19 outbreak. *International journal of environmental research and public health*, Vol. 19(4), no. 2435.
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K. et al. (2021) Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*, Vol. 13, no. 4017. doi: 10.3390/su13074017
- Burkova V.N., Butovskaya M.L., Randall A.K., et al. (2023) Factors associated with highest symptoms of anxiety during COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries. *Frontier in Psychology*, Vol. 13, no. 805586. doi: 10.3389/fpsyg.2022.8055
- Buss A.H., Perry M. (1992) The Aggression Questionnaire. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol. 63, pp. 452–459.
- Butovskaya M.L., Burkova V.N., Randall A.K., et al. (2021) Cross-cultural perspectives on the role of empathy during COVID-19's first wave. *Sustainability*, Vol. 13(13), no. 7431. doi: 10.3390/su13137431
- Cerami C., Santi G.C., Galandra C. et al. (2020) Covid-19 outbreak in Italy: are we ready for the psychosocial and the economic crisis? Baseline findings from the PsyCovid study. *Frontiers in psychiatry*, Vol. 11, no. 556. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00556
- Davis M.H. (1980) A multidimensional approach to individual differences in empathy. *JSAS Catalog of Selected Documents in Psychology*, Vol. 10, p. 85.
- Depoux A., Martin S., Karafillakis E., Preet R., Wilder-Smith A., Larson H. (2020) The pandemic of social media panic travels faster than the COVID-19 outbreak. *Journal of travel medicine*, Vol. 27(3), no. taaa031.
- Di Tella M., Miti F., Ardito R.B., Adenzato M. (2020) Social cognition and sex: Are men and women really different? *Pers. Individ. Differ*, Vol. 162, no. 110045.
- Guadagni V., Umiltà A., Iaria G. (2020) Sleep quality, empathy, and mood during the isolation period of the COVID-19 pandemic in the Canadian population: Females and women suffered the most. *Front. Glob. Women's Health*, Vol. 1, no. 585938, pp. 1–10.
- Healey M.L., Grossman M. (2018) Cognitive and affective perspective-taking: evidence for shared and dissociable anatomical substrates. *Frontiers in neurology*, Vol. 9, no. 491.
- Kowal M., Coll-Martín T., Ikizer G., et al. (2020) Who is the most stressed during the COVID-19 pandemic? Data from 26 countries and areas. *Applied Psychology: Health and Well-Being*, Vol. 12, no 4, pp. 946–966. doi: 10.1111/aphw.12234
- Micillo L., Rioux P.A., Mendoza E., et al. (2022) Time perspective predicts levels of anxiety and depression during the COVID-19 outbreak: A cross-cultural study. *PLoS One*, Vol. 17(9), no. e0269396. doi: 10.1371/journal.pone.0269396
- Moret-Tatay C., Murphy M. (2022) Anxiety, resilience and local conditions: A cross-cultural investigation in the time of covid-19. *International Journal of Psychology*, Vol. 57, no. 1, pp. 161–170. doi: 10.1002/ijop.12822
- Morstead T. et al. (2022) Adherence to recommended preventive behaviors during the COVID-19 pandemic: the role of empathy and perceived health threat. *Annals of Behavioral Medicine*, Vol. 56, no. 4, pp. 381–392.
- Pfattheicher S., Nockur L., Böhm R., Sassenrath C., Petersen M.B. (2020) The emotional path to action: Empathy promotes physical distancing and wearing of face masks during the COVID-19 pandemic. *Psychological Science*, Vol. 31 (11), pp. 1363–1373.

- Preston S.D., de Waal F.B.M. (2001) Empathy: Its Ultimate and Proximate Bases. *Behavioral and Brain Sciences*, Vol. 25, no. 1, pp. 1–20.
- Qin X., Yang F., Jiang Z., Zhong B. (2022) Empathy not quarantined: social support via social media helps maintain empathy during the COVID-19 pandemic. *Social Media+ Society*, Vol. 8(1), no. 20563051221086234.
- Rifkin J. (2009) The empathic civilization: The race to global consciousness in a World in Crisis. New York: Penguin.
- Saladino V., Algeri D., Auriemma V. (2020) The psychological and social impact of Covid-19: new perspectives of well-being. *Frontiers in psychology*, Vol. 11, no. 2550.
- Sassenrath C., Diefenbacher S., Siegel A., Keller J. (2016) A person-oriented approach to hand hygiene behaviour: Emotional empathy fosters hand hygiene practice. *Psychology and Health*, Vol. 31, pp. 205–227.
- Schreiter S., Pijnenborg G.H., Aan Het Rot M. (2013) Empathy in adults with clinical or subclinical depressive symptoms. *Journal of Affective Disorder*, Vol. 150, pp. 1–16.
- Sokić K., Qureshi F.H., Khawaja S. (2021) Aggression, empathy, and life satisfaction during the COVID-19 pandemic among students in private higher education. *European Journal of Education Studies*, Vol. 8, no. 12.
- Spitzer R.L., Kroenke K., Williams J.B.W., Lowe B. (2006) A brief measure for assessing generalized anxiety disorder. *Arch. Int. Med.*, Vol. 166, no. 10, pp. 1092–1097. doi: 10.1001/archinte.166.10.1092
- Todorovic K., O’Leary E., Ward K.P., Devarasetty P.P., Lee S.J., Knox M., Andari E. (2022) Prevalence, increase and predictors of family violence during the COVID-19 pandemic, using modern machine learning approaches. *Frontiers in psychiatry*, Vol. 13, no. 883294.
- Yim M.C., Park H.S. (2021) The Effects of Corporate Elitism and Groupthink on Organizational Empathy in Crisis Situations. *Public Relations Review*, Vol. 47(1), no. 101985.

Информация об авторах:

БУРКОВА Валентина Николаевна – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: burkovav@gmail.com

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия); профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

ЕРМАКОВ Алексей Михайлович – доктор биологических наук, декан факультета «Биоинженерия и ветеринарная медицина» Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону, Россия).

ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович – кандидат юридических наук, проректор по образовательной деятельности, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия).

ЕМЕЛЬЯНОВ Алексей Валерьевич – доктор биологических наук, проректор, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия).

ЗИНУРОВА Раушания Ильшатовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, директор Института управления инновациями Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань, Россия).

КАЛИНИЧЕНКО Ольга Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия).

РЫМАРЕНКО Наталья Викторовна – доктор медицинских наук, профессор, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

СИМАКОВ Николай Юрьевич – кандидат биологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО) (Москва, Россия).

СПОДИНА Виктория Ивановна – доктор исторических наук, директор Обско-Угорского института прикладных исследований и разработок ХМАО–Югры (Ханты-Мансийск, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Valentina N. Burkova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: burkovav@gmail.com

Marina L. Butovskaya, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation).

Alexey M. Ermakov, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation).

Azat B. Galimkhanov, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation).

Alexey V. Emelyanov, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russian Federation).

Raushaniia I. Zinurova, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation).

Olga V. Kalinichenko, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation).

Natalya V. Rymarenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation).

Nikolay Yu. Simakov, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) (Moscow, Russian Federation).

Victoriya I. Spodina, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russian Federation).

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30 декабря 2023 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.*

*The article was submitted 30.12.2023;
accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 39
doi: 10.17223/2312461X/44/8

«Контейнер же почти резиновый»: роль материальности в предпринимательской деятельности на Севере

Валерия Владиславовна Васильева

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, leravasilyeva11@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена деятельности предпринимателей с «северных окраин» – населенных пунктов с затрудненной и нестабильной логистической схемой, которая характерна для многих поселков в Арктике. Проанализированы три примера из разных регионов: Ненецкого автономного округа, с запада (бассейн реки Енисей) и востока Таймыра (бассейн реки Хатанги). Основным материалом послужили наблюдения и интервью, собранные в летнюю навигацию в портах загрузки – Архангельске и Красноярске, а также на борту грузового судна и при выгрузке товара в поселке. Показано, что вопрос материальности в процессе закупки, упаковки и распаковки груза в поселке оказывается центральным для этой профессиональной группы. Северная логистика накладывает ряд специфических ограничений на то, какие товары вообще могут появиться на полках поселкового магазина. Внутри контейнера оказываются продукты, среди которых выгодные товары, товары-обязательства и товары – дружеские услуги в таком балансе материального и социального, чтобы это осталось потенциально доходным для предпринимателя. При этом перечень завозимых товаров – результат устоявшейся конвенции между предпринимателем и местными жителями по поводу того, что является необходимым минимумом завоза, а что местные жители получают из альтернативных источников. Объем помещающегося в контейнер груза не строго фиксирован и зависит, в первую очередь, от обладания практическим навыком обращения с товарами. Уникальная компетенция в этом профессиональном сообществе состоит в том, что благодаря большому опыту неопределенность относительно трансформации груза в пути до известной степени поддается прогнозированию и планированию. Понимание рациональности, стоящей за принятием решения частным предпринимателем о закупке тех или иных товаров, проливает свет на то, какие товары за счет их материальных свойств оказываются исключены из циркуляции и их наличие в поселке может быть связано лишь с альтернативными магазину каналами получения товаров.

Ключевые слова: материальность, социальная жизнь вещей, товары, доставка, логистика, предпринимательство, Север, Арктика

Благодарности: статья подготовлена в рамках работ по гранту «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации», Российский научный фонд, грант № 19-78-10002.

Для цитирования: Васильева В.В. «Контейнер же почти резиновый»: роль материальности в предпринимательской деятельности на Севере // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 164–191. doi: 10.17223/2312461X/44/8

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/8

“The Container is almost Infinitely Expandable”: The Role of Materiality in Entrepreneurship in the North

Valeria V. Vasilyeva

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS,
Saint Petersburg, Russia, leravasilyeva11@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the practices of entrepreneurs from the “northern far reaches” – villages with difficult and unstable logistics, which is typical for many parts of the Arctic. The article analyzes three examples from different regions: from the Nenets Autonomous District, from the west (Yenisei River basin) and the east of Taymyr (Khatanga River basin). The research data is observations and interviews collected during the summer navigation in the ports of loading, Arkhangelsk and Krasnoyarsk, as well as on board of a cargo ship and during unloading goods in the village. It is shown that the issue of materiality in purchasing, packing and unpacking cargo in the village turns out to be central for this professional group. Northern logistics impose a number of specific constraints on what goods can end up on the shelves of a village store. There are different kinds of cargo inside the container, among them beneficial goods, goods of obligation and goods of friendship in such a balance of the material and social that it remains potentially profitable for the entrepreneur. The range of goods delivered to the village is the result of an established convention regarding the necessary minimum between the entrepreneur and the local community. The amount of cargo placed in the container is not strictly fixed. It depends on the possession of practical skill in handling the goods. A unique competence in this professional community is that, due to extensive experience, the uncertainty regarding the transformation of cargo in transit is amenable to forecasting and planning. Understanding the rationality behind a private entrepreneur's decision to purchase certain goods sheds light on which goods, due to their material properties, are excluded from circulation and their availability in the villages can be attributed solely to alternative sources of obtaining goods.

Keywords: materiality, social life of things, goods, commodities, provisions, logistics, entrepreneurship, North, Arctic

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the project “Nutrition in the Russian Arctic: Resources, Technologies and Innovations”, Russian Science Foundation, grant No. 19-78-10002.

For citation: Vasilyeva, V.V. (2024) “The Container is almost Infinitely Expandable”: The Role of Materiality in Entrepreneurship in the North. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 164–191 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/8

Обращение к материальности в социальных науках – далеко не новый тренд. Так называемый поворот к материальному случился 40 лет назад, а с первого обращения социальных исследователей к вещам как центральным для рассмотрения социальных явлений прошло и вовсе более

столетия (Вахштайн* 2006). Наиболее актуальным для социологии направлением до сих пор остается акторно-сетевая теория, антропологам же наиболее близки исследования социальной жизни вещей, теоретическую основу которых заложили А. Аппадурай и И. Копытофф (Appadurai 1986; Kopytoff 1986). В рамках этого направления исследовательский фокус направлен на вещи и практики их использования. Потребление в этой перспективе выступает как «в высшей степени социальный, относительный и активный процесс, а не частный, атомизированный и пассивный» (Appadurai 1986: 31). Вещь предлагается рассматривать в движении, как в буквальном смысле – в перемещении между различными локациями и владельцами, так и в переносном, например, в отношении возрастных периодов и связанных с ними социальных значений вещи. Предмет не изначально обладает определенным смыслом, а одновременно наделяется множественными значениями – варьирующимися для разных людей и ситуаций и меняющимися со временем (Kopytoff 1986).

Исследуя северное предпринимательство¹, я неоднократно удивлялась тому, сколько усилий направлено на «обуздание» материальности предметов, с которыми предприниматели имеют дело: товары освобождаются от своих упаковок и перегруппировываются, свободное пространство заполняется мелкими товарами, а неидеально подходящие друг другу ряды коробок в контейнере безжалостно разбираются и выкладываются заново. Навыки правильной упаковки настолько важны, что часто ради этого предприниматель приезжает в точку погрузки лично. В этой статье я сосредоточусь на материальных предметах, манипуляции с которыми определяют успешность работы северного частного предпринимателя во время летней перевозки товаров морскими и речными судами. Главным героем повествования станет грузовой контейнер и помещаемые в него товары. Проследив путь товара от принятия решения о его закупке до распаковки его из контейнера в месте назначения, я покажу, что конечная конфигурация грузов, завозимых в частный магазин в поселке, зависит как от материальных, так и от социальных факторов. Это поможет понять, какие товары за счет их материальных свойств оказываются исключены из циркуляции и их наличие в поселке может быть связано исключительно с альтернативными магазину каналами получения товаров.

Основными материалами служат наблюдения в двух портах загрузки: в Архангельске и Красноярске. Эти порты являются основными для предпринимателей из небольших северных поселков: Архангельск – для поселка Моржовое² на востоке Ненецкого автономного округа (сентябрь 2022 г.), Красноярск – для поселка Енисейское на Западном Таймыре

* Вахштайн В.С. включен Минюстом РФ в реестр физических лиц, выполняющих функции иностранного агента (22.04.2022).

(июнь–июль 2022 г.). Полевая работа на Енисее включала в себя также наблюдение на борту грузового судна, с которым я прошла путь из Дудинки до Енисейского и имела возможность наблюдать разгрузку товаров. Еще одним важным кейсом станет интервью с предпринимательницей из поселка Торосное на Восточном Таймыре. Для этого поселка у меня нет наблюдений в точках загрузки и выгрузки, что отчасти компенсируется длительной полевой работой в предыдущие годы. Кроме того, он снабжается из тех же портов – Красноярск и Архангельск, что позволяет хорошо представлять контекст обсуждаемого в интервью. Объединяющим принципом в выборе именно этих населенных пунктов послужило их типологическое сходство: все они представляют собой малые сообщества, транспортная доступность в которые затруднена и централизованный завоз в которые осуществляется только силами частных предпринимателей. Это поселки, которые официально связывает с «материком» только авиасообщение, а все наземные перевозки осуществляются исключительно сезонно. Грузоперевозки водой обеспечивают значительную долю завозимого в эти поселки груза, но при этом нередко отсутствует постоянный перевозчик, с которым ежегодно можно заключать типовые контракты. И если из Красноярска часть грузов завозится Енисейским речным пароходством, то в Архангельске перевозчик по Белому и Печорскому морю меняется из года в год. Это связано как с нестабильной конъюнктурой рынка грузоперевозок, так и с трудностью выгрузки на необорудованный берег в Моржовом и небольшими объемами груза. В случае Торосного же точки загрузки меняются согласно указаниям Хатангского морского порта, регулирующего все немногочисленные судоходы.

Предпринимательница из Моржового Евгения Васильевна (ок. 70 лет) владеет одним из двух магазинов в поселке и, в отличие от своего конкурента, занимается не только завозом частного коммерческого груза, но и заключает госконтракты с учреждениями села. Предпринимательница из Енисейского Таисия Николаевна (ок. 60 лет) с дочкой Натальей (ок. 40 лет) раньше владели несколькими магазинами в низовьях Енисея, а сейчас в основном занимаются закупками для социальных учреждений этих поселков; основными снабженцами Енисейского является семья, чья закупка проходила параллельно Таисии Николаевне, а завоз товаров осуществлялся обеими семьями на одном судне, поэтому мне удалось отчасти пронаблюдать также и их практики. Что касается Торосного, местная предпринимательница Акулина Ивановна (ок. 55 лет) содержит один из двух официальных магазинов поселка (есть также одна-две семьи, торгующие на дому неофициально). Все они приезжают в порты закупки лично, проводя в них по несколько недель, при этом закупок за сезон навигации может быть две или три.

В Архангельске семья Евгении Васильевны арендует для загрузки ангар на территории заброшенной судовой верфи, в Красноярске Таисья Николаевна и Наталья, а также их конкуренты занимают отдельную площадку на территории Красноярского порта. Обычно первые несколько дней уходят у предпринимателей на заказы на закупочных базах. После этого они приступают к сортировке и загрузке, которые и далее могут перемежаться с закупочными сессиями.

Теоретический контекст

Контейнеры стали использоваться для перевозки грузов в 1950-е гг. и совершили настоящую логистическую и экономическую революцию в мире благодаря своей стандартизованности, позволявшей значительно рационализировать пространство на морских судах (Levinson 2016). Сегодня они стали «иконкой глобализации» (Klose 2015) – символом распространения универсальных практик по всему миру. Контейнеры воображаются беспрестанно циркулирующими между мировыми портами, безликими инструментами оптимизации логистических процессов, вместилищами стандартного количества грузов. Однако на практике социальная жизнь контейнеров значительно богаче: она исторически и регионально специфична и является продуктом определенных нужд, верований, материальных условий (Osborn 2018). Согласно статистическим подсчетам контейнеров 2015 г., две трети из них не участвуют в грузовых операциях, а используются для хранения или переоборудованы (Klose 2015: 333–339). Контейнеры успешно встраиваются в локальные культурные практики в самых отдаленных уголках мира: так, на Таймыре контейнеры стали дополнением используемым ранее каркасным конструкциям – балкам и сараям, получив свою особую функцию и окончательно «седентаризовавшись» в поселках (Давыдов 2023).

Кроме того, как показала Х.О. Хауген (Haugen 2019) в своей этнографии загрузки товара в морские контейнеры для отправки из Китая в Нигерию, несмотря на стандартизированный размер контейнера, пространство внутри него социально организовано в разных отношениях. Во-первых, оно мысленно разделяется предпринимателями в зависимости от различного назначения денег, которые будут выручены от продажи товаров (earmarking). Во-вторых, вокруг эффективности его загрузки формируются целые индустрии, в том числе основанные на манипуляциях с объемами товаров. Вакуумирование товаров для уменьшения их объемов стало отдельной сферой услуг в Китае, а производство товаров подстраивается под дальнейшее наиболее эффективное упаковывание. Кроме того, выборочные досмотры контейнеров в пути становятся не просто бюрократической процедурой, а значимой потерей для бизнеса в связи с тем, что часть спрессованных товаров невозможно упаковать об-

ратно. Вследствие этого между предпринимателями и работниками та-можни формируются неформальные отношения, позволяющие избегать этих издержек. Таким образом, автор показала, что пространство кон-тейнера не представляет собой неизменного объема, независимого от действий людей, загружающих его товарами, а, напротив, в определен-ной мере производно от них. Стандартизированный размер контейнера подобен денежным единицам, которые, как показала В. Зелизер (2004 [1994]), также только на первый взгляд равны и безличны, однако на практике оказываются наполнены разным социальным значением. В случае с контейнером метафора наполненности значением имеет также буквальный смысл.

Контейнер обладает рядом особых материальных свойств. Как отме-чали редакторы подборки статей, посвященной социальной жизни кон-тейнеров (Shryock, Smail 2018), этот артефакт помогает агрегировать сходные предметы, упорядочивать хаотичный мир вещей. Контейнер представляет собой капсулу, в которой некоторое время оказываются изолированы, «поставлены на паузу» материальные предметы. Однако то, что поступает в контейнер, и то, что выгружается из него, оказыва-ются разными сущностями. Пребывание в контейнере трансформирует его содержимое в разных отношениях (Greenland 2018: 19): как в описан-ном Ф. Гринланд случае теневой торговли культурными ценностями, вывозимыми благодаря сфабрикованному происхождению и данных о владельце, так и вполне буквально – в случае перевозки продуктов, ме-няющих свои свойства под воздействием длительной транспортировки и тряски.

Как показала А. Цзин, глобальная связанность не означает, что прак-тики повсюду становятся унифицированными, а, напротив, глобальное взаимодействие содержит в себе значительную долю неожиданности и нестабильности – того, что автор называет трением (Tsing 2005). Соци-альная реальность в разных точках этой сети циркуляции значительно различается в отношении принятых представлений и практик. Логистика как устоявшаяся дисциплина, призванная оптимизировать транспортные и складские издержки, представляет собой продукт «западного» обще-ства (Cowen 2014), и практики циркуляции товаров на «обочине капита-лизма» могут значительно отличаться (Schouten, Stepputat, Bachmann 2019). Частные предприниматели, особенно те, которых исследую я, – песчинки по сравнению с общим объемом перевозимых водным транс-портом грузов. Однако случай предпринимателей интересен, поскольку торговцы выполняют функции медиации между различными системами обмена (Kopytoff 1986: 88–89), определяют спрос и предложение (Appadurai 1986: 33), связывают между собой различные культурные си-стемы, и при этом порой влияют на них.

Данное свойство торговцев блестяще проанализировала Х.О. Хауген в статье, посвященной случаю китайской предпринимательницы, наладившей производство и продажу в Нигерии кабелей электропитания ниже международного стандарта, что повлекло за собой длинную цепочку последствий (Haugen 2018). Нестандартные кабели оказались пожароопасными и нередко вызывали возгорания в частных домах. Материальные свойства этого предмета не предполагают возможности проверить его качество непосредственно: площадь медного проводника в кабеле не оценить визуально, тем более если он уже проложен внутри стен дома. Таким образом, в терминах акторно-сетевой теории из товара кабелей электропитания превратились в спутанный (*entangled*) объект – такой, который может быть познан только через сопровождающих его акторов, в данном случае продавцов электротоваров. Теперь качество этого предмета определяется исключительно через доверие к его продавцу. Таким образом, приезд предпринимательницы из Китая и ее посредничество в удовлетворении существовавшего спроса на более дешевые кабели стали критическим моментом (Boltanski, Thévenot 1999), переконфигурировавшим весь рынок продажи электротоваров и строительства. Рассмотрение этого случая в таком контексте позволяет увидеть связь между единичным событием – микроуровнем взаимодействия – и макроэкономическими процессами.

Рассматриваемые в статье перевозки контейнерами в летнюю навигацию представляют собой только один из элементов в годичном цикле снабжения. За счет больших объемов и дешевизны перевозки водой этим путем обычно следуют крупные товары низкой себестоимости и длительного хранения (соки, ультрапастеризованное молоко, алкоголь, крупы, мука, консервы, некоторые овощи, хозтовары). В зимний период запасы этих продуктов пополняют с помощью наземного транспорта – по зимнику или бездорожью на вездеходах, трэколах, снегоходах. Авиатранспорт используется для перевозки «скоропорта»: фруктов, яиц, кисломолочной продукции. Кроме того, самолетом перевозятся товары длительного хранения определенных категорий: высоколиквидные товары (колбасы, мелкая бытовая техника) и продукты с большим объемом и малым весом (чипсы), обычно именно в таком сочетании внутри одной партии. Эти поставки будут не крупными – менее тонны – и по возможности частыми.

Помимо частных предпринимателей и менее распространенных способов завоза продукции – потребительских обществ, приезжих торговцев (Stammler 2011; Ventsel 2011, 2017; Васильева 2021: 92–100), плавучих магазинов (Агапов 2022), – в северных поселках существует также целый ряд низовых способов обеспечения. Подобно тому, как в сообществах может быть несколько параллельных систем обмена, по которым можно получить ресурсы разного типа (Polanyi 1956, цит. по Зелизер

2004 [1994]; Bohannan 1959, цит. по Kopytoff 1986), в небольших арктических сообществах, связанных тесными социальными связями между собой и с окружающими территориями, обеспечение нередко складывается из нескольких компонентов.

Значительная часть потребностей удовлетворяется благодаря высокой мобильности северян: от возможности поехать в соседний поселок на личном снегоходе до оплачиваемого отпуска (Змеева 2010; Замятина 2016; Васильева, Карасёва, Болотова 2020). Альтернативный источник снабжения представляют собой социальные сети. Практически повсеместно распространены обменные связи с родственниками: мясо и рыба из тундры/поселка завозятся в город, а товары промышленного производства – в обратном направлении (Васильева, Гаврилова 2022). При этом такие цепочки обменов характерны не только для малых труднодоступных сообществ, но и, к примеру, для землячеств в крупных городах³: так, между Дагестаном и ЯНАО благодаря работе социальных сетей циркулирует халяльное мясо и другие локальные продукты, деньги, мебель и даже мертвые тела (Капустина 2020, 2022). Кроме того, существующая в поселке инфраструктура «достраивается» подсобными хозяйствами, например, теплицами, контейнерами и ярангами, что позволяет получать и сохранять более широкий спектр пищевой продукции (Давыдова, Давыдов 2021). Траектории продуктов, оказавшихся на одном столе, трудно идентифицировать, и чтобы восстановить «пути пищи» (Давыдова, Давыдов 2020), требуется особое антропологическое внимание. Таким образом, экономика домохозяйства складывается из товаров, полученных из различных источников⁴, и поселковый магазин – лишь один из них. Тем не менее он служит удовлетворению потребности в основных продуктах и составляет базу, «достраиваемую» альтернативными путями получения ресурсов.

Материальные свойства продуктов на Севере уже становились предметом рассмотрения антропологов. Изобилие просроченных товаров в магазинах стало настолько типичной северной чертой, что оно обычно не проблематизируется самими жителями и воспринимается как неизбежность. Однако, по наблюдениям Е. Давыдовой и В. Давыдова (2022), в случае крупных торговых сетей на Чукотке речь идет об инфраструктурном неравенстве: на отдаленные территории завозятся продукты с уже истекшим сроком годности, которые не смогли вовремя сбыть на юге Дальнего Востока. Таким образом, нормализованность просрочки в определенных регионах используется как бизнес-стратегия. Этот случай, тем не менее, представляет собой скорее исключение. Торговые сети – относительно редкое явление на Севере, и частные предприниматели, как правило, владеют всего одним или несколькими. Для них продажа просроченной продукции – скорее вынужденная мера, связанная с сезонным характером завоза и большими транспортными издержками.

В случае скоропортящихся продуктов ситуация усугубляется тем, что невозможно оценить, сколько времени займет перевозка, поэтому нередки случаи, когда товар приезжает уже после истечения срока годности.

Продукты питания сложным образом категоризируются как продавцами, так и покупателями (Давыдова, Давыдов 2022; ср. «самая свежая просрочка», Там же: 153). «Просрочка» может быть помещена продавцом среди остальных товаров в случае, если срок годности истек недавно или продукт входит в число стойких к выходу срока годности (например, сахар, крупы, мука медленно теряют свои потребительские качества), или оказаться выложенной в специально отведенное место и уценена. Полка с «просрочкой», разумеется, никогда не будет обозначена явно, однако расположение и стоимость безошибочно укажут покупателю на то, что срок годности истек. Часть просроченных продуктов подвергается переработке: например, появление в продаже свежепросоленных огурцов почти наверняка указывает на попытку «спасти» портящиеся свежие огурцы. То же относится к соленым и квашеным продуктам, домашнему варенью или ватрушкам с джемом. Покупатели, в свою очередь, крайне внимательны к состоянию и «возрасту» продуктов в магазине, к тому, когда и какие продукты завозятся. При общении продавцов и покупателей на Чукотке нормативным считается непроговаривание вопроса просроченности, подкрепляющее отношения доверия между ними (Давыдов, Давыдова 2022). Таким образом, взгляд покупателя на Севере отличается вниманием к материальному состоянию самого товара, путем его появления и длительности пребывания в поселке.

Наконец, в рамках рассмотрения материальных аспектов пищевых продуктов следует коротко коснуться исследований культурного конструирования вкуса пищи и ее эмной категоризации. Так, было показано, что вкус мяса члены сообщества определяют отношением к животному во время забоя (Давыдова, Давыдов 2021), и если для продажи на европейском рынке важны санитарные нормы и использование современных технологий, обеспечивающих западное понимание гуманной смерти для животного, то в чукотской культуре значительно важнее соблюдение ритуала заклания и правильные взаимоотношения с оленем. И даже если происхождение мяса неизвестно, по вкусу, запаху и цвету крови местные жители легко идентифицируют «биографию» мяса (Рахманова, Давыдова, Давыдов 2022). При этом чувственное восприятие еды – меняющаяся норма, связанная в том числе с взаимодействием разных пищевых культур (Yamin-Pasternak et al. 2014). Отдельные заимствования, такие как использование лапши быстрого приготовления при перекочевках, так прочно укореняются в практиках местного населения, что переконфигурируют

другие аспекты культуры (Рахманова 2022). При этом разделение пищевых привычек является основой для формирования общей идентичности и поддержания социальных контактов (Yamin-Pasternak, Pasternak 2021).

Итак, проблема материальных свойств грузов и их вместимости – транспортно-контейнерная – оказывается в центре предпринимательской деятельности на Севере. Как я покажу далее, значительные усилия северных предпринимателей направлены на замедление материальной трансформации груза, а правильные манипуляции с, казалось бы, стандартизированным объемом контейнера представляют собой часть их профессионального навыка и оказываются залогом экономической успешности.

Пути грузов

I. Что попадает в контейнер: фильтрация. В этом разделе я рассмотрю, каким образом классифицируется и отфильтровывается предпринимателями потенциальный груз. Я выделяю несколько логик отбора груза: 1) баланс доходности и обязательств по обеспечению локального сообщества базовыми продуктами; 2) ориентирование на вкусы и потребности местного населения; 3) стойкость к перевозке и сроки хранения; 4) баланс веса и объема. Можно заметить, что данные классификации имеют разные основания, но при этом важно, что каждый груз оценивается предпринимателями сквозь призму каждой из приведенных логик. Таким образом, решение, брать или не брать конкретный товар в контейнер, – это результат оценки по нескольким параметрам, не по всем из которых он может оказаться предпочтительным.

Дилемма выбора между выгодным товаром и «базовым» продуктом. Существует круг товаров, которые входят в «базовые», «обязательные» – такие, отсутствие которых в поселке, по мнению предпринимателя, местные жители восприняли бы как проблему. «Джентельменский набор» грузов включает в себя консервы в стеклянных и жестяных банках, крупы, сахар, соль, муку, чай и кофе, варенье, мучные кондитерские изделия долгого хранения, соки и лимонады, а также «заморозку» – мясо и полуфабрикаты. Этот список ожидаемым образом во многом пересекается со списками продуктов, перевозка которых субсидируется региональными программами, однако далеко не всегда предприниматели имеют возможность этими программами воспользоваться – часто официальные требования к оформлению такой перевозки не учитывают локальной специфики. Например, для закупки товаров для загрузки целого вертолета предпринимательница из Моржового расходует практически все свои оборотные средства. Кроме того, в «базовые» товары могут входить регионально специфичные позиции, которые без субсидии завозить оказываются совсем затруднительно:

Инф. 2: Полконтейнера забивается [субсидируемыми товарами]: мука, сахар. [...] Макароны изделия, да.

Инф. 1: И то подружка говорит. Субсидия и... Если бы еще полностью... возмещали все эти затраты. А подружка говорит: как нам было бы хорошо без этих продуктов, да? Ага, говорю. Ну, мука, сахар так много занимает. А представь – вольготно без них. Как... сколько всего можно грузить! И стройматериалы, и немножко мебели. Ну, всего, что интересно, да? А там просто одно и то же (смется) – мука, сахар, соль, макароны. Растительное масло. А так стараемся... Вот зимой, наверное. Но все равно же стараемся понемногу, чтобы и обои были. Чтоб клей обойный, чтоб... Профлисты были, чтоб ДВП было.

При этом есть целый ряд товаров, которые дают предпринимателю гарантированно высокий доход. В первую очередь, речь идет об алкоголе – товаре высокого спроса, который можно продавать по сколь угодно завышенным ценам, что обычно обеспечивает «подушку безопасности» на случай непредвиденных издержек. Кроме того, существует ряд специфических товаров, которые оказываются крайне выгодны к перевозке и при этом востребованы сообществом. Обычно это небольшие легкие предметы, которые комбинируют с тяжелыми (см. ниже о логике балансирования между весом и объемом), их перечень может варьироваться в зависимости от населенного пункта. Например, предпринимательница из Торосного выделяет следующие товары, которые *«спасают чью-то цену»*: спички, салфетки, туалетная бумага, чупачупсы, зажигалки – в расчете на их вес стоимость перевозки оказывается незначительной и итоговая цена может быть без ущерба завышена в счет уменьшения наценки на другие тяжелые и крупные предметы. «Базовый» товар не обязательно будет «невыгодным», но нередко оказывается таким. Так, при расчете наценки на килограмм веса товара цена тяжелых и дешевых «базовых» товаров может увеличиться почти вдвое, что не позволяет предпринимателю заложить туда еще и свою прибыль.

Приобретение товаров, соответствующих вкусам жителей поселка. Выбор между одной и той же торговой позицией часто осуществляется не произвольно, а с учетом местных предпочтений. Так, Евгения Васильевна на одной из архангельских закупочных баз объясняла мне, что в лечо и в остальных консервированных салатах необходимо внимательно отслеживать состав, потому что *«ненцы (приезжающие в поселок на закупку из тундры. – В.В.) не берут у меня с фасолью»*. Маринованные огурцы в стеклянных банках мы строго отбирали по наименьшему размеру овощей внутри, потому что *«они эстетичнее»*, а минеральную воду приобретали исключительно газированную, потому что негазированной *«хуже берут»*.

Кроме того, предприниматели знают о специфических потребностях населения. Все три поселка, находящиеся в центре повествования в этой статье, оказались сходны в своей потребности в кухонной клеенке в рулонах (*«Я уже столько клеенок в поселок навезла! Когда они только появились, то как горячие пирожки разлетались!»* – Моржовое). Предпринимательница из Торосного Аксиныя Ивановна объясняет это тем, что

клеенка используется жителями не только для покрытия стола, но и вместо моющихся обоев, особенно в тундровых балках. Она же без труда перечисляет и другие локальные потребности. В их число входят хозяйвары, слишком громоздкие для того, чтобы поселковые жители сами привезли их себе из отпуска: кастрюли, чайники, тазы, ведра (пластиковые, используемые как туалетные, и эмалированные), алюминиевые баки, постельное белье, подвесные замки, пластиковые панели для отделки кухонных стен, ЭВА-сапоги («дошираки»), валенки, краска для обработки перед летним сезоном традиционных лодок – веток, и даже колосники – печные решетки, которые быстро выходят из строя из-за того, что дома топят углем. Кроме того, в число наиболее востребованных товаров входят мелкие запчасти для снегоходов (свечи, ремни ГРМ), лампы накаливания вместо энергосберегающих (по мнению жителей, вторые хуже горят при низких температурах, поэтому неудобны в использовании в неотапливаемых помещениях), гели для стирки, предпочитаемые из-за того, что жители поселка обзавелись современными стиральными машинами и стремятся продлить срок их службы, не используя стиральный порошок. В то же время есть ряд товаров, которые предпринимательница попыталась завезти в качестве потенциально полезных в поселке инноваций, однако подставка для спирали от комаров, обеспечивающая ей безопасное горение, держатели для полотенец необычной конструкции, моющиеся обои вместо клеенки и пинцет для удаления костей из рыбы оказались непоняты населением («До сих пор лежат [пинцеты], Лера! Я говорю: “А ты что пинцет не помнишь, [что был]?” А они говорят: “Руками удобнее. Я не понял, может вы брови так это”»).

Показательно, что некоторые товары не завозятся по взаимной договоренности с сообществом. Так, невыгодную к перевозке мягкую мебель предпринимательница призывает приобретать в частном порядке: «Поэтому я говорю: “Девочки, сами, сами!”. Ну, родственники же есть в Красноярске, знакомые. Там есть услуги в Красноярске, кто там. Есть специальные люди, которые закупают и отправляют заказы». Впрочем, Акси́нья Ивановна даже в этом случае помогает односельчанам доставлять товары на последнем плече перевозки: от Хатанги, куда они прибывают самолетом, до поселка. Пластиковые бочки для воды, по ее словам, жители также массово приобретают в соседнем якутском поселке, завоз в который значительно облегчен наличием накатанного зимника. Многие другие категории товаров также приобретаются жителями поселка самостоятельно во время поездок в отпуск. Это, в первую очередь, касается техники и запчастей к ней, а также электроинструмента. Часть товаров производится прямо в поселке: так, высоко востребованные варежки-муфты на руль снегохода предпочитают шить самостоятельно – варежки промышленного производ-

ства оказываются недостаточно теплыми для местных условий. Таким образом, часть потребностей местного населения восполняется частными усилиями, и их перечень может стать предметом эксплицитной договоренности между местными жителями и предпринимателем.

Переносимость транспортировки. Данный критерий отбора товаров включает в себя отслеживание сроков годности и практические знания о метаморфозах товара во время его перевозки контейнером. Наиболее наглядно алгоритм отбора можно продемонстрировать на примере закупки Евгении Васильевны в Архангельске. Одной из ключевых точек закупки для нее была «Печенюшка» (обиходное название) – оптовая база, торгующая кондитерскими изделиями, где мы однажды провели целое утро, выбирая товар. В отличие от закупки в сетевом гипермаркете накануне, здесь Евгению Васильевну практически не интересовала дата изготовления – по умолчанию предполагалось, что все представленные товары свежие. Нередко не смотрела она также и на сроки годности – для большинства товаров она знала их наизусть, лишь некоторые подвергались досмотру в поисках этих цифр. Принцип отбора был прост: она смело набирала большое количество кондитерских изделий с длительными сроками хранения и очень выборочно «соблазнялась» на скоропортящиеся продукты. Особенно трудным был для нее отказ от профитролей с белковым кремом, хранящихся всего 10 суток. Она даже попросила своего сына позвонить перевозчику с уточнением по поводу того, когда же отправится судно и сколько оно будет идти. Примечательно, что сотрудница базы, присоединившаяся к нам ближе к концу нашей обзорной прогулки по ангару и отлично знавшая, что Евгения Васильевна везет продукты в удаленный поселок, комментировала каждую позицию не с точки зрения формальных сроков годности. Она делилась опытом сохранности печенья, в частности, недавним опытом продажи кондитерских изделий в жару («это привередливое», «это выдерживает»).

Примеры внимательности к качеству, казалось бы, одинаковых позиций товаров многочисленны. Так, в Красноярском крае, где поставки осуществляются из сельскохозяйственных районов юга региона, распространено мнение, что приобретение картофеля непосредственно «с полей» нежелательно: непросушенный, за время транспортировки в контейнере он может полностью сгнить. То же относится к другим овощам: для отправки на Север годятся только определенные сорта. При этом важны также условия перевозки: например, предприниматели из Енисейского капусту перевозят исключительно в сетках в открытом хранении на судне, а лук – внутри контейнера, однако с приоткрытыми дверцами, в которые для этого вставлены клинышки. В поселке Усть-Нера на Колымской трассе, примерно равноудаленном от Якутска и Магадана, нередко выбирают между этими двумя точками загрузки, соглашаясь именно с фактором качества: *«В основном сейчас огурцы, вот скоропорт*

идет китайский [через Магадан]. Китайский – не хранится долго. То бишь огурцы мы не можем заказать там двадцать, тридцать ящиков. Потому что он придет – это все в кашу превратится. А вот, допустим, с Якутска заказываешь новосибирские. Они тоже, китайцы, это растят, но новосибирские. Ну он по качеству более-менее».

Дилемма баланса веса и объема. Наконец, в дело вступает фактор, касающийся не столько непосредственно отбора товаров, сколько их «сочетаемости» между собой внутри контейнера. Эта дилемма связана с методикой вычисления наценки на товар, применяемой северными предпринимателями. Во всех трех случаях она заключалась в делении стоимости перевозки контейнера на количество перевезенных килограммов и получении таким образом стандартной цифры, которая будет использована для расчета итоговой стоимости большинства товаров. При этом для очень тяжелых и очень легких товаров эта наценка корректируется, принимая во внимание размер этих предметов и их изначальную себестоимость: для тяжелых дешевых предметов малого объема (например, колосников, о которых шла речь выше) наценка может быть занижена, для легких востребованных – завышена (вспомним «спасающие цену» спички, салфетки и туалетную бумагу из начала раздела).

При этом часть грузов, в которых испытывает потребность местное население, оказывается невыгодной даже с учетом манипуляции наценкой. Так, объемные предметы даже при наценке выше установленной стандартной суммы будут нерентабельны: диван, который займет половину контейнера, сделает наценку на продукты, едущие вместе с ним в одном контейнере, крайне высокой. Чтобы привести стоимость перевозки к стандартной сумме, оставшееся пространство контейнера должно быть заполнено тяжелыми, необъемными и дорогими вещами, которых в северных поставках немного. Тем более невыгодны тяжелые объемные предметы низкой стоимости: к примеру, предпринимательница из Моржового привозит небольшие партии арбузов исключительно из-за просьб местного населения, и в логике чисто экономического поведения этот товар вообще бы не завозился. Интересен сам алгоритм принятия решения: так, Евгения Васильевна раздумывала о покупке брусники у архангельской знакомой, для которой единицей измерения товара служили литры. Евгении Васильевне потребовался «перевод» в ее систему измерений: выяснив, что на два литра приходится около одного килограмма ягод, она отказалась от покупки, придя к выводу, что их перевозка окажется для нее невыгодна.

Итак, оптимальным методом загрузки контейнера считается соблюдение баланса между легкими и тяжелыми, а также объемными и компактными предметами⁵. Часто каркас составляют крупные и тяжелые предметы, а щели между ними набиваются мелкими предметами вроде

туалетной бумаги и салфеток. Кроме того, существуют устоявшиеся сочетания предметов, к которым предприниматели прибегают год от года: *«Стараемся сигареты перемешать с колбасами. Или с чем-то тяжелым. С салом. Сало, ящики. Или хозтовары, которые тяжелые»*; *«Это печенье надо тоже с замками отправлять <...> А то замки полетят сами, такие довольные. Пусть они помогают товарищам»* (Торосное). Очень легкие ЭВА-сапоги, которые предпринимательница пыталась отправить авиадоставкой (где также учитывается и вес, и объем), оказались крайне дороги к перевозке, и вместо этого их пришлось отправлять почтой. Альтернативным вариантом было набивание каждого сапога тяжелыми предметами, например, навесными замками или крупной.

Загрузка. В этом разделе речь пойдет о непосредственном взаимодействии с материальностью контейнера – его загрузке товарами. Навык загрузки контейнера для северного предпринимателя имеет большое значение – благодаря этому стоимость перевозки снижена, а защита груза от повреждений может быть обеспечена должным с его точки зрения образом. Этому навыку обучаются на практике – он вырабатывается в результате многократных ошибок.

Всеобщее распространенной, почти безальтернативной практикой является аренда контейнеров для каждой конкретной перевозки. В связи с этим его реальное материальное воплощение каждый раз оказывается непредсказуемым и его обустройство под специфические северные логистические условия требует ситуативных решений. При этом следует сказать, что нестабильность схем завоза, характерная для предпринимательской деятельности на Севере, и здесь накладывает свой отпечаток. Так, предпринимательнице из Моржового пришлось не первый раз за год в последний момент менять логистическую схему: компанию-перевозчика и контракт на перевозку. Оказалось, что компания не может предоставить в аренду контейнеры, поэтому Евгения Васильевна была вынуждена искать их сама. Решением стали постсоветские инфраструктурные руины, которыми изобилует поселок: среди них удалось найти несколько относительно сохранных речных контейнеров, которые после небольшого ремонта стали пригодны для использования и отправились в Архангельск на попутном судне. В случаях Западного и Восточного Таймыра контейнеры в аренду предпринимательницы получали от Енисейского речного пароходства (ЕРП), однако контейнерный парк там был также довольно старым и требовал усилий для приведения их в рабочее состояние: ЕРП заменяло только те контейнеры, которые были очевидно непригодны для перевозки. Одна из причин такого их состояния, помимо солидного возраста, стала понятна благодаря наблюдению за разгрузкой судна: в плохую погоду, когда требуется укрытие от дождя, пустые контей-

неры, ожидающие отправки в следующую «ходку» в Красноярск, могут использоваться командой судна и приближенными местными жителями для жарки шашлыков и посиделок.

Для Красноярска в обязательный перечень процедур входят следующие: выпрямление стенок контейнера, если есть перекося, мешающий нормальному открыванию и закрыванию; поливание крыши контейнера водой для обнаружения щелей и дыр; заделывание этих щелей, а также затыкание любых, даже небольших отверстий в дне контейнера камешками и щепками для того, чтобы внутрь не попали крысы; прокладывание дна полиэтиленом для избегания попадания влаги. В архангельском случае, где контейнеры путешествуют при значительно более низких температурах, проблема грызунов неактуальна, поэтому напольные плинтуса демонтируют ради экономии места, зато к выстиланию дна и стенок полиэтиленом относятся намного более скрупулезно: помимо частых штормов в Северном Ледовитом океане, нередко также непредвиденные происшествия при заходе в разрушенный поселковый порт, например, посадка судна на мель и поломка контейнера при выгрузке.

В Моржовом практика упаковки в контейнер особых категорий груза, требующих соблюдения температурного режима (локальное словоупотребление: «тепло» – Торосное; «режимный груз» – Усть-Нера), ушла в прошлое: в последние годы все грузы этой категории доставляются субсидируемыми вертолетами. Однако пока такие грузы возили, это требовало значительных усилий. Сын Евгении Васильевны, всегда помогающий на загрузке, рассказывал, как для перевозки овощей он организовывал внутри контейнера утепленный пенопластом отсек: короб, в который складывал овощи россыпью в строгом порядке, организуя их по тяжести и необходимости проветривания. Замороженные продукты он также герметично упаковывал, создавая кустарный холодильник: пенопластовый короб он прокладывал фольгой. По его словам, груз мог приехать даже не разморозившись.

В Енисейское в летнюю навигацию предприниматели все же пытаются завозить скоропортящийся груз в небольшом количестве, однако упаковывают его не внутрь контейнера, а внутрь трюма на открытое хранение или для совсем небольшой порции груза даже в служебный судовой холодильник. Хранение в трюме, однако, сопряжено со значительными рисками: в рамках наблюдавшейся мной перевозки один из предпринимателей перевозил таким образом сметану. Щит, прикрывающий трюм, был закрыт почти полностью, оставалась только небольшая щель для лестницы, с помощью которой туда спускались члены команды. Поверх щита были закреплены «куколки» – товары на паллетах – и стояла лодка, а с другой стороны щит подпирали контейнеры. Из-за этого его невозможно было отодвинуть, пока контейнеры не будут выгружены. Сметану удалось «вызволить» только на второй разгрузочный день, однако к этому моменту она уже испортилась.

Набивание контейнера – ключевой момент загрузки, на него у участников уходит значительный бюджет времени. В наблюдаемом мной архангельском случае процесс составления коробок в контейнер полушутя называли «тетрисом» (реже – «пазлом»). Метафора тетриса весьма точна: ключевым элементом «тетриса» оказывается ряд – коробки от пола до потолка, выстроенные по поперечному сечению контейнера. Для создания ряда делается максимально крепкая и устойчивая основа (под нее подходят, например, коробки с алкоголем, 3-литровые банки с консервацией, стеклянные и пластиковые бутылки с лимонадом), причем крайне желательно, чтобы на нижний ряд шли только одинаковые упаковки. Доведя ряд до середины, начинается возведение следующего за ним ряда, чтобы потом использовать его как ступеньку для достраивания дальнего ряда до потолка. Середину ряда занимают более легкие и менее устойчивые упаковки: небольшие банки с консервацией, ведерки с вареньем, упаковки бумаги для принтера, мешки с картошкой, лимонад в пластиковой упаковке, жестяные банки с пивом. Наверх идет более легкое и хрупкое: в основном это кондитерские изделия, сухофрукты в больших мешках, мелкая бытовая и оргтехника (при этом внутрь коробки также непременно набивается «россыпь»), кофе, памперсы.

На упаковку контейнера тратится много сил: так, на одно и то же место может быть примерено несколько разных коробок, вес каждой из которых составляет около 10 кг. За этими коробками, если не подошла ни одна из стоящих наготове возле контейнера, приходится идти на склад и на глаз подбирать подходящую там. Коробки, мешки и ведра набиваются в контейнер со значительными усилиями, вплоть до подталкивания с разбега ногой (Евгения Васильевна, наблюдающая за завершением ряда ее сыном и их помощником: *«Там мел. Не очень-то долбим, в школе будет нечем писать»*). Здесь плотность укладки выступает благом еще и потому, что конструкция в целом оказывается гораздо устойчивей (не высыпется при открытии) и безопаснее в перевозке (меньше предметов разобьется в пути). При этом подбор упаковки подходящего размера всегда происходит на глаз: несмотря на наличие на погрузочной базе строительной рулетки, по моим наблюдениям, пользуются ей исключительно при отпиливании досок. То, подходит ли коробка, оценивается по всем трем измерениям: последняя в слое коробка должна подходить по ширине, но кроме того, она должна подходить и по высоте, иначе слой над ним будет перекошенным. В случае неполного соответствия по глубине коробка ставится у внешнего края ряда, а за ним пространство набивается россыпью или «разравнивателем» – плоскими мешками с землей (в красноярском случае для этого используются упаковки туалетной бумаги и бумажных полотенец). Более того, иногда Евгения Васильевна специально планирует докупание коробок с тем же содержимым – например, коробок с вином той же марки – для составления полного

ряда, если выясняется, что количество коробок не кратно тому, что помещается в слой. Если укладке подлежит груз необычной формы, его стараются поместить в коробку, а все свободное пространство набить «россыпью» – мелкими предметами. Помимо этого, внимательно следят за тем, чтобы боящиеся низкой температуры продукты не соприкасались с внешней стенкой.

Сочетаемости соседствующих продуктов также уделяется большое внимание: самым строго соблюдаемым принципом является несмешивание бытовой химии и продуктов питания в одном контейнере. Существует и множество частных случаев: к примеру, если рядом лежат мешки с сахаром и бутылки «в пластике» (они не упакованы в коробку, и поэтому острыми частями могут порвать мешки), то между ними обязательно будет сделана прокладка из картона; соль всегда будет лежать в нижней части контейнера, потому что в ином случае при попадании влаги может испортить товары под ней. Целостность упаковки также является объектом пристального внимания: так, Евгения Васильевна заметила, что картонная упаковка печенья пропиталась маслом (*«масло вышло»*) и у нее возникло подозрение, что печенье испортилось – по ее словам, лучше его съесть самим, чем везти испорченный продукт, который займет лишнее место.

Северные предприниматели, как ясно из этого описания, работают в режиме малых объемов груза, что в масштабах мировой логистики оказывается редкой ситуацией. Контейнер, рассчитанный на большие объемы однотипного груза, оказывается наполнен крайне разнообразным и трудносочетаемым между собой содержимым. Упорядоченность в данном случае создается не подогнанными один к одному коробками, часто специально спроектированными для того, чтобы идеально вмещаться в контейнер нужного размера, а практическим знанием и колоссальными трудозатратами, которые в расчете конечной стоимости не учитываются. Пренебрежение к временным и физическим затратам представляет собой полную противоположность «западного» понимания логистики, где труд живого человека, считающийся очень дорогим, стараются минимизировать.

При этом представление о том, что при упаковке контейнера действует принцип простой максимизации пользы от использования пространства (*«чтобы мышь не проскочила»*, как говорили при погрузке в Красноярске), на практике не всегда соответствует действительности. Если в Красноярске я обратила внимание только на усилия по набиванию, то при погрузке в Архангельске благодаря разногласиям между членами семьи по этому вопросу стало ясно, что в данном случае речь идет скорее о трудном балансе между максимально эффективным использованием пространства и трудностями разгрузки. Так, дети Евгении

Васильевны, регулярно осуществляющие загрузки и никогда не участвующие в выгрузке, стараются максимально плотно набивать контейнер (их коронная шутка: при закрывании особо плотно набитого контейнера написать послание разгружающим вроде «Счастья вам!»), однако предпринимательница тщательно следит за тем, чтобы они не усердствовали чрезмерно. Камнем преткновения обычно выступает «россыпь» – мелкий товар, вынутый из упаковки и используемый для заполнения пустот. Дело не только в риске порчи товара или трудозатратах, но и в том, что «россыпь» приходится после выгрузки собирать в пакеты, причем чаще всего хаотично, что захламляет поселковый склад и иногда заставляет Евгению Васильевну забывать о тех или иных товарах.

Последнее, на чем следует остановиться при рассмотрении материальных аспектов загрузки, это итоговый вес набитого контейнера. С формальной точки зрения, предельная допустимая норма загрузки речного контейнера – три тонны. Однако и в красноярском, и в архангельском случаях перегрузка контейнеров – не редкость. В Красноярске главную опасность перегруза видят в том, что при тряске на корабле контейнер перекосятся и откроется, и чтобы предотвратить такое развитие событий, углы контейнеров перетягивают крест-накрест стальной проволокой. В некоторых случаях, впрочем, контейнер даже не удастся сдвинуть с места: Таисия Николаевна со смехом рассказывала про своего коллегу, который однажды так загрузил контейнер солью, что 5-тонный кран не смог поднять 3-тонный контейнер. В Архангельске в качестве курьезного случая фигурирует схожий сюжет: во время погрузки краном у контейнера от перегруза отвалилось дно. Однако, как с большой гордостью отмечали рассказчики, товар был так плотно упакован, что стенки даже не развалились, поэтому они просто опустили контейнер на землю и заварили его не разгружая.

Выгрузка и жизнь вещей в поселке. В данном разделе будет прослежена дальнейшая судьба этих плотно утрамбованных и герметично закрытых в контейнере вещей, проведенных в дороге неопределенное количество времени – от недели до месяца, прежде чем оказаться в конечной точке назначения и быть выгруженными на необорудованный берег перед поселком. Что предстанет перед взором грузчиков неизвестно пока контейнер не откроют. Более того, в некоторых случаях для того, чтобы оценить сохранность товаров, визуального осмотра недостаточно и нужны дальнейшие проверки: так, в один из годов в Моржовом при выгрузке контейнеры упали в воду. Несмотря на то, что они были успешно подняты со дна, многие продукты, такие как картофель, капуста и морковь, оказались испорчены – за время нахождения в море они успели просолиться. Еще один пример: контейнер, собранный в частном порядке жителями этого же поселка, не обладавшими к тому моменту

большим опытом упаковки товаров для перевозки, содержал куб бензина, который от перепада температур в пути лопнул, и окружающие его продукты частично остались сохранны, а частично, несмотря на пластиковую упаковку, все же пропитались бензиновым запахом.

Выгрузка в Енисейском выглядела следующим образом. Судно подошло к берегу поздно вечером, поэтому все мероприятия начались только на следующее утро. В общей сложности здесь должны были выгрузить около 20 контейнеров, принадлежавших двум предпринимателям, чью загрузку я наблюдала в Красноярске полутора неделями ранее. Помимо контейнеров, выгрузке подлежало также большое количество различного «негабаритного» груза в «куколках» и на открытом хранении. От предпринимательской семьи – владельцев большинства контейнеров – на причал пришли два брата-управляющих магазином в сопровождении четырех грузчиков. По команде братьев выгрузку начали с уровня рубки, где стояли на открытом хранении (накрытые брезентом) ящики с фруктами и овощами, а также лежали мешки с капустой. Для выгрузки «россыпи» грузчики выстроились в линию и примерно за час перекидали из рук в руки все с верхней палубы сначала на щит трюма возле трапа, а потом оттуда в машину. Для загрузки подогнали грузовик кузовом прямо к трапу. В кузове стоял человек, который распределял коробки. Принцип оказался сходным с контейнерной загрузкой, однако в облегченном варианте: к дальней стенке загрузили тяжелые коробки с арбузами, а верхний ряд составили легкие и хрупкие коробки с клубникой. Дальнейшие ряды выстраивались по тому же принципу – несколько нижних слоев набиваются чем-то немнущимся, верх – хрупким. Специально выискивались ящики с фруктами, чтобы составлять их один к одному. Также в процессе выгрузки осуществлялась сортировка: часть овощей и фруктов оставили на берегу с тем, чтобы отправить их в соседний поселок, где предприниматели также владеют магазином. Контейнеры и куколки выгружались с помощью судового крана: их также помещали в багажник грузовика по двое и перевозили к магазину, где прямо в кузове открывали и разгружали.

Вещи из «нового привоза» появляются в магазине неравномерно. Так, после описанной выгрузки скоропортящиеся продукты, фрукты и некоторые овощи появились на прилавке вечером того же дня, однако картошка была все еще из предыдущей партии и продавалась по прежней цене – 120 рублей за килограмм, хотя жители знали, что когда она закончится, новая будет продаваться дешевле. Распространение слухов о содержании нового продуктового завоза (ср. с описанным в (Давыдова, Давыдов 2022) чукотским случаем) было очень стремительным. Еще не все контейнеры были выгружены, когда в бухгалтерии администрации я

услышала, как сотрудники обсуждали, что «говорят, привезли баклажаны по 150», и торопились как можно быстрее освободиться с работы, чтобы «отовариться».

Интересно, что в случае Моржового к выгрузке допускают не любых поселковых мужчин, а лишь круг доверенных лиц, представляющих собой «актив» поселка. Выгрузка контейнера, таким образом, по важности оказывается в одном ряду с рейдами по отпугиванию белых медведей или поиску потерявшегося в тундре снегоходчика, что еще раз подчеркивает значимость наличия специализированного навыка работы с упакованным в контейнер грузами. На Севере выгрузка контейнера – это именно особые навыки и умения, а не простая механическая работа, требующая лишь физической подготовки.

Проследивая путь товаров от начальной точки – отбора на закупочных базах и в оптовых магазинах – до попадания на прилавок, можно заметить, насколько разнообразны их метаморфозы: они будут несколько раз подвергнуты пересортировке, с высокой вероятностью изъяты из своих упаковок для оптимизации использования пространства, подвергнуты деформации в процессе перевозки. Кроме того, несмотря на все прикладываемые предпринимателями усилия, поразительно большое количество товара окажется непригодным для продажи, а еще часть не раскупится к сроку и будет либо уценена, либо утилизирована. Говоря о высокой стоимости продуктов на Севере, важно отметить, что речь идет не только об объективной стоимости услуг по перевозке, но и о крайне высоких накладных расходах, которые при этом могли бы оказаться значительно выше, если бы не описанные в статье многообразные стратегии отбора и сохранения жизни продуктов.

Заключение

Марк Левинсон, написавший исчерпывающую книгу об истории транспортного контейнера, в одной из заключительных глав рассказывает о том, что благодаря произведенной контейнером логистической революции детали куклы Барби или любой иной товар могут производиться в тех частях мира, где стоимость их выпуска окажется ниже всего, а потом транспортироваться на место сборки. Он заключает: «...стоимость транспортировки все еще является фактором в уравнении затрат, но во многих случаях ее доля уже не так велика» (Levinson 2016: 359). Однако то, что безусловно справедливо для больших транснациональных корпораций, перестает быть универсальной истиной для сообществ «на обочине капитализма» и уже не впервые оспаривается социальными исследователями. Доставка товаров на Север России частными предпринимателями, рассмотренная в данной статье, – это один из примеров ло-

гистических сообществ, в которых стоимость доставки по-прежнему играет весьма значительную роль, а цепочки поставок нестабильны, и при этом критерием их защищенности является не отлаженность и бесперебойность, а опора на социальные сети, с помощью которых может быть устранено трение в работе обеспечивающих поставки агентов.

Фокус на материальных аспектах северного предпринимательства связан с тем, что вопрос материальности оказывается центральным в процессе закупки для самой этой профессиональной группы. Перевозка товаров в летнюю навигацию контейнерами наиболее ярко демонстрирует внимание предпринимателей к материальным свойствам закупаемых товаров и, к тому же, представляет собой наиболее крупную закупку в годовом цикле – остальные способы доставки товаров дополнительные к тому, что удалось завезти «водой». То, каким образом наполняют контейнеры предприниматели, связано с крайне малым для этого вида транспорта объемом груза и, следовательно, его неоднотипностью, требующей значительных усилий для его организации в упорядоченное целое.

«Почти резиновость» контейнера – высказывание одной из предпринимательниц, вынесенное в заголовок статьи – выражается в том, что объем помещающегося в него груза не строго фиксирован, а до определенной степени вариабелен и зависит, в первую очередь, от обладания практическим навыком обращения с товарами: не только поместить туда максимально возможное число грузов, но и обеспечить сохранность товаров в дороге, а также учитывать их дальнейшие пути после выгрузки. Уникальная компетенция в этом профессиональном сообществе состоит в том, что благодаря большому опыту неопределенность относительно трансформации груза в пути – «черный ящик» контейнера по прибытии в место назначения – до какой-то степени поддается прогнозированию и планированию.

Внутри контейнера находятся продукты, конечный перечень которых сформировался под влиянием социальных и материальных факторов и которые составляют «необходимый минимум» снабжения северного поселка. При этом выгодные товары, товары-обязательства и товары – дружеские услуги (их рассмотрению посвящена (Васильева 2024)) должны быть в таком балансе, чтобы перевозка оставалась потенциально доходной для предпринимателя. При этом завозимый круг товаров до определенной степени оказывается результатом устоявшейся конвенции между предпринимателем и местными жителями по поводу того, что является этим самым необходимым минимумом завоза, а что местные жители получают из альтернативных источников.

На разных этапах – при закупке, загрузке и выгрузке – отсеивается ряд товаров, по совокупности характеристик оказывающихся неподходящими для перевозки контейнером. Таким образом, у каких-то товаров,

привычных для средней полосы России, меньше шансов попасть на Север этим путем. Некоторые из товаров, что все же попадают в контейнер, претерпевают значительную модификацию в процессе перевозки – от освобождения от заводской упаковки до непреднамеренного просаливания в дороге. Кропотливая работа над оптимизацией пространства контейнера призвана не только уменьшить число этих модификаций, но и сделать их незаметными для покупателя и не влекущими последствий для удобства торговли. Так, «россыпь» становится качественно иным объектом по сравнению с упакованными предметами: их оказывается труднее складировать и следить за сохранностью, об их наличии значительно сложнее помнить.

То, что обычно фигурирует в разговоре с экспертами по логистике как фиксированная сумма издержек (типичное высказывание: «стоимость перевозки груза водой – 80 рублей за килограмм»), в северном случае оказывается скорее попыткой, предпринимая описанные в статье усилия, оканчиваться приблизительно на уровне этой отметки. Каждая перевозка сопровождается неопределенностью, включающей такие риски, как утопление нескольких контейнеров и порча их содержимого. Северное предпринимательство в небольших поселках с нестабильной логистической схемой, таким образом, представляет собой принятие решения в ситуации со слишком большим числом неизвестных переменных, чтобы выгоду можно было бы назвать предсказуемой, а деятельность – строго экономической.

Примечания

¹ Я считаю правомерным говорить о северном предпринимательстве в небольших поселках как об особой деятельности, отличной от предпринимательских практик в «нормальном» логистическом порядке, например, средней полосы России. Как правило, на Севере полностью отсутствуют круглогодичные наземные и водные транспортные коммуникации, соединяющие населенные пункты с центрами дистрибуции товаров. Годовой цикл завоза, выноса за скобки круглогодично функционирующий, но крайне дорогой способ авиадоставки, состоит из коротких периодов доступности того или иного вида транспорта: морского/речного с июня–июля по сентябрь–октябрь, наземного (грузовиками по зимникам, вездеходами, грузовиками, трэколами и снегоходами по бездорожью) с января–февраля по апрель–май. И если предпринимательство в больших арктических городах за счет размера населения, пространства для инноваций и денежных вливаний градообразующих предприятий и региональных властей функционирует по сходным с «материком» моделям (Пилясов, Замятина 2016), случай небольших поселков имеет значимые отличия. Здесь в связи с небольшими объемами завоза и узким выбором перевозчиков предприниматели вынуждены прибегать к постоянной смене схем доставки и практически ежегодно находиться под угрозой незавоза. Такие территории я назвала «северными окраинами» (Васильева 2022), к которым относятся населенные пункты, описываемые в данной статье. Этот текст является завершающим в серии из трех публикаций на тему северного предпринимательства. Одна из более ранних статей (Там же) была посвящена рациональности, стоящей за практиками доставки продукции у предпринимателей с северных окраин. Я показала, что логика выбора точек закупки и формирование цепочек поставки отличаются от принятых в логистике и на первый взгляд кажутся контринтуитивными, однако именно сильная опора на социальные связи и возможность

быстрой перестройки задействованных в доставке акторов приводят к большей устойчивости этой системы к меняющимся внешним условиям. Темой еще одной публикации (Васильева 2024) стали моральные обязательства, вплетенные в работу предпринимателя этого типа – человека, имеющего длительный опыт проживания в сообществе, для которого он доставляет товары, и связанного с ним разного рода неформальными связями. На примере одного случая загрузки я проанализировала неэкономические аспекты коммерческой деятельности, в частности, усилия предпринимателя, направленные на обеспечение благополучия сообщества. На практике оказывается, что действия, направленные на сообщество, составляют огромную долю времени и требуют больших дополнительных усилий со стороны предпринимателя, а также ведут к упущенной выгоде, однако представляют собой нерелефлексированное моральное предписание.

² Названия трех поселков, находящихся в центре рассмотрения в статье, и имена информантов изменены.

³ Сопоставлением, казалось бы, столь разных сообществ я обязана совместной с Е.Л. Капустиной и Е.В. Лярской работе над лекцией в рамках курса «Введение в изучение Сибири и Севера» на факультете антропологии ЕУСПб.

⁴ См. анализ годовых бюджетов домохозяйств Камчатки и Таймыра в (Гаврилова, Васильева 2022).

⁵ Сходный сюжет встречается в этнографии организованных частными усилиями перевозок из Дагестана на север Тюменской области. Товары перевозятся грузовым автомобильным транспортом, и стандартизированной емкостью выступают ящики из-под бананов – тариф назначается именно по их количеству. В этом случае перевозка тяжелых и компактных предметов оказывается более выгодной, чем легких и объемных, поэтому этим путем следует преимущественно халяльное мясо (Капустина 2022: 829).

Список источников

- Аганов М.Г. Плавмагазины Обского Севера: ландшафты мобильности и режимы темпоральности // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 160–190.
- Васильева В.В. Закупка товаров частными предпринимателями и моральная экономика северного поселка // Питание в Арктике: мобильность, снабжение, инфраструктура / отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.С. Ермолин. СПб.: МАЭ РАН, 2024. С. 37–64.
- Васильева В.В. Мобильность и структурирование пространства у долган таймыро-якутского приграничья: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2021.
- Васильева В.В., Гаврилова К.А. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 99–131.
- Васильева В.В., Карасёва А.И., Болотова А.А. Мобильность, инфраструктуры и восприятие места // «Дети девяностых» в современной Российской Арктике / отв. ред. Н. Вахтин, Ш. Дудек. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. С. 139–173.
- Вахитайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. М.: Территория Будущего, 2006. С. 7–42.
- Гаврилова К.А., Васильева В.В. Семейная экономика: годовой бюджетный цикл домохозяйств Камчатки и Таймыра // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 33–55.
- Давыдов В.Н. Контейнеризация арктических поселков: таймырский сценарий // Северные морские пути России / под ред. В.В. Васильевой, К.А. Гавриловой. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 451–475.
- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Вторая жизнь продовольственных товаров: темпоральность пищи и парадоксы снабжения на Чукотке // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 132–159.
- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Производство (вкусов) оленины: практики забоя животных в тундре и в оленеубойном пункте на Чукотке // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 95–103.

- Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Пути пищи: перемещение и распределение продуктов на Чукотке. Кунсткамера. 2020. № 1 (7). С. 67–73.
- Замятина Н.Ю. Роль отпуска в поддержании устойчивого развития городов Севера и концепция временной географической близости // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сб. материалов конф. М.: Изд-во МГУ, 2016. С. 120–126.
- Зелизер В.А. Социальное значение денег. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Змеева О.В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 40–53.
- Капустина Е.А. Пищевые трансферты в жизни мигранта: специфика миграции между Дагестаном и городами Западной Сибири // Кунсткамера. 2020. № 2 (8). С. 191–200.
- Капустина Е.Л. Мясо из дома: режимы и смыслы движения мясных продуктов из Дагестана в города российской Арктики // История, археология и этнография Кавказа. 2022. № 18 (3). С. 823–842.
- Пилясов А.Н., Замятина Н.Ю. Арктическое предпринимательство: условия и возможности развития // Арктика: экология и экономика. 2016. № 4 (24). С. 4–15.
- Рахманова Л.Я., Давыдова Е.А., Давыдов В.Н. Новые технологии забоя и их «послевкусие»: биографии оленей, мяса и крови в Арктике // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 181–206.
- Рахманова Л.Я. Сублимированные продукты и другие инструменты управления временем: Трансформации питания оленеводов-хантов Полярного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. № 1 (56). С. 223–234.
- Appadurai A. Introduction: commodities and the politics of value // The social life of things: Commodities in cultural perspective. 1986. P. 3–63.
- Boltanski L., Thévenot L. The sociology of critical capacity // European journal of social theory. 1999. № 2 (3). P. 359–377.
- Cowen D. The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2014.
- Greenland F. Free ports and steel containers: The corpora delicti of artefact trafficking // History and Anthropology. 2018. № 29 (1). P. 15–20.
- Haugen H.Ø. From pioneers to professionals: African brokers in a maturing Chinese marketplace // African Studies Quarterly: The Online Journal of African Studies. 2018. № 17 (4). P. 45–62.
- Haugen H.Ø. The social production of container space // Environment and Planning D: Society and Space. 2019. № 5. P. 868–885.
- Klose A. Container Principle. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Kopytoff I. The cultural biography of things: commoditization as process // The social life of things: Commodities in cultural perspective. 1986. P. 64–91.
- Levinson M. The box: how the shipping container made the world smaller and the world economy bigger. Princeton University Press, 2016.
- Osborn E.L. Containers and mobility in West Africa // History and Anthropology. 2018. № 29 (1). P. 21–31.
- Schouten P., Stepputat F., Bachmann J. States of Circulation: Logistics off the Beaten Path // Environment and Planning D: Society and Space. 2019. Vol. 37 (5). P. 779–793. doi: 10.1177/0263775819851940
- Shryock A., Smail D.L. On containers: A forum. Introduction // History and Anthropology. 2018. № 29 (1). P. 1–6.
- Stammler F. Capitalism in the Tundra or Tundra in the Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers and Traders in Yamal, West Siberia // Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods / eds. by J. Gertel, R. Le Heron. Farnham: Ashgate, 2011. P. 231–246.
- Tsing A.L. Friction: An Ethnography of Global Connection. Princeton: Princeton University Press, 2005.

- Ventsel A. Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha // *Folklore*. 2011. Vol. 49. P. 113–130. doi: 10.7592/fej2011.49.ventsel
- Ventsel A. Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far North // *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / eds. by R.W. Ortting, M. Laruelle. Washington: The George Washington University, 2017. P. 383–387.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. The rotten renaissance in the Bering Strait: loving, loathing, and washing the smell of foods with a (re)acquired taste // *Current Anthropology*. 2014. № 55 (5). P. 619–646.
- Yamin-Pasternak S., Pasternak I. Seeing the tundra for the plants, on the eco-spiritual wholeness of Arctic vegetation // *Social compass*. 2021. № 68 (4). P. 562–573.

References

- Agapov M.G. (2022) Plavmagaziny Obskogo Severa: landshafty mobil'nosti i rezhimy temporal'nosti [Floating shops of Ob North: mobility landscapes and temporality regimes], *Antropologicheskii forum*, no. 54, pp. 160–190.
- Appadurai A. (1986) Introduction: commodities and the politics of value. In: *The social life of things: Commodities in cultural perspective*, pp. 3–63.
- Boltanski L., Thévenot L. (1999) The sociology of critical capacity, *European journal of social theory*, no. 2(3), pp. 359–377.
- Cowen D. (2014) *The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Davydov V.N. (2023) Konteinerizatsiia arkticheskikh poselkov: taimyrskii stsennari [Containerization of Arctic settlements: Taymyr scenario]. In: *Severnnye morskii puti Rossii* [Northern Sea Routes of Russia] / Ed. by V.V. Vasilyeva, K.A. Gavrilova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 451–475.
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2020) Puti pishchi: peremeshchenie i raspredelenie produktov na Chukotke [Ways of food: moving and distribution of goods in Chukotka], *Kunstkamera*, no. 1 (7), pp. 67–73.
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2021) Proizvodstvo (vkusov) oleniny: praktiki zaboia zhivotnykh v tundre i v olenuboinom punkte na Chukotke [Production of (tastes of) venison: reindeer slaughter in tundra and in slaughterhouses in Chukotka], *Kunstkamera*, no. 2(12), pp. 95–103.
- Davydova E.A., Davydov V.N. (2022) Vtoraia zhizn' prodovol'stvennykh tovarov: temporal'nost' pishchi i paradoksy snabzheniia na Chukotke [Second life of goods: temporality of food and paradoxes of supply in Chukotka], *Antropologicheskii forum*, no. 54, pp. 132–159.
- Gavrilova K.A., Vasilyeva V.V. (2022) Semeinaia ekonomika: godovoi biudzhethnyi tsikl domokhoziaistv Kamchatki i Taimyra [Family economy: household budget annual cycle in Kamchatka and Taymyr], *Etnografiia*, no. 4(18), pp. 33–55.
- Greenland F. (2018) Free ports and steel containers: The corpora delicti of artefact trafficking, *History and Anthropology*, no. 29(1), pp. 15–20.
- Haugen H.Ø. (2018) From pioneers to professionals: African brokers in a maturing Chinese marketplace, *African Studies Quarterly: The Online Journal of African Studies*, no. 17(4), pp. 45–62.
- Haugen H.Ø. (2019) The social production of container space, *Environment and Planning D: Society and Space*, no. 5, pp. 868–885.
- Kapustina E.A. (2020) Pishchevye transferty v zhizni migranta: spetsifika migratsii mezhdu Dagestanom i gorodami Zapadnoi Sibiri [Food transfers in migrant's life: specifics of migration between Dagestan and cities of Western Siberia], *Kunstkamera*, no. 2 (8), pp. 191–200.
- Kapustina E.L. (2022) Miaso iz doma: rezhimy i smysly dvizheniia miasnykh produktov iz Dagestana v goroda rossiiskoi Arktiki [Meat from home: regimes and meanings of meat

- delivery from Daghestan to the Russian Arctic cities], *Istoriia, arkheologii i etnografiia Kavkaza*, no.18(3), pp. 823–842.
- Klose A. (2015) *Container Principle*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Kopytoff I. (1986) The cultural biography of things: commoditization as process. In: *The social life of things: Commodities in cultural perspective*, pp. 64–91.
- Levinson M. (2016) *The box: how the shipping container made the world smaller and the world economy bigger*. Princeton University Press.
- Osborn E.L. (2018) Containers and mobility in West Africa, *History and Anthropology*, no. 29 (1), pp. 21–31.
- Piliarov A.N., Zamiatina N.Iu. (2016) Arkticheskoe predprinimatel'stvo: usloviia i vozmozhnosti razvitiia [Arctic entrepreneurship: conditions and possibilities of development]. *Arktika: ekologiia i ekonomika*, no. 4(24), pp. 4–15.
- Rakhmanova L.Y. (2022) Sublimirovannye produkty i drugie instrumenty upravleniia vremenem: Transformatsii pitaniia olenevodov-khantov Poliarnogo Urala [Sublimed food and other instruments of time-management: transformations of food consumption among Khanty reindeer herders in Polar Ural], *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, no. 1 (56), pp. 223–234.
- Rakhmanova L.Y., Davydova E.A., Davydov V.N. (2022) Novye tekhnologii zaboia i ikh "poslevkusie": biografii olenei, miasa i krovi v Arktike [New slaughter technologies and their 'aftertaste': biographies of reindeers, meat and blood in the Arctic], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 181–206.
- Schouten P., Stepputat F., Bachmann J. (2019) States of Circulation: Logistics off the Beaten Path, *Environment and Planning D: Society and Space*, no. 37 (5). pp. 779–793. <https://doi.org/10.1177/0263775819851940>
- Shryock A., Smail D.L. (2018) On containers: A forum. Introduction, *History and Anthropology*, no. 29(1), pp. 1–6.
- Stammler F. (2011) Capitalism in the Tundra or Tundra in the Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers and Traders in Yamal, West Siberia. In: *Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods* / Ed. by J. Gertel, R. Le Heron. Farnham: Ashgate, pp. 231–246.
- Tsing A.L. (2005) *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton: Princeton University Press.
- Vakhshtain V.S. (2006) Sotsiologiia veshchei i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii [Sociology of things and 'material turn' in social theory] In: *Sotsiologiia veshchei* [Sociology of things]. Moscow: Izdatel'skii dom 'Territoriiia Budushchego', pp. 7–42.
- Vasilyeva V.V. (2021) *Mobil'nost' i strukturirovanie prostranstva u dolgan taimyro-iakutskogo prigranich'ia* [Mobility and space structuring among Dolgans in Taymyr-Yakutia borderland]. PhD thesis. Saint Petersburg.
- Vasilyeva V.V., Gavrilova K.A. (2022) Obmennye praktiki i sotsial'nye seti kak mekhanizmy preodoleniia defitsitov v lokal'nykh soobshchestvakh Taimyra i Kamchatki [Exchange practices and social networks as mechanisms of deficiencies overcoming in Taymyr and Kamchatka local communities], *Antropologicheskii forum*, no. 54, pp. 99–131.
- Vasilyeva V.V. (2024) Zakupka tovarov chastnymi predprinimateliimi i moral'naia ekonomika severnogo poselka [Procurement of goods by private entrepreneurs and the moral economy of the northern village]. In *Pitanie v Arktike: mobil'nost', snabzhenie, infrastruktura* [Nutrition in the Arctic: mobility, supply, infrastructure] / Ed. by V.N. Davydov, D.S. Ermolin. Saint Petersburg: MAE RAN, pp. 37–64.
- Vasilyeva V.V., Karaseva A.I., Bolotova A.A. (2020) Mobil'nost', infrastruktury i vospriiatie mesta [Mobility, infrastructure and perception of place]. In: *Deti devianostykh' v sovremennoi Rossiiskoi Arktike* [Children of the nineties in the modern Arctic] / Ed. by N.B. Vakhtin, Sh. Dudek. Saint Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb, pp. 139–173.
- Ventsel A. (2011) Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha, *Folklore*, no. 49, pp. 113–130. doi: 10.7592/fej2011.49.ventsel

- Ventsel A. (2017) Reluctant Entrepreneurs of the Russian Far North. In: *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges* / Ed. by. R.W. Orttung, M. Laruelle. Washington: The George Washington University, pp. 383–387.
- Yamin-Pasternak S., Kliskey A., Alessa L., Pasternak I., Schweitzer P. (2014) The rotten renaissance in the Bering Strait: loving, loathing, and washing the smell of foods with a (re)acquired taste, *Current Anthropology*, no. 55(5), pp. 619–646.
- Yamin-Pasternak S., Pasternak I. (2021) Seeing the tundra for the plants, on the eco-spiritual wholeness of Arctic vegetation, *Social compass*, no. 68(4), pp. 562–573.
- Zamiatina N.Iu. (2016) Rol' otpuska v podderzhanii ustoichivogo razvitiia gorodov Severa i kontseptsii vremennoi geograficheskoi blizosti [Role of vacation in Northern cities sustainable development and concept of temporal geographical proximity]. In: *Mozaika gorodskikh prostranstv: ekonomicheskie, sotsial'nye, kul'turnye i ekologicheskie protsessy* [Mosaic of city spaces: economical, social, cultural and ecological processes]. Moscow: Izdatelstvo MGU, pp. 120–126.
- Zelizer V.A. (2004) *Sotsial'noe znachenie deneg* [The social meaning of money]. Moscow: Izdatel'skii dom GU-VshE.
- Zmeeva O.V. (2010) "Po doroge v otpusk": zhiteli Kol'skogo Severa v drugih regionakh Rossii ['On the way to vacation': Kola North inhabitants in other regions of Russia], *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 2, pp. 40–53.

Сведения об авторе:

ВАСИЛЬЕВА Валерия Владиславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: leravasilyeva11@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Valeriya V. Vasilyeva, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: leravasilyeva11@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 16 апреля 2024;
принята к публикации 20 июня 2024.*

*The article was submitted 16.04.2024;
accepted for publication 20.06.2024.*

Научная статья
УДК 392
doi: 10.17223/2312461X/44/9

Наследие и культурное производство как факторы депериферизации малого города на примере Тарусы (Калужская область)

Наталья Сергеевна Любимова¹,
Мария Алексеевна Мочалова²

^{1, 2} *Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия*

¹ *lyubimova@iea.ras.ru*

² *masha.mochalova@iea.ras.ru*

Аннотация. Статья представляет итоги исследования процессов культурного (вос)производства в Тарусе как в одном из малых городов России. Эти процессы, которые часто связаны с памятью и наследием, и акторы которых аккумулируют собственный социальный капитал, по мнению авторов, влияют на качественные изменения городской среды и трансформируют вроде бы устоявшуюся «провинциальность». Ключевой теоретической рамкой исследования является концепция «депериферизации» урбаниста М. Кюна, в которой «периферийность» города рассматривается не как устоявшийся пространственный факт, а как общественная конфигурация, сложившаяся в неравных отношениях власти и подчинения, как длящийся процесс, в котором можно выделять разные аспекты, и который может быть повернут вспять. Таким образом, в жизни периферийных сообществ могут возникать депериферизационные процессы, направленные на развитие этих сообществ. В статье описаны два исследовательских кейса: а) история традиционной культурной практики вышивки «калужской цветной перевити», которая прошла путь от локального народного промысла, основанного на ручном труде, к широкому индустриальному производству, известному на всю страну, и далее в связи с экономическим кризисом и резким сокращением работы фабрики в 1990-е гг. «перешла» в пространство наследия с его патерналистским дискурсом; б) современная практика художественной мозаики, привнесенная в городское сообщество одним предпринимателем, интегрированная в другие городские культурные практики и пространства и аккумулирующая также развитие новых мест памяти и инициатив, связанных с наследием и коммеморацией. Эти случаи культурного производства можно рассматривать как самостоятельные депериферизационные факторы, способствующие росту социального капитала малого города.

Ключевые слова: депериферизация, малый город, культурное производство, наследие, Таруса

Благодарности: статья подготовлена в рамках работы Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», грант предоставлен Министерством науки и высшего образования РФ (соглашение № 075-15-2022-328).

Для цитирования: Любимова Н.С., Мочалова М.А. Наследие и культурное производство как факторы депериферизации малого города на примере Тарусы (Калужская область) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 192–217. doi: 10.17223/2312461X/44/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/44/9

Heritage and cultural production as factors of deperipheralization of a small town on the example of Tarusa (Kaluga Region)

Nataliia S. Liubimova¹, Maria A. Mochalova²

^{1,2} *Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

¹ *lyubimova@iea.ras.ru*

² *masha.mochalova@iea.ras.ru*

Abstract. The article presents the results of a study of the processes of cultural (re)production in Tarusa as one of the small towns of Russia. These processes, which are often associated with memory and heritage, and whose actors accumulate their own social capital, according to the authors, affect qualitative changes in the urban environment and transform a seemingly well-established “provinciality”. The key theoretical framework of the study is the concept of “deperipheralization” by urbanist M. Kuhn, in which the “peripherality” of the city is considered not as an established spatial fact, but as a social configuration formed in unequal relations of power and subordination, as a continuous process in which different aspects can be distinguished, and which can be reversed. Thus, deperipheralization processes may occur in the life of peripheral communities aimed at the development of these communities. The article describes two research cases: a) the history of the traditional cultural practice of embroidery called “Kaluga color perevit’ (embroidery)”, which went from a local handicraft based on manual labor to a wide industrial production known throughout the country, and then, due to the economic crisis and the sharp reduction in factory work in the 1990s, “moved” into the heritage space with its paternalistic discourse; b) the modern practice of artistic mosaic, introduced into the urban community by one entrepreneur, integrated into other urban cultural practices and spaces and accumulating the development of new places of memory and initiatives related to heritage and commemoration. These cases of cultural production can be considered as independent deperipheralization factors contributing to the growth of social capital in small town.

Keywords: deperipheralization, small town, cultural production, heritage, Tarusa

Acknowledgements: the article was prepared as part of the work of the World-Class Scientific Center “Center for Interdisciplinary Research of Human Potential”, a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement No. 075-15-2022-328.

For citation: Liubimova, N.S. & Mochalova, M.A. (2024) Heritage and Cultural Production as Factors of Deperiferization of a Small Town on the Example of Tarusa (Kaluga Region). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 192–217 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/9

Написание этой статьи было вдохновлено знакомством с книгой Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery (2020), спецификой которой является попытка междисциплинарного исследования сельской местности в Японии в рамках концепции депериферизации Манфреда Кюна (Kühn 2015). В своей работе Кюн поставил задачу сделать критический обзор разных трактовок периферизации, порожденных экономическими, социальными и политологическими исследованиями, отметить лакуны в существующих теориях и сформулировать общую многоплановую концепцию периферизации. Он рассуждает о «периферизации» как о динамичном процессе, в котором можно выделить социальные, экономические, политические и коммуникативные аспекты; иными словами – это «социальные отношения, имеющие пространственные последствия» (368). Он также отмечает, что эта оптика может быть применена в любом пространственном масштабе – как на государственном, региональном, городском уровне, так и на уровне городских районов (369). Таким образом, периферизация – это не пространственный факт, а общественная конфигурация, которая привела к неравномерному развитию. Исходя из этого Кюн призывает говорить и об обратных процессах – депериферизации или рецентрализации.

Периферизационный подход известен и отечественным ученым (Анохин, Кузин 2019; Кайбичева 2019), однако внимания российских антропологов он, насколько нам известно, еще не привлекал. Хотя сам Кюн делает акцент в первую очередь на проблемах неравномерного развития регионов и территориального планирования, авторы упомянутой книги (Japan's New Ruralities... 2020), взяв его оптику на вооружение, применили разные методики социального исследования – от крупных социологических до антропологических полевых проектов, раскрывая на этом материале сочетание различных факторов (политическая и экономическая зависимость от центра, депопуляция, изолированность, локальная политическая активность, местные инициативы, туризм и пр.), которые могут как обуславливать периферизацию сельских регионов, так и создавать противоположные, депериферизационные тренды. Таким образом, подход Кюна позволяет рассматривать явления разного характера и масштаба в комплексе и в контексте их влияния на периферизацию или, напротив, рецентрализацию, допуская при этом, что разнонаправленные тренды могут сосуществовать.

Наше исследование проводилось в рамках работы Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» (рук. подпроекта ИЭА РАН в 2020–2023 гг. Д.А. Функ), что определило его фокус на социальных процессах, в частности, на вопросах развития местных сообществ в малом городе через призму привлечения и развития социального капитала как важного условия общественного благополучия (Бурдые 2009). Учитывая специфику города,

мы решили сосредоточиться на кейсах, связанных с культурным производством и наследием. Наша основная исследовательская гипотеза заключается в том, что историко-культурное наследие, которое сегодня рассматривается как форма культурного производства и процесс обсуждения памяти, идентичности и чувства места (см., напр., Смит 2013, Шнирельман 2020), наравне с «классическими» практиками производства символических благ, связанных с художественным полем (Бурдьё 2003), может становиться самостоятельным фактором депериферизации и роста социального капитала в малых городах.

Для проверки этой гипотезы мы провели качественное исследование, в основу которого легли материалы, собранные в ходе полевой работы в Тарусе в декабре 2020 г. и августе 2021 г., а также публикации в СМИ и социальных сетях. Полевые материалы представлены глубинными и экспертными интервью (более 30) с представителями различных городских сообществ: работниками культуры и образования, местными предпринимателями, мастерами и художниками, активистами, постоянно проживающими в Тарусе горожанами и приезжающими на летний сезон дачниками.

Таруса – город на периферии

Таруса – город в Калужской области с населением менее 10 тыс. человек, находящийся в 130 км от Москвы и 70 км от Калуги на левом берегу реки Ока у устья реки Тарусы. Этот город представляет собой один из центров так называемого дачного пояса Москвы. Этот фактор существенно влияет на жизнь города, превращая Тарусу в сезонное место притяжения отдыхающих. При численности постоянных жителей приблизительно в 9 тыс. человек в теплое время года город переживает приток дачников и туристов, увеличивающих его население в разы. В целом Таруса вписывается в общие российские демографические тренды: испытыв последний раз приток населения в первой половине 1990-х гг., когда статистика зафиксировала отток населения из мегаполисов (Аверкиева, Нефедова 2016: 104), с начала нулевых годов город теряет жителей, за исключением 2020–2021 гг., когда, по всей видимости в связи с пандемией COVID-19, произошел некоторый рост числа жителей (Росстат. Итоги Всероссийской переписи...; Росстат. Численность постоянного населения...). При этом географы, занимающиеся изучением дач, отмечают, что адекватных статистических данных по числу дачных поселков и участков в России не существует, их приходится собирать по реестрам разных ведомств и на разных административных уровнях и дополнять информацией из других источников, например, анализом космических снимков и карт (Махрова, Медведев, Нефедова 2016: 65–66, 72). По их

расчетам, в Тарусском муниципальном районе плотность дачных участков составляет 200–500 на 1 км², а сезонное население превышает постоянное сельское на 100–200% (70, 71); в самой Тарусе преобладание летом временных жителей и туристов над постоянным населением, возможно, окажется еще больше. Все наши собеседники, включая тех, кто сталкивается с этой проблемой по долгу службы, давали основанные на собственных ощущениях неожиданно высокие оценки летнему приросту населения – до 10 раз (ПМА 2021).

Дачники являются брендом города: местные музеи сосредоточены в первую очередь на биографиях писателей, поэтов, художников, музыкантов и представителей других творческих профессий, которые жили или бывали и творили на даче в Тарусе (наиболее известные из них – Марина Цветаева, Константин Паустовский, Бэлла Ахмадулина, Виктор Борисов-Мусатов, Святослав Рихтер). Сам факт присутствия в городе знаменитых и талантливых людей становится в нарративах постоянных жителей и дачников одним из подтверждений того, насколько необычной и притягательной является атмосфера Тарусы. Советский и российский географ-урбанист Г.М. Лаппо уже в 80-е гг. прошлого века в своей категоризации малых городов причислил Тарусу к «городам – творческим лабораториям» (Лаппо 2012: 363), позаимствовав это определение у К. Паустовского (Паустовский 1956). Такая характеристика Тарусы, по сути, опирается на социальный капитал некоторых городских сообществ, прежде всего «дачников». Такие дачники – представители творческой интеллигенции, выбирающие Тарусу в качестве места поиска вдохновения для своей работы. И сейчас в Тарусе немало представителей креативного класса, среди которых кто-то приезжает сюда периодически, кто-то живет на два города, а кто-то перебирается на постоянное место жительства.

Изобилующая мемориальными местами известных художников и поэтов Таруса привлекает значительное количество туристов. Туристы также приезжают сюда ради культурных мероприятий (например, музыкальный Рихтеровский фестиваль, проводящийся с 1993 г.; инициаторами и первыми его организаторами были сам Святослав Рихтер и Ирина Антонова, возглавлявшая в то время ГМИИ им. Пушкина (Савоскул и др. 2021: 94), возможностей экотуризма и т.п.

Тем не менее в отношении активных процессов централизации экономической, культурной и социальной жизни в соседнем мегаполисе Таруса как малый город на периферии Москвы кажется заведомо уязвимой. В такого рода процессах Кюн выделяет три основных аспекта. Экономический аспект описывает недостаток инноваций, квалифицированной рабочей силы и инвестиций. Смежный с ним социальный аспект, близкий к социологическому понятию «маргинализация», говорит о поляризации между бедными и богатыми районами города. На региональном

уровне идея бедности подразумевает упадок в результате деиндустриализации, оттока квалифицированных специалистов, сокращения населения и недостатка инвестиций. Политический аспект заключается в зависимости от центров власти, неучастие «окраины» в процессе принятия решений (Kühn 2015: 369–373). Можно также отдельно отмечать и коммуникативные аспекты (374).

Таруса отдалена от крупных транспортных магистралей, как автомобильных, так и железнодорожных. Производств в городе немного, а зарплаты невысоки – даже в сравнении с соседним (35 км) Серпуховым, не говоря уже о Москве. Хотя, по данным Росстата, средняя заработная плата в Калужской области немного не доходила до 50 тыс. руб. (Росстат. Заработная плата), наши собеседники оценивали обычную для Тарусы зарплату в 15–18 тыс. руб. (ПМА 2021).

В разговорах с горожанами проскальзывает ощущение зависимости города от центра, в первую очередь регионального. Причем зависимость от Калуги ярко видна и в культурной жизни города. Так, ряд знаковых музеев города являются филиалами более крупных музеев: например, Краеведческий музей и Музей семьи Цветаевых считаются филиалами Калужского объединенного музея-заповедника; руководители обоих должны согласовывать свою деятельность с начальством в Калуге. Есть музеи и московского подчинения: Мастерская Э. Штернберга – часть ГМИИ им. Пушкина, а Мемориальный дом-музей Паустовского – филиал музея Паустовского в Москве.

Все это – признаки периферизации Тарусы, однако в городе можно обнаружить и факторы, создающие явные депериферизационные тренды. Так, в Тарусе присутствует крупный научный центр и высокотехнологичное производство – Конструкторское бюро Института космических исследований РАН (КБ ИКИ РАН) и филиал Института общей физики РАН (ИОФ РАН), а также частный оружейный завод. Это не только центры инновационных технологий, но и самые привлекательные работодатели города – со слов собеседника из КБ ИКИ, зарплаты там в несколько раз превышают среднегородские и могут достигать до 100 тыс. руб. и более. Эти организации конкурируют не только между собой за работников (инженеров, операторов высокотехнологичных станков и т.п.), но привлекают специалистов и из Москвы – наш собеседник отмечал, что дети первых работников КБ, приехавших сюда в 80-е гг., в основном уехали из Тарусы, а вот их внуки возвращаются, получив профессиональное образование в Москве (ПМА 2021).

Очевидно, что названные факторы (популярность Калужской области в целом и Тарусского района в частности у московских дачников, туризм, наличие научных центров) способствуют формированию общих протяженных социальных сетей с Москвой. С одной стороны, это указывает на зависимость Тарусы от московской агломерации с точки зрения

социального капитала, но с другой – включенность в такие транслокальные сети можно рассматривать и как депериферизационный фактор, поскольку она позволяет привлекать сконцентрированные в столице ресурсы для решения местных задач.

Кроме того, как фактор депериферизации можно отметить и наличествующую у городского руководства политическую волю. Глава городской администрации видит главную возможность развития города в создании и поддержании местных сообществ, которые могли бы участвовать в принятии решений, выступать с собственными инициативами и воплощать их при большей или меньшей поддержке властей. Он охотно говорит об этом как о важной части своей деятельности: «...пять лет, с 2015 года до 2020 [будучи депутатом городской думы], я лично занимался тем, чтобы развивать эти городские сообщества. Мы разработали стратегию... мы эту стратегию прожили совместно...» – причем именно в контексте важности объединения жителей: «...и мы поняли, что да, нас могут объединить только определенные ценности», «сначала выявляешь ценности, а потом вокруг них объединяешь людей». Выявленные администрацией ценности или преимущества города – это природа, история, дух времени (имеется в виду творческая атмосфера), удаленность от Москвы, наличие крупного научного центра (КБ ИКИ РАН и филиал ИОФ РАН). На них ориентируются, предлагая или одобряя какие-либо культурные или благоустроительные проекты в городе. Сам глава при этом вполне доволен результатами своих усилий по поддержке сообществ, апеллируя к тому, что в разных федеральных программах развития Таруса часто опережает соперников и по количеству поданных заявок на различные гранты, и по успехам в реализации заявленных проектов.

Интересно, что у каждого нашего собеседника оказалось свое понимание, что значит быть тарусянином. В то время как мэр упирал на то, что преимущественно все проекты реализуют местные активисты, от рядовых горожан мы слышали мнение, что есть «сообщество москвичей, которые считают, что все знают про Тарусу», и которые реализуют большинство проектов, а настоящих местных краеведов никто никуда не зовет, и в результате делаются ошибки. Некоторые из переехавших несколько лет назад в Тарусу людей уже называют себя тарусянами, другие проводят четкую границу между «коренными» и «переехавшими». Все уверенно выделяют только одну категорию – дачников, сезонных жителей, хотя строго определить даже ее мы бы пока не взялись. Неопределенность понятий «местный» и «приезжий» уже была отмечена исследователями, как и тот факт, что клеймо «приезжего» часто используется для ограничения участия «неместных» в местном культурном производстве (об отборе инициатив по принципу соответствия «духу Тарусы» нам

также рассказывали в администрации [ПМА 2021]) и для критики их начинаний (Burnett 1998).

Надо отметить, что одним из факторов, привлекательных в Тарусе и для коренных жителей, и для переселенцев, и для дачников, то есть практически для всех наших собеседников, является периферийность Тарусы в географическом смысле. Близость жизни в этом городе к природе, которая также выделяется всеми, в некотором роде связана с этой периферийностью. В городе существует нарратив о «железной дороге, которую не построили». В начале XX в. существовал проект железнодорожной ветки в Тарусу, здесь даже успели построить здание вокзала, однако дорога так и не появилась – говорят, этому воспрепятствовали жители. Никто из наших собеседников также не жалел об этом. Напротив, некоторая отдаленность от крупных транспортных артерий придает городу большую привлекательность как в глазах постоянных жителей, так и в глазах отдыхающих. Для некоторых переселенцев в Тарусу это стало решающим фактором при выборе места жительства. Так, парадоксальным образом географическая периферийность Тарусы стала одним из важных факторов ее депериферизации. Именно жизнь в маленьком, провинциальном, но культурном городке приманила многих «новых тарусян».

Конечно, для анализа (де)периферизационных процессов в Тарусе в целом необходимо было бы уделить особое внимание исследованию упомянутых высокотехнологичных производств. Однако мы решили подойти к проблеме с другой стороны, которая не часто оказывается в центре подобных исследований, и поставили задачу попытаться понять, может ли стать самостоятельным депериферизационным фактором культурное производство.

Из всего многообразия культурных и коммеморативных инициатив в Тарусе мы выбрали два примера того, как культурное производство может влиять на процессы (де)периферизации. Первый из них связан с традиционной художественной практикой, которая в разные периоды времени могла иметь разный вес в качестве депериферизационного фактора, однако до сих остается центром притяжения для талантливых людей и сохраняет свою значимость для города. Второй кейс сосредоточен вокруг частной культурной инициативы, которая также поспособствовала формированию транслокального сообщества, плотно вовлеченного в жизнь города и привлекающего ресурсы для его развития. Наш выбор в значительной степени обусловлен тем, что оба примера представляют практики культурного производства, при этом они различаются между собой по многим параметрам. Эти различия заметны в истории развития самих практик в Тарусе, в степени и способе интеграции в городскую среду и в характере сообществ, которые формируются вокруг них.

Вышивка-перевить: промысел и фабрика

Первый кейс представляет историю наследия как культурной практики и посвящен вышивке, называемой «калужская цветная перевить» и имеющей сегодня статус народного художественного промысла. Исторически эта вышивка являлась промыслом калужских крестьян, среди которых было распространено местное название «вырезы» (Шереметьева 1984: 134). Узор создается путем частичного выдергивания нитей из куска холста и последующего «перевивания» (т.е. обвивания) оставшихся другими нитями, как правило, контрастного цвета. На протяжении многих лет «вырезы» шили только девушки, обычно начиная с 10 лет и до замужества, умение передавалось от старших женщин младшим (135).

В ранние советские годы эта практика привлекла внимание собирательницы народного творчества Марии Фёдоровны Якунчиковой (урожденной Мамонтовой). Она имела большой опыт работы в организации производств на основе кустарных художественных промыслов, долгое время была занята в усадьбе Абрамцево («мамонтовском кружке»), широко известной своими мастерскими, в которых творили Врубель, Васнецов, Серов, Полenov и другие известные художники. В Абрамцево сохранялось и прославлялось крестьянское искусство. Можно сказать, что именно там во многом складывались принципы русского модерна в искусстве, архитектуре и литературе. Идею сохранения промыслов и популяризации предметов крестьянского искусства Якунчикова привезла с собой в Тарусу, оказавшись там в ссылке «за 101-й километр» в 1923 г. после непродолжительного, но подорвавшего ее здоровье ареста как представительницы «чуждого класса». Несмотря на положение ссыльной, Мария Фёдоровна была в восторге от своего нового места жительства и была готова к привычной ей работе с народными промыслами (Некрасов, Дубинина 2019: 136–142).

Навещавшая Якунчикову ее давняя подруга и коллега по многим абрамцевским начинаниям Наталья Яковлевна Давыдова, имеющая представление о калужских промыслах, помогла организовать в 1924 г. Тарусскую вышивальную артель. В 1920-е – начале 1930-х гг. в целом на территории Центральной России повсеместно происходило становление артелей и возникновение первых общественных мастерских, основанных на народных промыслах. При этом, как отмечает исследовательница калужского народного искусства С.И. Личенко (2005: 136), государство активно поддерживало производственные объединения, в которых на первый план выходила преемственность мастерства, его «народность». Это подчеркивалось в целях создания артели: «укрепление и развитие народного вышивального искусства» (Там же), так как до образования

артели в Тарусе и окрестных селах мастерицы-одиночки занимались вышивкой.

Советская власть относилась к Давыдовой лояльно в силу ее рабочей биографии, хотя женщина и происходила из купеческого рода. Некоторое время она возглавляла Кустарный музей, а затем работала в Московском объединении по экспорту кустарно-художественных изделий, которое занималось экспортом промысловых товаров за границу. Так, во времена торговых послаблений НЭПа Наталья Яковлевна легко смогла наладить продажу вышивок Тарусской артели (Некрасов, Дубинина 2019: 239–243) зарубеж. Отметим, что первоначально артель специализировалась на вышивке в целом, а не только на «перевити». Однако достаточно быстро Давыдовой и Якунчиковой стало ясно, что именно этот достаточно редкий вид вышивки и традиционный именно для тарусских окрестностей Калужской области должен стать основной специализацией артели в силу его необычности и высокого качества исполнения (Личенко 2005: 137).

Третья важная героиня в истории «калужской перевити», ставшая в итоге наиболее известной из трех основоположниц вышивального производства в Тарусе, это Маргарита Николаевна Гумилевская, имя которой сегодня носит вышивальная фабрика. Уже в 1924 г. Гумилевская стала проводить выезды в различные районы Калужской области для зарисовки локальных узоров вышивки, чтобы расширить коллекцию образцов. Некоторые из этих ранних образцов уцелели и хранятся в краеведческом музее Тарусы и Калуги.

В 1928 г. после смерти Давыдовой и эмиграции Якунчиковой Гумилевская взяла в свои руки управление артелью с быстро растущим количеством работниц-надомниц. Производство, однако, претерпевало в то время большие организационные сложности и проблемы с отчетностью, на что указывали итоги государственных проверок (Некрасов, Дубинина 2019: 242). Несмотря на все сложности, продукция артели продавалась за рубежом, экспонировалась на международных выставках крестьянского декоративного искусства в Италии, Бельгии, Англии, Франции, изделия мастериц удостоивались высоких наград (Личенко 2005: 138). До середины 1930-х гг. Тарусская вышивальная артель работала в основном на экспорт. Во второй половине 1930-х гг. стал расширяться ассортимент для внутреннего рынка СССР, продажа за границу практически прекратилась. Изготавливались женская, мужская и детская одежда в промышленных масштабах, рос штат: художники по вышивке теперь работали в сотрудничестве с закройщиками-конструкторами. В 1930-е гг. также предпринимается попытка освоить так называемый экспериментальный подход в вышивке: ведется работа над панно, носящими злободневные названия «Индустриализация» и «Завоевание Северного полюса», кото-

рые, однако, получили смешанные реакции и некоторыми искусствоведцами были признаны неудачными (Личенко 2005: 145). При этом в целом весь творческий путь Гумилевской, которая являлась художественным руководителем производства вплоть до 1967 г., принято характеризовать как искусство нового советского времени, которое сформировалось «в кругу искусства народного» (Там же).

Во время Великой Отечественной войны в период короткой оккупации Тарусы был утерян архив образцов (рисунков и вышивок), собранный за все годы работы артели. Также было разрушено здание, где располагались мастерские, не уцелело ни оборудование, ни инвентарь. После войны производство восстанавливалось силами мастериц на их же взносы (ПМА 2021). В целом эта история восстановления вопреки послевоенной разрухе силами женщин-работниц часто повторялась в ключе героизации мастериц в различных наших интервью, когда поднималась тема вышивки и ее значимости для истории города.

Артель продолжала активно развиваться, но небольшие мощности и устаревшее оборудование мешали росту производства. В 1960 г. в связи с упразднением в СССР промысловой кооперации артель была официально переименована в Тарусскую фабрику художественной вышивки. В наших интервью нередко звучали суждения о том, что получению нового статуса фабрики и расширению производства, так же, как и общему подъему в развитии города, способствовал известный тарусский дачник писатель Константин Паустовский, который написал о Тарусе несколько очерков. «Письмо из Тарусы», впервые напечатанное в газете «Правда» 26 июня 1956 г. и названное впоследствии писателем примером «русской слезницы» (жалобного прошения), по сути своей является обращением к власти с критикой стереотипного отношения к малым городам, как к захолустью, оставшемуся вне индустриального развития, а также с обвинением «хозяйственников» и обвинением в недостаточном финансировании (Паустовский 1956). Через пять лет последовала публикация в известном альманахе «Тарусские страницы» очерка «Городок на реке», где также прославляется природа и особый творческий климат Тарусы, которая «уже становится литературным и художественным подмосковным центром», и упоминаются «вышивальщицы, если можно так выразиться, с европейским именем, чья работа восхищала зрителей на разных выставках, особенно на Международной выставке в Брюсселе» (Тарусские страницы 1961: 8).

В том же альманахе был опубликован очерк «Куколки» Надежды Мандельштам (Яковлевой), в котором очень нежно и внимательно выведены портреты тарусских вышивальщиц на фоне одновременно литературных и этнографических описаний предметов и интерьеров. Мы отметим здесь пару важных для нашего исследования наблюдений этого автора. Во-первых, уже в тексте 1961 г. вышивка позиционировалась как

безусловно ценная в силу своей историчности и нуждающаяся во внимании и ответственном сохранении культурная локальная практика, что отсылает нас к дискурсу наследия и определенному патерналистскому нарративу. Во-вторых, несмотря на всю традиционность промысла, автор отмечал личный вклад Гумилевской как художественного руководителя нового времени, готового адаптировать традицию под новые реалии.

Через четыре года после «Тарусских страниц» вышел еще один текст Паустовского «Судьба маленького города», в котором писатель сообщает, что вопрос о благоустройстве Тарусы («одной из Золушек среди наших городов») обсуждался в Совете министров РСФСР и было принято решение «широко и быстро помочь». Перечисляя достижения по развитию Тарусы за прошедшие годы, автор отмечает, как расширена была «знаменитая фабрика художественной вышивки» (Паустовский 1965). В 1966 г. фабрика перешла в ведение новообразованного Главного управления народных художественных промыслов и производства сувениров (ГАКО. Ф. Р-3526. Оп. 1. Историческая справка), а в 1971 г. художественным советом при Главном управлении народных художественных промыслов товары, производимые на фабрике, были отнесены к изделиям народных художественных промыслов (Личенко 2005: 147). Производство продолжало расширяться в 1970–1980-е гг., количество работников росло и достигало 500–600 человек в разные годы (ПМА 2021). Современные жители эксплицитно выстраивают связь между попытками Паустовского привлечь внимание «центра» к Тарусе и развитием города и местных производств (ПМА 2021).

Вышивка в фабричном масштабе стала выполняться при помощи швейной машинки: наши собеседницы называли ее «третья рука», так как она помогает в обметке нитей, но подготовка и прореживание ткани все равно выполняются вручную (ПМА 2021). Таким образом происходило облегчение ручного труда и удешевление выпускаемой продукции с сохранением и качества, и техники исполнения. В конце 1970-х гг. был запущен новый производственный корпус, где уже большинство процессов было механизировано, однако при этом сохранилась практика традиционной ручной «перевити» для изготовления изделий для выставок (Личенко 2005: 148).

В те же годы продукция фабрики представлялась на различных модных показах по всей России: создавалась повседневная и праздничная одежда, обязательно имеющая декоративные элементы с «перевитью». На производстве проходили стажировку студенты-дизайнеры из различных вузов со всей страны. В 1984–1985 гг. фабрика отпраздновала свой 60-летний юбилей. Этому была посвящена масштабная выставка в Тарусской картинной галерее, а затем и в Калужском краеведческом музее.

Изделия тарусских вышивальщиц поставлялись в магазин «Русский сувенир», в ГУМ, на сувенирные базы и в другие магазины Москвы и, конечно, Калуги.

Обобщенные Кюном подходы к изучению (де)периферизации разрабатывались для анализа процессов, протекающих в капиталистических обществах, в то время как история вышивальной фабрики развивалась в условиях командной экономики. Однако отметим, что социально-экономические аспекты бытования традиционной вышивки в Тарусе вполне укладываются в выбранную нами модель. Приезжие привносили в город собственный культурный и социальный капитал, через их социальные связи привлекались дополнительные ресурсы. В результате модернизирующееся производство, сформировавшееся вокруг местной традиции, стало также и точкой притяжения работников извне города.

После распада СССР в 1990-е гг. фабрика вышивки стала жертвой постоянных переделов собственности и пришла в упадок, хотя и не закрылась. В 1993 г. происходит резкое сокращение рабочих мест. От закрытия фабрику спасло ее преобразование в 1999 г. в ЗАО Народный художественный промысел (НХП) «Тарусская вышивка имени М.Н. Гумилевской».

Среди наших собеседников распространенным является нарратив о том, что только статус «места бытования традиционного народного художественного промысла (достопримечательного места)» спасает ее от закрытия. По Федеральному закону «О народных художественных промыслах» 1999 г. деятельность организаций НХП не подлежит перепрофилированию в случае смены собственника. Таким образом, сама фабрика приравнена к объектам культурного наследия.

После принятия Федерального закона «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» в 2022 г. практика вышивки оказывается наделенной особым статусом, что расширяет круг заинтересованных в ее поддержании сторон. «Перевить» сегодня позиционируется как «живое наследие» Калужской области, став одним из культурных брендов региона (Портал «Живое наследие»). Туристов знакомят с историей промысла и фабрики, на улицах Тарусы и Калуги можно встретить мотивы перевити в виде муралов и граффити, архивные вышивки продолжают выставляться в краеведческих музеях региона, а также в экспозициях по декоративно-прикладному искусству по всей России.

На сегодняшний день производство на фабрике продолжается, однако в гораздо меньших масштабах, чем в 1960–1980-е гг. Изделия продаются в фабричном магазине. Наши собеседницы-вышивальщицы говорили о том, что система обучения мастеров на производстве сегодня сломана, так как раньше новых работниц прикрепляли на пару месяцев к мастерице, которой доплачивали за обучение. Сегодня же мастерам за обуче-

ние не платят, а зарплата в целом у них сдельная – по количеству выполненной работы. «Учить кого-то – себе в убыток», – сетовала одна из вышивальщиц (ПМА 2021).

Особый статус промысла и привлечение внимания к вышивке как к объекту нематериального культурного наследия послужили толчком к развитию низовых инициатив. Параллельно с фабрикой существуют частные вышивальные мастерские, которые пытаются встроиться в общий городской туристический поток. Как говорит владелица одной такой мастерской, покупатели есть только в летние месяцы – пик туристического сезона (впрочем, как и у фабричного магазина). Наша собеседница родилась в Тарусе, но живет в Москве, а на фабрике она проходила практику, получая образование художника-модельера. Главная проблема, по мнению женщины, это обучение новых мастериц. Она сама «ходит за 5–6 мастерицами» и просит взять интересующихся девочек в ученицы, но на момент нашего интервью, по ее словам, не имеет больших успехов, так как вышивальщицы устают от обилия работы (ПМА 2021). Свою мастерскую наша собеседница позиционирует не как «ателье по пошиву», а как образовательную дизайн-студию, делая акцент на передаче умений, собирании образцов вышивок и художественных умениях по созданию эскизов. На момент нашего интервью (лето 2021 г.) в студии бесплатно обучались пять девочек-учениц, которые могли реализовывать созданные ими изделия в магазине при студии. Небольшое количество учениц наша собеседница объясняет тем, что у молодых девушек нет большой мотивации учиться, так как они не уверены в дальнейшем трудоустройстве (ПМА 2021). Владелица мастерской характеризует вышивку как «утихающий народный промысел», позиционирует себя как активистку и выступает за сохранение практики всеми доступными силами. В своей студии она собирает фотографии вышивальщиц, работавших на фабрике, исторические вещи, украшенные вышивкой, литературу с рисунками и схемами их создания, а также сами эскизы вышивок, считая последние одним из главных компонентов сохранения промысла наравне с активной передачей знания от опытной мастерицы к молодой ученице.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что в целом во второй половине XX в. вышивка как культурная практика была для Тарусы одним из депериферизационных факторов, позволяющих ей как малому городу сохранять и развивать свой социальный капитал, укрепляя при этом транслокальные экономические и культурные связи. В последние десятилетия вышивка в значительной мере утратила эту функцию, однако ее депериферизационный потенциал сохраняется за счет того, что калужская перевить, ставшая «утихающим» промыслом, стала «жить» в пространстве наследия, аккумулируя патерналистские инициативы и отсылая к локальной памяти, в том числе о процветавшем когда-то масштабном производстве.

Мозаика: новые художественные практики и социальный капитал

В качестве другого примера фактора депериферизации мы выбрали попытку целенаправленно создать в Тарусе новую художественную традицию – сделать город центром современной российской мозаики. Этот проект принадлежит исключительно частному лицу – состоятельному предпринимателю (И.А.).

Мозаика является его давним и очень серьезным увлечением. И.А. не только является крупным частным коллекционером современной мозаики (ПМА 2021), но и вовлечен в процесс популяризации мозаичного искусства.

В своих интервью И.А. говорил, что мозаика показалась ему самым значимым из современных видов искусства. Это восхищение сподвигло его не только начать коллекционирование работ современных авторов, но и заняться активным продвижением мозаичного искусства в России. Под его эгидой работали российские и зарубежные художники и технологи, создавались в разных городах России художественные студии и производства. «Последние 12 лет велась очень обширная работа по созданию вообще такого прецедента как современная российская мозаика. Начиная от самых-самых корней, то есть это создание материалов. И параллельно созданию материалов шла история о его эксплуатации. И это отдельная история о его производстве, об индустрии», – так описывает деятельность И.А. один из работавших с ним художников. География этой деятельности в разное время включала в себя Москву, Санкт-Петербург, Челябинск, Томск, Балабаново (Калужская область) и, в конце концов, Тарусу. В эту мозаичную «сеть» входили художественные мастерские, смальтоварни, экспериментальная мастерская, в которой был создан запатентованный новый материал для мозаики.

В конце концов основная «мозаичная» деятельность И.А. сконцентрировалась в Тарусе. Ее центром стал Дом литераторов. Как говорят, уже решив обосноваться в Тарусе, И.А. гулял по берегу Оки и увидел на высоком берегу руины. Это было заброшенное здание столовой бывшего дома отдыха им. В.В. Куйбышева. Остальная территория дома отдыха была к тому времени уже обустроена под гостиничный комплекс «Серебряный век», но бывшая столовая оставалась бесхозной и в итоге была куплена и реконструирована И.А., получив название «Дом литераторов» (ПМА 2021). Дом литераторов – это multifunctionальное культурное пространство. Тут располагается ресторан, зал которого регулярно превращается в концертную площадку, и гостиничные номера, где останавливаются приглашаемые на разнообразные мероприятия деятели культуры. Место выбрано настолько удачно, что это даже заставляет несколько усомниться в случайности этого выбора, – в прошлом, еще до

постройки дома отдыха, именно на этом прибрежном холме располагался знаменитый «Песочный дом», в котором жили Цветаевы, а потом и художник В.Э. Борисов-Мусатов, и семья Вульфов, дружившая с В.М. Поленовым, обосновавшимся на противоположном берегу Оки. Вера Васильевна Вульф, выдающаяся музыкантка, устраивала концерты в здании бывшего соляного амбара. В 1915 г. там организовали Народный дом и начали ставить оперу и театральные представления; более пяти лет В.В. Вульф давала еженедельные концерты классической музыки в собственном доме, заложив традицию музыкальных «субботников», которую потом поддерживал ее сын (Каштанова 2021). Таким образом, место, где теперь располагается Дом литераторов, связано и с литературной, и с живописной, и с музыкальной традицией, и в нынешней жизни Дома литераторов эта связь возобновляется и поддерживается. Там проводятся концерты и кинопоказы, ставятся спектакли; в том числе Дом литераторов предоставляет площадку для мероприятий в рамках различных фестивалей (например, Музыкально-художественный фестиваль Фонда Святослава Рихтера (Портал «Фонд Святослава Рихтера»), Международный детский Пасхальный вокально-хоровой фестиваль «Светлая седмица») и даже научных конференций (Блищ, Алешка 2017).

Большая часть здания, как и его территория, служит для экспозиции работ из мозаичной коллекции И.А. Один из гостиничных номеров резервирован для известного итальянского художника Марко Бравура, который почти постоянно живет здесь со своей женой. Также здесь оборудована мозаичная мастерская для его работы. Как говорит Бравура в своих публичных интервью, «для художника нет ничего лучше, чем иметь место для работы и делать все, что ты захочешь, без всякой нужды идти на компромиссы. Вот почему мне это нравится – я не работаю, я просто играюсь со своими идеями. И потом, конечно, у меня есть моя пенсия. Этого более чем достаточно для того, чтобы жить в Тарусе, потому что здесь у меня нет никаких расходов, мне не нужно платить за жилье, а все остальное – место для работы, материалы, еду, машину, одежду и, самое важное, дружбу – дает мне И.» (Бабушкин, Насонова, б.г.). Этой мастерской также пользуются другие мозаичисты, знакомые И.А. и Бравура; так, сюда иногда, чаще всего летом, приезжает поработать художница из Санкт-Петербурга. Она начала свой творческий путь в Мухоминском училище (Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л. Штиглица), потом работала с Бравура, а теперь имеет собственную мастерскую в Петербурге, однако сохраняет контакты с И.А. и Бравура.

Еще одной частью мозаичного проекта И.А. в Тарусе была Детская школа мозаики, разместившаяся в Школе искусств. Она соседствовала с городской Детской школой искусств в старом здании земской больницы 1870 г. постройки. В 2013 г. И.А. выкупил и отреставрировал его, заодно

благоустроив примыкающую территорию, которая получила название «Сад искусств» (ранее там располагался морг и выгребная яма), и сдал здание в аренду городской администрации за символическую сумму 1 руб. в год. В оформлении интерьеров проявилась страсть спонсора к мозаике – они украшены мозаичными панно и скульптурой. Над созданием этих мозаик работали и местные художники-керамисты, которых в Тарусе довольно много. В советское время в Тарусе была создана экспериментальная керамическая фабрика, благодаря которой город был местом притяжения для керамистов в 1980–1990-е гг., и хотя она пришла в упадок, какое-то производство сохраняется до сих пор. Кроме того художники, работающие с керамикой в разных формах, есть и среди творческих людей, кто приезжает в город и в последние годы.

Руководителем Детской школы мозаики стал еще один мозаичист из Петербурга – В.А., ученик Марко Бравура. Сам В.А. называл эту школу проектом, частью миссии И.А. – «просвещение; просвещение в широком смысле»; это «история о современных, даже не альтернативных, а параллельных подходах к образованию, которые И.А. сам проповедует» (ПМА 2021).

Интерес И.А. к образованию, в особенности детей младшего и среднего школьного возраста, очевиден – это еще один большой его проект. Во время нашей экспедиции мы размещались в реконструируемом здании, которое постепенно превращалось в школу. Хотя ремонт был еще не закончен, там уже велись занятия музыкой и работал шахматный кружок. В соответствии с его вкусами в здании школы также много мозаичного декора.

Помимо этих основных проектов, которые были по большей части инициативой самого И.А., он участвует и в других городских проектах. Так, в 2015 г. он помог городу отреставрировать фасад районной детской библиотеки, к работе был привлечен известный российский скульптор по металлу Андрей Волков; в результате библиотека со своим сказочным фасадом вошла в список тарусских достопримечательностей. Также И.А. оказал поддержку городу в реставрации (укреплении) могилы Борисова-Мусатова. В 2021 г. он участвовал в проекте по оформлению городского фонтана мозаикой – это было предложение главы администрации города, представленное им городскому художественному совету Тарусы и поддержанное многими местными художественными деятелями; В.А., принимавший в этом проекте большое участие, охарактеризовал его как важный и очень успешный опыт совместного действия множества городских активистов: «...там 91 плиточка, 25 человек трудились над этими плиточками, каждая она авторская, но объединенная идеей [Времена года]. Это чисто социальный проект, который был направлен не столько на создание уникального объекта искусства, сколько на создание путей

коммуникации... Это пример того, как администрация, которая оплатила материалы... И.А., который дал возможность мастерскую оборудовать, в которую я пригласил людей, в которой мы это создали все, люди, которые находили на протяжении полугода время каждое утро приходить, естественно из чисто альтруистических побуждений, создавать этот фонтан, а потом это все монтировать... [Это] материальное выражение идеи нашей вот такой коммуникации, способности собраться и сделать» (ПМА 2021).

Итак, деятельность и крупные инвестиции И.А. привлекают в Тарусу большое число разных людей и оказывают заметное воздействие на городскую жизнь.

И.А. приводит в город людей, которые уже давно работают над его проектами, постоянно или периодически. Среди таких исполнителей – художники, сработавшиеся с И.А. и (или) Бравура и сохраняющие с ними профессиональные связи, как, например, Т., приезжающая поработать летом в мастерскую Бравуры, несмотря на наличие собственной мастерской в Петербурге, или В.А., курирующий детскую школу мозаики в Тарусе. Есть и другие специалисты, например, «интернациональная бригада» (ПМА 2021) рабочих-строителей, которые во время нашего пребывания в Тарусе трудились над ремонтом школы, а до этого работали на стройках И.А. по всей России (ПМА 2021). Этот аспект, между прочим, важен тем, что используя свой капитал, и не только финансовый, но и социальный, И.А. привлекает для работы над проектами, часто непосредственно влияющими на городскую среду в Тарусе, специалистов, которые иначе вряд ли могли бы здесь появиться. Например, к созданию Сада искусств была привлечена архитектурная школа МАРШ; также они занимались укреплением ряда культурных объектов в Тарусе, в том числе могилы Борисова-Мусатова (ПМА 2021).

Вместе с тем деятельность И.А. привлекает «гостей» из числа видных деятелей искусства или просто состоятельных москвичей. Некоторые из них становятся «завсегдатаями» Тарусы, которую они видят во многом через культурные мероприятия в Доме литераторов или «Велне» – люксовом СПА-отеле, располагающемся недалеко от Тарусы, с владельцем которого И.А. дружен. Такие «элитные» туристы сами по себе могут практически не пересекаться с жизнью остальной Тарусы, однако некоторые из них порой и сами становятся «новыми тарусянами». Так, например, известный московский дизайнер Е.Ж. изначально стала бывать в Тарусе, потому что здесь поселилась ее мама, однако переживая здесь пандемию 2020 г., она стала регулярно посещать Дом литераторов, вошла в тот круг людей, что там собирается, в том числе подружилась с самим И.А., и решила приобрести здесь собственный дом и тоже заняться чем-нибудь «общественно полезным». Случайным образом она натолкну-

лась на предложение выкупить дом, некогда принадлежавший Н.П. Ракицкому, советскому агроному, который на своем участке в Тарусе занимался акклиматизацией растений из разных климатических зон в условиях центральной полосы России. Ракицкий создал небольшой, но уникальный сад-дендрарий с десятками успешно акклиматизированных деревьев и кустарников, и сегодня его дом и сад входят в реестр регионального исторического наследия. Теперь Е.Ж. возрождает сад, реставрирует здание по собственной инициативе и руководствуется своим эмоциональным отношением к городу, с которым она не имела прежде какой-то личной связи, создает новое городское общественное пространство, проводя культурные фестивали, принимая туристов и встраиваясь в общий культурный нарратив Тарусы. Надо отметить, что Ракицкий был одновременно и коллекционером живописи, предметов декоративно-прикладного искусства и т.п. В 1963 г. он инициировал создание в Тарусе картинной галереи, которой передал свою коллекцию; это известный в городе факт. Таким образом, этот деятель сыграл в жизни города весьма значимую роль. Тем не менее его имя было увековечено лишь формально – в списке объектов культурного наследия регионального значения, в то время как сам этот объект пребывал в совершенно запущенном состоянии. Деятельность Е.Ж. по восстановлению сада привела к оживлению памяти этого почетного гражданина Тарусы (звание получено им в 1967 г. за участие в создании картинной галереи). Его имя теперь увековечено не только в официальных архивных документах, которые не интересны широкой публике, или в сопроводительных текстах о Тарусской галерее, но и в топонимике города: сад-дендрарий Ракицкого отмечен на картах как музей, а прилегающая небольшая улочка переименована в его честь. Новая хозяйка дома таким образом становится актором наследия, переизобретая дом Ракицкого в качестве социального пространства XXI в., «возвращая» городу имя самого ученого, вкладывая собственный социальный капитал в город и привлекая других заинтересованных лиц.

Остается вопрос, как расценивать эти процессы. С одной стороны, их можно описать в терминах джентрификации. Попытки описать протекающие в Тарусе социальные процессы в этой оптике уже предпринимались; в рамках этого подхода была описана «своеобразная социокультурная поляризация и обособление, наблюдаемые в местной среде за последние десятилетия» (Севастьянов 2021: 243). Один из главных аспектов джентрификации – замещение населения: состоятельные люди осваивают привлекательное пространство, вытесняя старожилов и замещая их в качестве местных жителей. В принципе этот процесс идет здесь уже давно: одна из наших собеседниц, сама переехавшая в Тарусу в 1990-е гг., особенно отметила, что когда она приехала, была поражена,

во-первых, количеством зелени, во-вторых, домами с наличниками. Тогда еще сохранялось огромное количество «деревянных старых домов с шикарными резными наличниками». По ее словам, «их потом пожгли в основном», чтобы забрать землю в городе под застройку, и теперь ходить по Тарусе стало неинтересно, слишком много «новодела» (ПМА 2021).

Поскольку речь в нашей статье идет о культурных практиках и работе с наследием, в данном случае говорить о вытеснении не кажется правильным. Наши собеседники акцентировали внимание на том, что приобретали в собственность *заброшенные* строения и земли и что они занимаются *заброшенными* памятниками. Однако остается вопрос о степени интеграции в существовавшую до того культурную жизнь и с теми социальными группами, которые выступают акторами на том же поле.

И.А. рассказывает, что когда он только решил обосноваться в Тарусе и начал восстанавливать Дом литераторов, то полагал, что ему удастся создать одно большое сообщество из всех творческих людей Тарусы: «...появится общее пространство, где можно будет собираться, я думал, ну, полгода пройдет, я всех узнаю, все придут в Дом литераторов, мы все перезнакомимся, и все, у нас уже начнется какая-то общая жизнь. Вот сейчас 10 лет прошло, уже лет 5 назад я перестал даже об этом думать, и причины здесь какие: во-первых, я понял, что структура Тарусы такова, что она состоит из сотен микросообществ, каждое из которых уверено, что кроме них никого нет» (ПМА 2021). Кажется, он видит в этом проблему: «...ко мне приезжают со всего мира люди, а огромное количество тарусской интеллигенции даже не слышали о нем [о Доме литераторов. – Авт.], а если и слышали, то не были и не собираются» (ПМА 2021).

Тем не менее нельзя не отметить влияние деятельности И.А. и сложившегося вокруг этой деятельности сообщества, например, на сам облик города. Хотя значительная часть этого влияния относительно анонимизирована, поскольку скрывается за финансированием технических работ на культурно важных объектах или спонсорством проектов, концепция которых не носит очевидных отпечатков его идей и вкусов (например, детская библиотека), некоторые проекты непосредственно их демонстрируют. Школа искусств с примыкающим садом искусств, достраиваемая детская развивающая школа со своим мозаичным декором – это крупные городские общественные объекты. Через них мозаичный проект И.А. в своем монументальном виде вливается в городскую среду.

Кроме того, мозаичные проекты и самого И.А. (Дом литераторов, Школа искусств) и других активистов (фонтан) становились периодами кооперации этого и других городских сообществ через привлечение собственно тарусских (т.е. появившихся в Тарусе в разное время без какой-либо связи с деятельностью И.А.) художников к их исполнению. Однако даже временно кооперируясь, эти сообщества не сливаются.

Что касается культурных мероприятий в Доме литераторов и «Велне», представляется, что их посетителями становятся в основном туристы и «дачующие» москвичи. Многие наши респонденты говорят, что тарусяне знают о них, но что эти мероприятия рассчитаны на москвичей – при средней зарплате в Тарусе 15–18 тыс. руб. даже 500–600 руб. за билет (со скидкой «для местных») – уже слишком высокая цена для них (ПМА 2021).

Подводя итоги, можно сказать, что, с одной стороны, деятельность актора – частного лица, опирающегося исключительно на собственные ресурсы, однако одновременно обладающего и значительным социальным капиталом, создает в Тарусе особую точку социального притяжения. Складывающееся вокруг этой точки притяжения сообщество не принадлежит собственно Тарусе; оно не только транслокально, но и, в принципе, международно. С другой стороны, отдельные члены этого сообщества укореняются в Тарусе, создавая новые подобные точки притяжения. Делая Тарусу привлекательной для новой – по сравнению, например, с в прямом смысле слова дачниками, – категории туристов и переселенцев, таких как Е.Ж., это сообщество, безусловно, оказывает депериферизационное влияние.

Кроме того, несмотря на то, что поддержание этого сообщества завязано на активности и вложениях всего нескольких человек, результаты его деятельности имеют и вполне конкретное, материальное выражение в виде нового облика важных общественных пространств города. Вписываясь в городскую среду, они создают в ней свой отдельный мозаичный нарратив. Он перекликается с уже существующим: как уже упоминалось, художники, работающие с мозаикой, жили и работали в Тарусе и ранее, и их работы также украшают город, например, фасад собора Петра и Павла украшен мозаикой, созданной местными мастерами, но и отчетливо выделяется на его фоне.

Заключение

Проанализированные нами кейсы традиционной вышивки и современной мозаики демонстрируют, как культурное производство, и в практиках наследия (как, например, вышивка и сад Ракитского), и в виде современных культурных инициатив (как мозаичный проект И.А.), может стать самостоятельным фактором депериферизационных процессов. Важным наблюдением стало то, что «историчность» таких практик не играет значимой роли. Вокруг них формируются сообщества, с их помощью повышается социальный капитал города в целом, частично восполняя те потери, которые периферия несет в пользу центров.

Так, история вышивки показывает путь народного промысла, ставшего фабричным производством, «притягивающим» людей, а затем вер-

нувшего в пространство индивидуальных низовых инициатив, развивающихся уже в пространстве наследия как в индустрии «добавленной ценности» (Kirshenblatt-Gimblett 1995: 369) и опирающихся на коммеморативный дискурс. Вышивальное искусство как культурная практика проявляет депериферизационный потенциал и в социальном, и в экономическом понимании.

Кейс мозаики представляет цепочку взаимодействий, в которой социальный капитал и агентность одного человека спровоцировали изменения в городской среде, опорой которым стал уже имеющийся «культурный бренд» города и восприимчивость локальных сообществ. Формирующееся вокруг этой практики сообщество довольно обособлено от остальных, и потому может восприниматься скорее как проявление периферизации во внутригородском масштабе – в той социологической оптике, которая говорит о маргинализации отдельных районов по отношению к другим и о появлении таким образом внутренних периферий. Но в то же время деятельность этого сообщества направлена на преодоление этого эффекта (организация детских кружков и школ, участие в общегородских проектах и т.п.). На уровне же соотнесения Тарусы с соседствующими «центрами», будь то Калуга, Москва или Серпухов, «мозаичная история» имеет явный депериферизационный эффект и в экономическом, и в социальном смысле (привлечение специалистов, попытка укоренить в Тарусе инновационные мозаичные технологии, работа на бренд города и пр.).

Оба кейса демонстрируют также важность политического фактора в (де)периферизационных процессах. История вышивальной фабрики – лишь один из примеров в истории города, говорящих о том, насколько в советское время эти процессы напрямую зависели от решений, принимаемых в Москве. В наше время политическая зависимость Тарусы также прослеживается в культурной области. При этом пути преодоления политической зависимости – через культурный и социальный капитал «ресурсных» приезжих – обнаруживают заметное сходство. Очевидно и то, что у современной администрации города есть желание развивать культурную сферу жизни города и именно через нее усиливать его привлекательность как для жизни, так и для туризма; руководство города обычно не в состоянии оказывать материальную поддержку частным инициативам, однако может предоставлять организационную или информационную помощь. Вместе с тем взаимоотношения городской администрации с частными деятелями не всегда простые, поскольку у нее существуют собственные представления о желательном образе Тарусы и о первоочередных задачах.

Постскрипtum

Основной материал, использованный при написании этой статьи, был собран в 2020–2021 гг. Менее чем через год после нашей экспедиции общая ситуация в стране и мире драматически изменилась. Какие-то проекты продолжают, какие-то были свернуты. Кто-то из активных участников культурной жизни Тарусы покинул Россию, кто-то продолжает свою деятельность. Помимо личных обстоятельств, меняется и экономическая ситуация. В настоящее время трудно оценить, какое влияние новый контекст окажет на исследуемые процессы (де)периферизации в Тарусе.

Список источников

- Аверкиева К.В., Нефедова Т.Г. Дачная «колонизация» российской глубинки. Пример Костромской области // Мир России. 2016. № 1. С. 103–128.
- Анохин А.А., Кузин В.Ю. Подходы к выделению периферии и периферизация в пространстве современной России // Известия Русского географического общества. 2019. № 151 (1). С. 3–16. doi: 10.31857/S0869-607115113-16
- Бабушкин Я., Насонова А. Тарусские пленники: как предприниматели и благотворители улучшают жизнь в провинции. URL: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/483208-tarusskie-plenniki-kak-predprinimateli-i-blagotvoriteli-ulucsaut-zizn-v-provincii> (дата обращения: 15.08.2023).
- Блищ Н.Л., Алешка Т.В. Вторая Международная научная конференция «Творчество Беллы Ахмадулиной в контексте культуры XX века» // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 3. С. 91–92.
- Бурдые П. Исторический генезис чистой эстетики. Эссенциалистский анализ и иллюзия абсолютного // Новое литературное обозрение. 2003. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/istoricheskij-genezis-chistoj-estetiki-1-essencialistskij-2-analiz-i-illyuziya-absolyutnogo.html> (дата обращения: 15.12.2023).
- Бурдые П. Формы капитала // Центр гуманитарных технологий. 18.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (дата обращения: 01.12.2023).
- Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-3526. Оп. 1. Историческая справка.
- Кайбишева Е.И. Периферизация: теория и современная практика исследований // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2019. Т. 14, № 3. С. 448–461. doi: 10.17072/1994-9960-2019-3-448-461
- Кашитанова Е.Е. «Живу я в усадьбе Борок против города Тарусы...» // Таруса в исследованиях краеведов: сб. докл., тез., сообщений III–V конференций «Историко-культурное и природное наследие Тарусского края». Калуга, 2021.
- Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012.
- Личенко С.И. Народное искусство Калужского края XIX–XX вв.: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2005.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. № 2. С. 64–74.
- Некрасов М., Дубинина Л. Мария Фёдоровна Якунчикова. Жизнь и деятельность. М.: АИРО-XXI, 2019.
- Паустовский К. Письмо из Тарусы. 1956. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/tarusa/pisma.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

- Паустовский К. Судьба маленького города. 1965. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/sudba-malenkogo-goroda.htm> (дата обращения: 15.06.2023).
- ПМА 2021 – Полевые материалы авторов, собранные в экспедиции в Тарусу в июле 2021 г.
- Портал «Живое наследие» URL: <https://livingheritage.ru/brand/kaluzhskaya-oblast/tarus-skaaya-vyshivka-cvetnaya-perevit> (дата обращения: 16.08.2023).
- Портал «Фонд Святослава Рихтера». URL: <http://richterfoundation.ru/xxviii-festival/> (дата обращения: 16.08.2023).
- Росстат. Заработная плата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 01.12.2023).
- Росстат. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 01.12.2023).
- Росстат. Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на первое января 2019 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 01.12.2023).
- Савоскул О.С., Ефимов А.Б., Смирнова Н.С., Ломакин Б.Е., Кадетский А.В., Мартынова Е.А. Таруса: окна в прошлое. Таруса; Калуга, 2021.
- Севастьянов И.В. Джентрификация малого российского города: пример Тарусы // Альманах конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН. Вып. II / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. Т. 1. С. 243–263.
- Смит Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 27–44.
- Тарусские страницы. Калуга, 1961.
- Шереметьева М.Е. Все венки да поверх воды. Народное искусство Калужского края. 2-е изд. Тула, 1984.
- Шнирельман В.А. Археология, историческое наследие и проблемы этики // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 97–122.
- Burnett K.A. Local Heroics: Reflecting on Incomers and Local Rural Development Discourses in Scotland // Sociologia Ruralis. 1998. Vol. 38, Is. 2. P. 204–224.
- Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery / ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel, S. Polak-Rottmann. London; New York: Routledge, 2020.
- Kirshenblatt-Gimblett B. Theorizing Heritage // Ethnomusicology. 1995. Vol. 39, № 3. P. 367–380.
- Kühn M. Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities // European Planning Studies. 2015. №. 23 (2). P. 367–378.

References

- Anokhin A.A., Kuzin V.Iu. (2019) Podkhody k vydeleniiu periferii i periferizatsiia v prostranstve sovremennoi Rossii [Approaches To The Allocation Of Periphery And Peripheralization In The Spatial Development Of Modern Russia], *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva*, no. 151(1), pp. 3–16. <https://doi.org/10.31857/S0869-607115113-16>
- Averkieva K.V., Nefedova T.G. (2016) Dachnaia «kolonizatsiia» rossiiskoi glubinki. Primer Kostromskoi oblasti [Dachas And The Colonization Of Rural Areas By Urban Citizens In Russia: The Case Of The Kostroma Region], *Mir Rossii*, no. 1, pp. 103–128.
- Babushkin Ia., Nasonova A. *Tarusskie plenniki: kak predprinimateli i blagotvoriteli uluchshaiut zhizn' v provintsii* [Tarusa captives: how entrepreneurs and philanthropists improve life in the provinces]. Available at: <https://www.forbes.ru/rubriki-kanaly/video/483208-tarusskie-plenniki-kak-predprinimateli-i-blagotvoriteli-uluchshaiut-zhizn-v-provincii> (Accessed 15 August 2023)

- Blishch N.L., Aleshka T.V. (2017) Vtoraia Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Tvorchestvo Belly Akhmadulinoi v kontekste kul'tury XX veka» [The Second International Scientific Conference "Bella Akhmadulina's Creative Working In The Context Of The Culture Of The XX Century"], *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 3, pp. 91–92.
- Bourdieu P. (2003) Istoricheskii genezis chistoi estetiki. Essentsialistskii analiz i illiuziia absoliutnogo [Genèse historique d'une esthétique pure], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 2. (In Russian) Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/istoricheskij-genezis-chistoj-estetiki-1-essenczialistskij-2-analiz-i-illyuziya-absolyutnogo.html> (Accessed 15. December 2023)
- Bourdieu P. (2009) Formy kapitala [The Forms of Capital], *Tsentr gumanitarnykh tekhnologii*. Available at: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601> (Accessed 01 December 2023)
- Burnett K.A. (1998) Local Heroics: Reflecting on Incomers and Local Rural Development Discourses in Scotland, *Sociologia Ruralis*, Vol. 38, Is. 2, pp. 204–224.
- Gosudarstvennyi arkhiv Kaluzhskoi oblasti (GAKO) [State Archives of the Kaluga Region (GAKO)]. Fund R-3526. List 1. Istoricheskaya spravka [Historical reference]
- Japan's New Ruralities. Coping with Decline in the Periphery*. Ed. by W. Manzenreiter, R. Lützel and S. Polak-Rottmann. London & New York: Routledge, 2020.
- Kaibicheva E.I. (2019) Periferizatsiia: teoriia i sovremennaya praktika issledovaniia [Peripheralization: Theory And Modern Practices Of Studies], *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Ekonomika» = Perm University Herald. Economy*, Vol. 14, no. 3, pp. 448–461. doi: 10.17072/1994-9960-2019-3-448-461
- Kashanova E.E. (2021) “Zhivu ia v usad'be Borok protiv goroda Tarusy...” [“I live in the Borok estate opposite the city of Tarusa...”]. In: *Tarusa v issledovaniakh kraevedov. Sbornik dokladov, tezisev, soobshchenii III–V konferentsii “Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie Tarusskogo kraia”* [Tarusa in the studies of local historians. Collection of reports of the III–V conferences "Historical, cultural and natural heritage of the Tarusa region"]. Kaluga.
- Kirshenblatt-Gimblett B. (1995) Theorizing Heritage, *Ethnomusicology*, Vol. 39, no. 3, pp. 367–380.
- Kühn M. (2015) Peripheralization: Theoretical Concepts Explaining Socio-Spatial Inequalities, *European Planning Studies*, no. 23 (2), pp. 367–378.
- Lappo G.M. (2012) *Goroda Rossii. Vzglad geographa* [Cities of Russia. Geographer's View]. Moscow: Noviy khronograph.
- Lichenko S.I. (2005) *Narodnoe iskusstvo Kaluzhskogo kraia XIX–XX vv.: dis. ... kand. iskusstvovedeniia* [Folk art of the Kaluga region of the 19th–20th centuries: Cand. of Art History dissertation]. Moscow.
- Makhrova A.G., Medvedev A.A., Nefedova T.G. (2016) Sadovo-dachnye poselki gorozhan v sisteme sel'skogo rasseleniia [Gardening And Dacha Communities Of Urban Dwellers In The Rural Settlement System], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5 Geografiia*, no. 2, pp. 64–74.
- Nekrasov M., Dubinina L. (2019) *Mariia Fedorovna Iakunchikova. Zhizn' i deiatel'nost'* [Maria Fedorovna Yakunchikova. Life and work]. Moscow: AIRO-XXI.
- Paustovskii K. (1956) *Pis'mo iz Tarusy* [A Letter from Tarusa]. Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/mesta/tarusa/pisma.htm> (Accessed 15 June 2023)
- Paustovskii K. (1965) *Sud'ba malen'kogo goroda* [The fate of a small town]. Available at: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/sudba-malenkogo-goroda.htm> (Accessed 15 June 2023)
- PMA 2021 – Polevye materialy avtorov, sobrannye v ekspeditsii v Tarusu v iule 2021 g. [Authors' field materials collected during the expedition to Tarusa in July 2021]
- Portal “Fond Svyatoslava Rikhtera” [Portal "Svyatoslav Richter Foundation"]. Available at: <http://richterfoundation.ru/xviii-festival/> (Accessed 16 August 2023)

- Portal "Zhivoe nasledie" [Portal "Living Heritage"]. Available at: <https://livingheritage.ru/brand/kaluzhskaya-oblast/tarusskaya-vyshivka-cvetnaya-perevit> (Accessed 16 August 2023)
- Rosstat. *Chislennost' postoiannogo naseleniia Rossiiskoi Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniim na pervoe ianvaria 2019 goda* [Rosstat. The number of permanent population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2019]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (Accessed 01 December 2023)
- Rosstat. *Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda* [Rosstat. Results of the 2020 All-Russian Population Census]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (Accessed 01 December 2023)
- Rosstat. *Zarabotnaia plata* [Rosstat. Salaries]. Available at: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Accessed 01 December 2023)
- Savoskul O.S., Efimov A.B., Smirnova N.S., Lomakin B.E., Kadetskii A.V., Martynova E.A. (2021) *Tarusa: okna v proshloe* [Tarusa: Windows into the Past]. Tarusa–Kaluga.
- Sevast'ianov I.V. (2021) Dzhentifikatsiia malogo rossiiskogo goroda: primer Tarusy [Gentrification of a small Russian town: the example of Tarusa]. In: *Al'manakh Konferentsii molodykh uchennykh Instituta etnologii i antropologii RAN. Vypusk II* [Almanac of the Conference of Young Scientists of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Issue II] / ed. by S.A. Oreshin, P.A. Serin. Moscow: IEA RAN, vol. 1, pp. 243–263.
- Sheremet'eva M.E. (1984) *Vse venki da poverkh vody. Narodnoe iskusstvo Kaluzhskogo kraia* [All the wreaths are on top of the water. Folk art of the Kaluga region]. 2nd ed. Tula.
- Shnirel'man V.A. (2020) Arkheologiya, istoricheskoe nasledie i problemy etiki, *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*, no. 1, pp. 97–122.
- Smit L. (2013) "Zerkalo nasledii": nartsissicheskaya illiuziia ili mnozhestvo otrazhenii? [The "Patrimonial Mirror": Narcissistic Illusion Or Multiple Reflections?], *Voprosy muzeologii*, no. 2(8), pp. 27–44.
- Tarusskie stranitsy* [Tarusa pages]. Kaluga, 1961.

Сведения об авторах:

ЛЮБИМОВА Наталия Сергеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

МОЧАЛОВА Мария Алексеевна – младший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии (Москва, Россия). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Nataliia S. Lyubimova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: lyubimova@iea.ras.ru

Maria A. Mochalova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: masha.mochalova@iea.ras.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 1 апреля 2024 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.*

*The article was submitted 01.04.2024;
accepted for publication 17.06.2024.*

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 391
doi: 10.17223/2312461X/44/10

От чалдонов к интернет-мемам о Сибири

Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2022. 284 с.

Для цитирования: Громов Д.В. От чалдонов до интернет-мемов о Сибири (рец. на Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ РАН, 2022. 284 с.) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 218–223. doi: 10.17223/2312461X/44/10

For citation: Gromov, D.V. (2024) From Chaldons to Internet Memes about Siberia (Review of Fursova E.F. (ed.) (2022) *Siberia and Siberians: ethno-cultural identity of Russian and other East Slavic peoples in Siberia (XIX - early XXI century)*. Novosibirsk: IAET RAS, 2022. 284 p.). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 2. pp. 218–223 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/44/10

Под грифами Института этнологии и антропологии РАН и Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН вышло новое сибиреведческое издание под названием «Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века)», ответственный редактор Елена Фёдорова Фурсова. Как следует из названия, книга посвящена истории и

культуре русских, украинцев и белорусов в многообразной этнической картине, складывавшейся в Сибири в последние века. Исторически будучи пришлыми, представители славянских народов, расселившись от Уральских гор до Тихого океана, составили 90% проживающего здесь населения.

Первая глава книги посвящена рассмотрению одной из самых известных сибирских идентичностей – чалдонам, старожильческому русскому населению региона. В основу главы легли многолетние исследования Е.Ф. Фурсовой, проводившиеся с 1978 г. не только в Сибири, но и на Дону. Эти исследования имели целью выявить историческую память «коренных» славянских поселенцев региона. В главе рассмотрены версии происхождения чалдонов как этнокультурного образования, дано их этнографическое описание. Сделан упор на описаниях чалдонов на исследованных автором территориях Западной Сибири.

Вторая и третья главы написаны Р.Ю. Федоровым, они посвящены, соответственно, этнокультурной идентичности и особенностям расселения белорусских и украинских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. Они написаны с привлечением большого объема эмпирического материала, многообразных исторических источников. При анализе миграционных процессов, в частности, отмечалось, что выходцы из различных регионов европейской части России выбирали для расселения природно-климатические зоны, напоминавшие их родину: так, украинцы селились в степной и лесостепной местности, близкой по условиям жизни к местам их выхода. Белорусы, напротив, предпочитали зоны смешанных лесов и тайгу.

В книге отмечается, что анализ идентичности восточнославянских народов в Сибири усложнен тем, что на местах выбытия некоторые мигранты не имели привычной нам этнической самоидентификации. Например, до начала XX в. самоидентификация «белорус» у выходцев с территории нынешней Белоруссии была очень редкой; в меньшей степени, но такое было свойственно и украинцам. Поэтому многие сибирские новоселы называли себя по месту прежнего жительства (например, гомельцами). Всплеск этнического самосознания произошел для украинцев с 1905 г. до Первой мировой войны, для белорусов – в 1920-е гг. (в процессе советской белорусизации). В начале 1930-х политика этнизации была свернута, белорусы и украинцы в ходе переписей все больше стали называть себя русскими. Сложные исторические процессы формирования идентичности привели к тому, что возникли новые самоидентификационные категории. В частности, достаточно рано наряду с «чалдонами» появилась категория «самоходы», обозначающая переселенцев (большей частью с территории Белоруссии), прибывших в Сибирь самостоятельно, без принуждения со стороны государства. Для украинцев, живущих в Сибири, сформировалось самоназвание «хохлы». Если на Украине

данное слово считалось оскорбительным, то здесь оно утратило свой пейоративный характер и стало просто самоидентифицирующим эндоэтнонимом, подчеркивающим оторванность от исторической родины.

Описание миграционных процессов и формирования этнокультурных идентичностей на территории Сибири дополняется четвертой главой, в которой Н.И. Шитова рассматривает этнокультурное разнообразие и этнокультурную идентичность русских Горного Алтая.

Во всех четырех главах как отдельная идентичность прослеживается старообрядчество. Вернее, это группа идентичностей (кержаки, «поляки», двоедане и проч.), которые отражают принадлежность к различным старообрядческим соглашениям или территориальные особенности наименования староверческих групп, принявших активное участие в освоении Сибири. Иногда названия староверческих групп становятся нарицательными обозначениями старожильского населения. Разнообразие староверческих идентичностей, связанных с расселением в Сибири, указывает на важность этой конфессиональной группы (вернее, групп, отражающих разные течения старообрядчества) для освоения региона Россией.

Пятая глава, написанная О.В. Голубковой, отражает результаты десятилетнего исследования низшей демонологии на юге Западной Сибири. Ввиду того, что территория заселялась выходцами из разных регионов европейской части страны, переселенцы несли с собой и мифологические представления, «заселяя» домовыми и лешими вновь освоенные территории. Это ставит перед фольклористом интересные задачи. Рассказы о встречах с мифологическими персонажами в разных местах расселения значительно различаются; например, северорусская русалка значительно отличается от южнорусской и украинской. Соответственно, в местах позднего расселения эти рассказы оказываются маркерами, показывающими, откуда приехали их носители.

Здесь возникает желание вступить в полемику с автором: представляется спорным соотношение низшей демонологии и понятия идентичности. Если идентификация – это эмоционально-когнитивный процесс отождествления субъектом себя с другими людьми, группами или социокультурными образцами, то может ли знание субъектом былички способствовать такому отождествлению? Да, произведения фольклора (народные песни, календарная и окказиональная обрядность, исторические предания, паремии и проч.) способствуют формированию этнокультурной идентичности. Например, если жители сибирской деревни поют передающуюся из поколения в поколение украинскую песню, это действительно говорит об украинских корнях и так или иначе осмысливается местными жителями как часть идентичности. А вот если рассказывают о встречах с русалкой? Фольклорист действительно может распознать в образе русалки ее происхождение и сделать на основании этого выводы

о происхождении информанта, но самому информанту такая рефлексия недоступна, для него русалка – это существо, которое, говорят, «появляется на мостках», но с идентичностью она никак не связана.

Если связь быличек с идентичностью вызывает сомнение, то следующая (и последняя) глава этого недостатка лишена – здесь речь точно идет об идентичности. Глава М.В. Васехи посвящена уже современным процессам, основанным на новых технологиях и захватывающим преимущественно городских жителей. Речь идет о брендировании территорий и выработке визуальной символики как для отдельных сибирских городов, так и для региона в целом. Как считается, выработка привлекательных брендов, с одной стороны, обеспечивает приток туристов и инвестиций в брендированные регионы, а с другой – улучшает отношение к регионам местных жителей, особенно молодых: вследствие повышения символической привлекательности места его жители будут лучше к нему относиться, снизится отток населения, возникнет хорошая атмосфера для экономики. В главе рассматриваются, с одной стороны, опыт официального и «низового» брендирования некоторых сибирских городов, с другой – попытки конструирования через символику «сибирскости». При всем желании создать нечто новое и оригинальное продолжают сохранять актуальность образы, традиционно формирующие имидж региона: сибирские холода (снег, валенки), специфическая «таежная» брутальность (медведи, хаски), экологичность (кедры), территориальная удаленность, экзотичность коренного населения, исторические деятели (Ермак). Впрочем, есть случаи разработки и актуальных тем, например, лесных пожаров 2019 г. Продукция с сибирским имиджем предполагает потребление вовне региона: ее покупают туристы, уроженцы Сибири, живущие в разных городах и странах.

Высокое качество авторских текстов, входящих в книгу, обеспечивает ее несомненную ценность. Но есть у книги и минус: она недостаточно продумана концептуально. Книга представлена как коллективная монография; но монография – это цельное произведение, последовательно и комплексно раскрывающее тему (обычно сформулированную в названии), выполненное в единой стилистике. Несколько хороших статей, объединенных единой темой, – это все-таки сборник, а не монография.

Здесь мы выходим на проблему, которая типична для современной российской науки: переделывание сборников в коллективные монографии. Это происходит повсеместно, рецензируемая книга в данном случае не исключение. Коллективные монографии, действительно соответствующие требованиям, обычно пишутся постоянными коллективами, по жесткому заранее составленному плану, с серьезной стандартизирующей редакторской правкой составителя. Примером могут быть тома серии «Народы и культуры», выпускаемые Институтом этнологии и антропологии РАН, каждый из них структурирован для подробного описания

рассматриваемых этносов, например: этногенез, районирование, особенности традиционного хозяйствования и т.д. Сформулирую так: обычно коллективная монография удается, когда она описывает некое устоявшееся, хорошо изученное явление и пользуется устоявшейся структурой описания. За пределами этого правила количество удачных коллективных монографий исчезающе мало. Большинство опубликованных книг, заявленных как коллективные монографии, представляют собой тематические сборники статей, более или менее оформленные концептуально.

Сборник можно переформатировать в монографию, объединив разрозненные статьи солидным введением и заключением, «цементирующими» статьи в единое целое. Но в рассматриваемых нами «Сибири и сибиряках...» введение сводится к объемному теоретическому обзору подходов к теме идентификации, а что касается заключения, то оно состоит из резюме глав, склеенных в подбор.

Монографии не помешал бы хороший исторический очерк, показывающий (хотя бы в общих чертах), как, собственно, изменялась этнокультурная идентичность восточных славян в Сибири и как формировалась сибирская идентичность. То есть какие территории входят в регион, как он заселялся, как пришлое население выстраивало отношения с коренным, как различные волны миграции составляли сложный социальный рисунок на огромной территории Сибири, как формировались представления о единстве региона, какой вклад в это сделали писатели, поэты, художники, политики и публицисты; как Сибирь осмыслялась в Российской империи (особенно в последние годы ее существования), в Советской России, в Советском Союзе, в постперестроечной Российской Федерации, с чем она ассоциировалась. Это и составило бы общую картину развития сибирской идентичности, фон. На этом фоне уже можно было бы сосредоточиться на подробном вырисовывании частных сюжетов: чалдонов, украинской, белорусской миграции и прочем. Но фона нет, и от леших и русалок (глава 5) повествование сразу переходит к интернет-мемам (глава 6).

В результате читатель, который вознамерится разобраться с этнокультурной идентичностью восточнославянского населения Сибири, не сможет этого сделать, хотя и узнает много полезной этнографической информации.

Понятно, что замечания выше высказаны не столько к авторам рецензируемой книги, сколько к наукометрическому подходу, который сложился в настоящий момент. Коллективные монографии оказываются предпочтительнее и в институтской отчетности, и в отчетности по грантам. Статус «обычного» сборника и включенных в него статей снизился. Тем не менее сборник всегда был очень значимой единицей научного творчества; каждый специалист может вспомнить много солидных концептуально продуманных сборников, которые «делали» науку, освещая

общие и частные научные темы более полно, чем даже монографии. Хочется надеяться, что хороший сборник снова приобретет весомость. Книга «Сибирь и сибиряки...» именно вот такой хороший сборник, на страницах которого в нескольких крупных статьях рассмотрены важные аспекты исследования сибирского региона.

Громов Дмитрий Вячеславович

Информация об авторе:

ГРОМОВ Дмитрий Вячеславович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: gromovdv@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitry V. Gromov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: gromovdv@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2023 г.;
принята к публикации 17 июня 2024 г.

The article was submitted 18.04.2023;
accepted for publication 17.06.2024.

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2024. № 2

Редактор Ю.П. Готфрид
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Д.Э. Уигет

Подписано в печать 28.06.2024 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 14. Усл. печ. л. 18,2. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 5983. Цена свободная.

Дата выхода в свет 03.09.2024 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru